

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

4

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

4

С О Ц Э К Г И З

1940

Содержание

	<i>Стр.</i>
А. Мендельсон — Ленин — создатель социалистического государства	3
А. Пашков — Развитие Лениным политической экономии	17
О. Абрамович — Ленин в борьбе с «экономизмом»	40
—————	
Д. Шепилов — Учение о социалистической собственности	54
И. Лаптев — Размещение производства пшеницы в СССР	75
С. Белов — Эрозия почвы и борьба с ней в условиях СССР	91
М. Колганов — Народный доход СССР и основная экономическая задача	103

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ

А. Малышев — На статистическом фронте	113
В. Немчинов — О преподавании статистики в экономических вузах	123

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

И. Бак — Экономические воззрения М. В. Ломоносова	131
--	-----

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Д. Розенберг — Возникновение простого товарного производства и закон его движения	144
--	-----

ХРОНИКА

Новые работы Института экономики Академии наук СССР	160
---	-----

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, тел. К-0-11-10, доб. 35 и 73.

Сдано в набор 14/III 1940 г. Подписано к печати 25/IV 1940 г. Формат 72×105¹/₁₆. Объем 10 п. л. = 13,389 уч.-изд л. Соцэкгиз № 13. Заказ типографии № 370. Уполномоч. Главлита РСФСР № А—27533. Тираж 14560 экз. Техническое оформление И. Широкова

Ленин—создатель социалистического государства

Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Ленин сформулировал теорию пролетарской революции и вместе с товарищем Сталиным руководил проведением первой в мире социалистической революции. С первых же шагов своей революционной деятельности Ленин ставил вопрос о том, что к революции нужно готовиться немедленно. Предвидение близости социалистической революции основывалось на глубоком изучении фактов развития капиталистического общества, на научном, теоретическом обобщении этих фактов.

Важнейшей составной частью ленинского учения о социалистической революции является вопрос о соотношении между буржуазной и социалистической революцией, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. При построении теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую Ленин опирался на высказывания Маркса и Энгельса. В «Манифесте коммунистической партии» говорится: «...ни на минуту не перестает она (коммунистическая партия—А. М.) вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата, чтобы немецкие рабочие могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должны принести с собою господство буржуазии, как оружие против нее же самой, чтобы, сейчас же после крушения реакционных классов в Германии, началась борьба против самой буржуазии»¹. В «Первом обращении Центрального Комитета к Союзу коммунистов», опубликованном в Лондоне в марте 1850 г., имеется известное положение о непрерывной революции². В письме к Энгельсу от 16-го апреля 1856 г. Маркс сформулировал тезис о сочетании пролетарской революции с крестьянским революционным движением³. Исходя из этих высказываний, учитывая обстановку и условия классовой борьбы в начале нынешнего столетия, Ленин говорил, что буржуазно-демократическая революция и социалистическая не отделены друг от друга китайской стеной, что пролетариат, присоединяя к себе полупролетарские элементы, должен /от революции демократической, в меру своих сил и организованности, переходить к революции социалистической.

Эта революционная марксистская теория, разработанная Лениным, противостояла оппортунистическим взглядам меньшевиков и западноевропейских социал-демократов, считавших, что между буржуазно-демократической и социалистической революциями должен быть длительный период «замирения». Меньшевики, отрицая роль крестьянства как возможного союзника пролетариата в социалистической революции, исходили из того, что буржуазии может противостоять

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 512.

² См. Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 483.

³ Там же, т. VIII, стр. 120.

только пролетариат, и нет никаких других общественных сил, которые могли бы быть вовлечены в борьбу на стороне революции. Отсюда они делали вывод, что условия для социалистической революции не созрели, и предлагали ждать, пока пролетариат станет большинством нации. Ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую разоблачала предательскую тактику меньшевиков и вооружала рабочий класс ясной революционной перспективой, мобилизовала на борьбу.

Ленин разработал вопрос о крестьянстве как резерве революции, как прочном союзнике рабочего класса, о гегемонии рабочего класса в революционной борьбе. В свете последующих событий пророчески звучат слова, которыми Ленин заканчивает свою работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», написанную в 1894 г.: «На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,— тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **русский пролетариат** (рядом с пролетариатом **всех стран**) **прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции**»¹.

Ленин открыл закон неравномерного развития капитализма и на основе этого закона разработал учение о возможности построения социализма в одной стране. Маркс и Энгельс, жившие в эпоху до-монополистического капитализма, исходили из тезиса о невозможности победы социализма в одной, отдельно взятой, стране. Они считали, что коммунистическая революция произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, по крайней мере в таких, как Англия, Америка, Франция и Германия. Ленин, в противовес ревизионистам из лагеря II Интернационала, отстаивая позиции творческого марксизма, доказал, что марксизм не догма, которую можно заучить и повторять по всякому поводу, а руководство к действию, что тезис Маркса и Энгельса, правильный для того периода, когда они писали, должен быть заменен другим в условиях высшей стадии капитализма — империализма. Новая обстановка, новые условия, резко обострившаяся неравномерность экономического и политического развития сделали невозможным осуществление социалистической революции одновременно во всех странах или хотя бы в ряде главных стран.

В 1915 г. Ленин сформулировал учение о возможности победы социализма в одной стране и невозможности одновременной победы социалистической революции во всех странах. Затем это положение проходит через ряд последующих работ Ленина. Апрельские тезисы, «Государство и революция» и другие важнейшие работы проникнуты этой идеей.

Товарищ Сталин на VI съезде РКП(б), нацелившем партию на вооруженное восстание, говорил, что именно Россия, возможно, явится страной, которая проложит путь к социализму.

В 1920 г. товарищ Сталин подробно осветил вопрос о победе социализма в одной стране в своем выступлении на краевом совещании коммунистических организаций Дона и Кавказа. Особенно остро встал вопрос о возможности победы социализма в СССР,

¹ Ленин, Соч., т. I, стр. 194.

о перспективах и характере нашего развития после смерти Ленина, в 1925 г. Троцкисты, разоблаченные впоследствии как предатели родины, как враги народа, повели атаку против ленинско-сталинской генеральной линии партии, и в первую очередь против ленинского учения о возможности построения социализма в одной стране. В этой борьбе товарищ Сталин отстаивал учение Ленина и развил его. Он доказал, что резкое обострение неравномерности развития в эпоху империализма создает возможность прорыва единого империалистического фронта в наиболее слабом его звене и тем самым возможность победы социализма в одной стране. Товарищ Сталин следующим образом обосновывает обострение неравномерности экономического и политического развития и решающее значение этой неравномерности в условиях империализма:

«Чем определяется обострение неравномерности и решающее значение неравномерного развития в условиях империализма?

Двумя главными обстоятельствами: во-первых, тем, что раздел мира между империалистическими группами закончен, «свободных» земель нет больше в природе и передел поделенного является абсолютной необходимостью для достижения экономического «равновесия» путем империалистических войн; во-вторых, тем, что небывалое раньше колоссальное развитие техники, в широком смысле этого слова, облегчает одним империалистическим группам перегонять и опережать другие империалистические группы в борьбе за завоевание рынков, в борьбе за захват источников сырья и т. д.

Но эти обстоятельства развились и дошли до высшей точки лишь в период развитого империализма. Да иначе оно и не могло быть, ибо только в период империализма мог закончиться передел мира, а колоссальные технические возможности появились лишь в период развитого империализма»¹.

Большое значение имеет указание товарища Сталина о том, что вопрос о победе социализма в одной стране, конкретно в СССР, имеет две различные стороны: с одной стороны, это — проблема взаимоотношений между классами внутри страны, с другой, это — проблема отношений СССР с капиталистическим миром. Первая может быть решена силами одной страны, и полный социализм может быть построен. Это теоретическое положение целиком подтверждено построением социалистического государства рабочих и крестьян. Вторая же проблема — преодоление противоречий между социалистическим государством и капиталистическим миром — не может быть решена силами рабочих и крестьян одной нашей страны. Окончательная победа социализма может быть достигнута лишь при помощи международного пролетариата в сочетании с нашей работой по повышению обороноспособности, по укреплению Красной армии и Красного флота, по мобилизации всей страны на борьбу против врагов.

В докладе на XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин обосновал возможность победы коммунизма в нашей стране при капиталистическом окружении.

В ленинской теории социалистической революции важнейшее место занимает учение о партии. «...Ленин первый в истории марксизма разработал учение о партии, как руководящей организации и пролетариата, как основного оружия в руках пролетариата, без которого невозможно победить в борьбе за пролетарскую диктатуру»². Ленин и Сталин выпестовали большевистскую партию в

¹ Сталин, Об оппозиции, Гиз, 1928, стр. 388.

² История ВКП(б), стр. 50.

тяжелых условиях царского подполья, закалили ее в боях с самодержавным режимом, в борьбе против мелкобуржуазных партий, действовавших в рядах рабочего класса, в борьбе против оппортунистов.

Спаянная железной дисциплиной, единая и монолитная, вооруженная марксистско-ленинской теорией, партия Ленина — Сталина в 1917 г., возглавив массы, повела их по пути, намеченному Лениным, — на борьбу за свержение власти класса эксплуататоров, за установление диктатуры пролетариата.

* * *

Главным в ленинизме является вопрос о диктатуре пролетариата. «Понятие диктатуры пролетариата есть понятие государственное»¹. Вопрос о государстве — важнейшая часть марксистско-ленинского учения.

Ленин развил и обогатил марксистское учение о государстве, отстоял революционную суть этого учения в полемике с народниками, «легальными марксистами», анархистами, ревизионистами и иными врагами рабочего класса. Правильное, подлинно марксистское революционное понимание роли государства являлось одним из решающих условий победы пролетарской революции. Диктатура пролетариата — могучее орудие социалистического преобразования общества.

В ленинском учении о государстве при социализме существенное место занимает вопрос о соотношении между политикой и экономикой. Теория исторического материализма говорит о том, что источник происхождения политических взглядов, политических учреждений нужно искать в условиях материальной жизни общества. «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»². Но отсюда отнюдь не следует, что политические взгляды, политические учреждения не могут оказывать обратного воздействия на базис, на котором они возникли и отражением которого являются. В письме к Конраду Шмидту Энгельс специально рассматривал вопрос об обратном действии государства на экономическое развитие. Он установил три возможных случая: государственная власть действует в том же направлении, в каком идет развитие; государственная власть действует в прямо противоположном направлении; государственная власть в определенном направлении содействует развитию, а в другом — противодействует. Энгельс высмеивал «критиков» марксизма, которые приписывали ему и Марксу отрицание обратного воздействия надстройки на базис.

Обратное воздействие политики на экономику происходит и в условиях буржуазного общества, но там это воздействие ограничено антагонистической природой капиталистического общества. Капиталистическое государство стоит на страже интересов буржуазии, охраняет право частной собственности, создает возможность господствующему классу эксплуатировать большинство населения, выполняет задания финансовой олигархии. Принцип частной собственности, который призвано охранять капиталистическое государство, ставит предел его вмешательству в хозяйственную жизнь предприятий, отраслей. Таким образом оберегается святая святых буржуазного общества — производство прибавочной стоимости. Поскольку капиталистическое общество вступило в эпоху общего кризиса капитализма, поскольку строй современного капитализма является строем

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 125.

² Маркс, К критике политической экономии, Партиздат, 1933, стр. 42.

загнивающим, паразитическим, обреченным на гибель, постольку политика империалистического капитализма есть реакционная политика, тормозящая развитие общества.

По-иному складываются отношения в условиях диктатуры пролетариата, в условиях социалистического государства. Государство диктатуры пролетариата овладевает командными высотами народного хозяйства и в процессе социалистического обобществления получает все большую возможность воздействовать на хозяйственное развитие. Соотношение между политикой и экономикой Ленин определял формулой: «Политика есть концентрированное выражение экономики...»¹.

Характерным в соотношении между политикой и экономикой в эпоху диктатуры рабочего класса является первенство политики над экономикой. «Политика,— писал Ленин,— не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе — значит забывать азбуку марксизма». И далее: «...говорить (или хотя бы даже косвенно допускать мысль), что политический подход равноценен «хозяйственному», что можно брать «то и то», это значит забывать азбуку марксизма»².

Исходя из этого понимания соотношения между политикой и экономикой, наша партия, Ленин и Сталин боролись против «экономистов», меньшевиков, теоретиков II Интернационала, против теории стихийности. На таком понимании соотношения между политикой и экономикой основана установка нашей партии по вопросу о роли советского государства в построении социалистического общества: «Будучи пролетарской диктатурой, Советское государство является рычагом экономического переворота»³.

Ленин очистил учение Маркса о государстве от оппортунистических извращений, восстановил его революционную сущность. Он показал, что государство, в марксистском понимании, это — организация господствующего класса, орган или машина насилия одного класса над другим. Ленин разоблачил попытки буржуазных и особенно мелкобуржуазных идеологов, которые, пытаясь «подправить» Маркса, утверждали, что государство — не машина для насилия одного класса над другим, а орган примирения классов. Такую позицию заняли в 1917 г. социалисты-революционеры и меньшевики. Ленин отстоял революционную суть учения Маркса о государстве от каутскианских извращений.

Резюмируя содержание второй главы своей работы «Государство и революция», Ленин приходит к выводу: «Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура одного класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для пролетариата, свергнувшего буржуазию, но и для целого исторического периода, отдающего капитализм от «общества без классов», от коммунизма»⁴.

Сущностью государства в условиях переходного периода от капитализма к коммунизму является диктатура пролетариата. О том, какое место в учении Маркса занимает диктатура пролетариата, говорит тот факт, что марксистом Ленин считал того, «...кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры

¹ Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 126.

² Там же.

³ «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», Партиздат, 1936, ч. I, стр. 346.

⁴ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 393.

пролетариата»¹. Заслуга дальнейшей разработки учения о диктатуре пролетариата принадлежит Ленину.

До февральской революции 1917 г. еще не был разработан вопрос о конкретной государственной форме диктатуры пролетариата в переходный период. Указание Маркса относительно того, что организация типа Парижской Коммуны — наиболее подходящая форма диктатуры пролетариата, не было развито. Ленин открыл Советскую власть как государственную форму диктатуры пролетариата. Опираясь на опыт революции 1905 г. и первые результаты февральской революции 1917 г., Ленин в исторических Апрельских тезисах сформулировал известное положение о том, что формой диктатуры пролетариата должна быть республика Советов. Оппортунисты утверждали, что большевики якобы отходят от марксизма, ревизируют учение Маркса. Несмотря на это Ленин выдвинул лозунг организации республики Советов. Партия приняла точку зрения Ленина. Дальнейший ход событий полностью подтвердил правильность этой позиции.

Ленин обогатил учение Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата, определил, по словам товарища Сталина, диктатуру пролетариата «как особую форму классового союза пролетариата, являющегося руководителем, с эксплуатируемыми массами непролетарских классов (крестьянства и пр.), являющимися руководимыми»².

Впервые выдвинув в своей книге «Что такое «друзья народа» идею революционного союза рабочих и крестьян как главного средства свержения власти помещиков и капиталистов, Ленин вел упорную борьбу, увенчавшуюся успехом, за осуществление этого союза. «Самый коренной, самый существенный вопрос, это — отношение рабочего класса к крестьянству, это — союз рабочего класса с крестьянством, это — умение передовых рабочих, прошедших долгую, тяжелую, но и благодарную школу крупной фабрики, умение их поставить дело так, чтобы привлечь на свою сторону массу крестьян... Только в упрочении союза рабочих и крестьян лежит общее избавление человечества от таких вещей, как недавняя империалистическая бойня, от тех диких противоречий, которые мы видим в капиталистическом мире сейчас...»³. Развивая учение Ленина о союзе рабочих и крестьян при руководящей роли рабочего класса, товарищ Сталин указывал на особое значение этого союза в условиях диктатуры пролетариата: «Это есть особая форма классового союза рабочего класса и трудящихся масс крестьянства, ставящая своей целью: а) усиление позиций рабочего класса, б) обеспечение руководящей роли рабочего класса внутри этого союза, в) уничтожение классов и классового общества»⁴.

Новым по сравнению с прежней трактовкой диктатуры пролетариата, как отмечает товарищ Сталин, явилась также постановка Лениным вопроса о диктатуре пролетариата как о пролетарской демократии в противоположность демократии капиталистической. Первая — пролетарская демократия — выражает интересы большинства (эксплуатируемых), вторая — капиталистическая демократия — выражает интересы меньшинства (эксплоататоров). Эти новые моменты в учении о диктатуре пролетариата сыграли большую роль в укреплении социалистического государства. Ленинское учение о диктатуре пролетариата сыграет большую роль в грядущих боях

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 392.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 170.

³ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 123.

⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 192.

пролетариата империалистических стран: он сможет уверенно двигаться вперед по проложенным и проверенным путям.

Ленин всегда стоял на позициях творческого марксизма. Он никогда не останавливался перед тем, чтобы внести новое в учение Маркса и Энгельса, если это диктовалось реальной действительностью. Его не останавливали обвинения врагов в «ревизии» Маркса, в «отходе» от Маркса. Ленин уверенно делал свое дело, ибо знал, что делает именно то, что вытекает из теории Маркса, чего требовали Маркс и Энгельс от революционера.

Помимо учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата огромным вкладом в сокровищницу марксизма является разработка вопроса о формах и способах строительства социализма в эпоху диктатуры пролетариата. Маркс и Энгельс наметили самые общие принципы построения коммунистического общества. Этого было достаточно для того времени, к которому относится их деятельность. После Октябрьской победы Ленин и Сталин руководили воплощением в жизнь этих принципов, развивали и конкретизировали их, строили социализм в конкретных условиях СССР, в капиталистическом окружении.

Одна из основных задач государства диктатуры пролетариата, унаследовавшего отсталость аграрной царской России, находящегося в условиях капиталистического окружения, была сформулирована Лениным в канун Великой Октябрьской социалистической революции. Предвидя победу пролетарской революции и таким образом раскол мира на две системы, Ленин писал в сентябре 1917 г.:

«В силу ряда исторических причин: большей отсталости России, особенных трудностей войны для нее, наибольшей гнилости царизма, чрезвычайной живости традиций 1905 года, в России раньше других стран вспыхнула революция. Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически.

Это возможно, ибо перед нами лежит готовый опыт большого числа передовых стран, готовые результаты их техники и культуры...

Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей»¹.

Под знаком решения этой задачи велось социалистическое строительство. К этому вопросу неоднократно возвращался и товарищ Сталин. В докладе на XVIII съезде ВКП(б) он поставил как основную экономическую задачу СССР — в течение ближайших 10—15 лет догнать и перегнать главные капиталистические страны в экономическом отношении.

Социалистическое государство с первых шагов своей деятельностью проводит в жизнь программу большевистской партии: отменяет помещичью собственность на землю и передает ее в пользование крестьянству, национализирует все земли в стране, экспроприирует капиталистов, завоевывает выход из войны. Первый этап — экспроприация экспроприаторов — создает предпосылки для развертывания социалистического строительства.

В марте-апреле 1918 г. Ленин в работе «Очередные задачи советской власти» развертывает план приступа к социалистическому строительству. Ленин выдвигает в качестве очередной задачи, вытекающей из своеобразия переживаемого момента, организацию

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 191.

управления страной. Он формулирует общие лозунги момента, намечая условия, необходимые и достаточные для победы социализма. «Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде,— именно такие лозунги, справедливо осмеивавшиеся революционными пролетариями тогда, когда буржуазия прикрывала подобными речами свое господство, как класса эксплуататоров, становятся теперь, после свержения буржуазии, очередными и главными лозунгами момента... практическое проведение в жизнь этих лозунгов Советскою властью, ее методами, на основании ее законов, является необходимым и достаточным для окончательной победы социализма»¹.

Согласно плану Ленина, после завоевания политической власти, нужно было направить усилия на решение экономических задач, на построение фундамента социалистической экономики. Особенно большое значение Ленин придавал организации всенародного учета и контроля над производством и распределением продуктов. В стране, где преобладали мелкобуржуазные элементы в хозяйстве, которые противодействовали общегосударственной дисциплине и стремились путем спекуляции «нажиться на народной нужде»,— всенародный учет и контроль должны были сыграть решающую роль.

В числе коренных задач социалистического строительства, выдвинутых Лениным, были повышение производительности труда и обобществление производства. Ставя задачу повышения производительности труда, Ленин в то же время указывал, что условием ее решения являются создание материальной основы социализма — крупной индустрии, подъем культурного уровня массы населения, укрепление дисциплины, повышение интенсивности труда и лучшая его организация. В условиях разрухи, вызванной империалистической войной и хищническим хозяйничанием буржуазии, в обстановке, когда буржуазия и ее прихвостни пытались посеять отчаяние и панику, Ленин твердой рукой направлял социалистическое строительство. Он высмеивал пустые громкие фразы, сосредоточивая внимание и усилия рабочего класса и всех трудящихся на решении совершенно конкретных практических задач социалистического строительства.

В качестве одной из очередных задач в этот период Ленин выдвигает организацию социалистического соревнования. Он обосновывает необходимость соцсоревнования, вскрывает особенности, отличающие его от «соревнования» в капиталистических условиях, развертывающегося в форме ожесточенной конкурентной борьбы. Не ограничиваясь одной только постановкой задачи, Ленин указывает пути ее решения, в частности, при помощи печати, путем допуляризации лучших образцов, занесения на «черную доску» тех, кто «хранит традиции капитализма», и т. п.

В «Очередных задачах советской власти» и в ряде других работ и выступлений Ленин указывает, что необходимо ввести сдельную оплату, бороться с уравниловкой, применять наряду с воспитательными мерами и метод принуждения по отношению к лодырям, к тем, кто нарушает государственные интересы. Ленин ставит вопрос о единоначалии на предприятиях, о новой трудовой дисциплине. В этот же период он выдвигает вопрос о подъеме культуры среди массы населения, констатируя, что благодаря советской организации государства этот подъем идет чрезвычайно интенсивно. А через несколько лет, когда процесс экономического строительства и орга-

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 443.

низации управления значительно подвинулся вперед, Ленин в статье «О кооперации» снова возвращается к вопросу о культурной революции. Здесь он формулирует свое известное положение: «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной...»¹.

В ленинском плане приступа к социалистическому строительству, намеченном весной 1918 г., мы находим ряд важнейших задач, решение которых должно было определить победоносное строительство социализма. Партия большевиков проводила в жизнь ленинский план, несмотря на ожесточенное противодействие, которое оказывали «левые коммунисты» вместе с эсерами и меньшевиками, обвиняя Ленина, партию в возврате к буржуазным порядкам.

В период иностранной военной интервенции и гражданской войны Советское правительство осуществило систему мероприятий, направленных к тому, чтобы все народное хозяйство, весь тыл поставить на службу фронту. Был введен так называемый военный коммунизм. Для защиты завоеваний революции и для разгрома вражеских армий внешней и внутренней контрреволюции созданся военно-политический союз рабочего класса и крестьянства.

После окончания гражданской войны перед государством диктатуры пролетариата встала основная задача создать прочную экономическую базу для укрепления союза рабочего класса и крестьянства. Ленин разработал систему мероприятий, рассчитанных на победу социализма. Десятый съезд партии предложенную Лениным новую экономическую политику одобрил.

Суть мероприятий, разработанных Лениным и принятых X съездом, сводилась к замене продразверстки продналогом, что должно было создать заинтересованность крестьян в производстве и привести к увеличению продукции сельского хозяйства. На этой основе можно было развернуть работу государственной промышленности, постепенно вытесняя частный капитал, с тем, чтобы накопить ресурсы, создать экономическую основу социализма — мощную промышленность — и перейти в наступление. Задача заключалась в том, указывал Ленин, чтобы от лобовой атаки на капиталистические элементы, чем является военный коммунизм, перейти к более длительной осаде. Новая экономическая политика это — метод строительства социализма в условиях, когда пролетариат, имея в своих руках командные высоты народного хозяйства — землю, промышленность, транспорт, банки и т. д., «...смыкает социализированную индустрию с сельским хозяйством («смычка индустрии с крестьянским хозяйством») и ведет, таким образом, все народное хозяйство к социализму»². Сущность нэпа исчерпывающе вскрыл товарищ Сталин в заключительном слове на XIV съезде партии: «Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики»³.

Нэп включает как составную свою часть кратковременное отступление, чтобы перегруппировать и накопить силы для последую-

¹ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 397.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 171.

³ «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии(б)», Стенографический отчет, 1926, стр. 493.

щего наступления. Уже через год после введения новой экономической политики, на XI съезде партии, Ленин заявил, что отступление кончилось. Троцкистам и другим оппозиционерам, пытавшимся трактовать нэп только как отступление, был дан отпор. Строительство социализма шло по пути, намеченному Лениным.

Новая экономическая политика относится к тому, чем Ленин обогатил теорию и практику борьбы за построение социалистического общества. Совокупность основных экономических и политических мероприятий, которые охватываются понятием «новая экономическая политика», имеет значение и для борьбы международного пролетариата. Об этом говорил Ленин в отчете ВЦИК и СНК IX Всероссийскому съезду Советов 23 декабря 1921 г.: «Та задача, которую мы решаем сейчас, пока — временно — в одиночку, кажется задачей чисто русской, но на деле это — задача, которая будет стоять перед всеми социалистами»¹. Разработанные Лениным принципы новой экономической политики включены в программу Коммунистического Интернационала и изложены в разделе, посвященном основам экономической политики пролетарской диктатуры.

Одной из важнейших составных частей учения Ленина о построении социалистического государства является его теория социалистической индустриализации. Под руководством Ленина начата была борьба за осуществление плана индустриализации Советской республики. Пролетариат завоевал политическую власть в аграрной, отсталой стране. С первых же дней перехода на мирное строительство перед социалистическим государством встала задача — создать материально-техническую базу социализма. Такой базой является крупная машинная социалистическая индустрия, стоящая на уровне самой передовой науки и техники. «Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие»². Это положение Ленин неоднократно повторяет: «Победу социализма над капитализмом, упрочение социализма можно считать обеспеченными лишь тогда, когда пролетарская государственная власть, окончательно подавив всякое сопротивление эксплуататоров и обеспечив себе совершенную устойчивость и полное подчинение, реорганизует всю промышленность на началах крупного коллективного производства и новейшей (на электрификации всего хозяйства основанной) технической базы. Только это даст возможность такой радикальной помощи, технической и социальной, оказываемой городом отсталой и распыленной деревне, чтобы эта помощь создала материальную основу для громадного повышения производительности земледельческого и вообще сельско-хозяйственного труда, побуждая тем мелких земледельцев силой примера и ради их собственной выгоды переходить к крупному, коллективному, машинному земледелию»³.

Страна социализма должна добиться более высокой производительности труда, чем в капиталистических государствах. Поскольку одним из важнейших условий подъема производительности труда является наличие крупной индустрии, государство диктатуры пролетариата должно и может обеспечить выполнение этого условия.

Наиболее совершенной технической базой современной индустрии является электричество. Электрификации Ленин, как известно, придавал огромное значение. «Коммунизм — это есть Советская власть

¹ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 140—141.

² Там же, т. XXVI, стр. 434.

³ Там же, т. XXV, стр. 276.

плюс электрификация всей страны»¹, — так ставил вопрос Ленин на VIII Всероссийском съезде Советов.

По плану Ленина, создание крупной машинной индустрии должно было явиться исходным пунктом для технического вооружения сельского хозяйства и других отраслей народного хозяйства. Указывая на необходимость социалистической индустриализации, Ленин говорил, что мы должны строить промышленность собственными силами, изыскивать средства внутри страны, так как на помощь извне мы рассчитывать не можем. Отсюда — необходимость строжайшей экономии.

Под руководством Ленина был разработан первый генеральный план хозяйственного развития страны — план ГОЭЛРО, названный Лениным второй программой большевистской партии. Этот план намечал конкретные пути осуществления ленинской программы индустриализации и технической реконструкции всего народного хозяйства.

Продолжатель дела Ленина — товарищ Сталин — развил и обогатил ленинское учение об индустриализации. Под руководством товарища Сталина это учение было воплощено в грандиозных сталинских пятилетках, превративших Советский Союз в страну могучей, самой передовой в мире техники.

Развивая учение Ленина о социалистической индустриализации, товарищ Сталин вскрыл принципиальную разницу между индустриализацией в условиях капитализма и в условиях социализма:

«В чем состоит основной минус капиталистического метода индустриализации? В том, что он ведет к разрыву интересов индустриализации с интересами трудящихся масс, к обострению внутренних противоречий в стране, к обнищанию миллионных масс рабочих и крестьян, к обращению прибылей не на улучшение материального и культурного положения широчайших масс внутри страны, а на вывоз капитала и на расширение базы капиталистической эксплуатации внутри и вне страны.

В чем состоит основной плюс социалистического метода индустриализации? В том, что он ведет к единству интересов индустриализации и интересов основных масс трудящихся слоев населения, в том, что он ведет не к обнищанию миллионных масс, а к улучшению материального положения этих масс, не к обострению внутренних противоречий, а к их сглаживанию и разрешению, в том, что он неуклонно расширяет внутренний рынок и подымает емкость этого рынка, создавая таким образом прочную внутреннюю базу для развертывания индустриализации.

Отсюда прямая заинтересованность основных масс крестьянства в социалистических путях индустриализации»².

Преимуществами социалистической индустриализации объясняется тот замечательный факт, что СССР, под руководством большевистской партии, в исключительно короткий срок разрешил задачу, поставленную Лениным и Сталиным, и превратился в могущественную индустриальную державу. Всего каких-нибудь семь лет отделяли выступление товарища Сталина на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г. от его выступления на XIV съезде, и он смог в докладе по итогам первой пятилетки констатировать, что наша страна, в прошлом аграрная, стала индустриальной державой. А это значит, что «из страны слабой и не подготовленной к обороне Советский Союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в

¹ Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 46.

² Сталин, Об оппозиции, ГИЗ, 1928, стр. 367.

страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне»¹.

Решение основных задач второй сталинской пятилетки, в частности завершение технической реконструкции народного хозяйства, способствовало дальнейшему росту индустриальной мощи нашей родины, повышению ее обороноспособности. Третья сталинская пятилетка намечает дальнейшее значительное продвижение по пути технического прогресса, являющегося одним из условий решения основной экономической задачи СССР.

В обстановке резко обострившихся противоречий между империалистическими странами, в условиях начавшейся второй империалистической войны, острее которой господствующие классы некоторых воюющих государств пытаются направить против СССР, дальнейший рост социалистической индустрии играет решающую роль в защите первого в мире социалистического государства.

В учении Ленина о построении социалистического государства большое место занимает вопрос о переводе мелкого единоличного крестьянского хозяйства на рельсы социалистического хозяйства. Величественная программа коренной реконструкции единоличного частнособственнического сельского хозяйства на социалистической основе дана в ленинском кооперативном плане. «В кооперации вообще, в сельскохозяйственной кооперации в особенности, Ленин видел доступный и понятный миллионам крестьян путь перехода от мелкого единоличного хозяйства к крупным товарищеским производственным объединениям — колхозам. Ленин указывал, что развитие сельского хозяйства в нашей стране должно пойти по пути вовлечения крестьян в социалистическое строительство через кооперацию, по пути постепенного внедрения в сельское хозяйство начал коллективизма, сначала в области сбыта, а потом в области производства продуктов сельского хозяйства. Ленин указывал, что при диктатуре пролетариата и союзе рабочего класса с крестьянством, при обеспечении руководства за пролетариатом по отношению к крестьянству, при наличии социалистической промышленности, — правильно организованная, охватывающая миллионы крестьянства производственная кооперация — является тем средством, при помощи которого можно построить в нашей стране полное социалистическое общество»².

Ленинский кооперативный план исходит из того, что правильно поняты коренные интересы трудящегося крестьянства совпадают с интересами рабочего класса. Только рабочий класс, во главе с большевистской партией, присоединяя к себе широкие массы крестьянства, способен уничтожить навсегда эксплуатацию, освободить крестьянство от нищеты и лишений, построить социалистическое общество, вывести многомиллионные массы тружеников города и деревни на широкую дорогу культурной, зажиточной жизни.

При жизни Ленина были сделаны под его руководством лишь первые шаги по пути к осуществлению намеченного им кооперативного плана. Продолжатель дела Ленина — товарищ Сталин — развил ленинский кооперативный план, разработав учение о сплошной коллективизации и ликвидации кулачества, об артели как основной форме колхозного движения в первую фазу коммунизма, о роли МТС как основных рычагов технической реконструкции, организационно-хозяйственного и политического укрепления колхозов.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 375.

² История ВКП(б), стр. 250.

Под руководством товарища Сталина партия отбила все атаки троцкистско-зиновьевского блока, выступавшего против линии партии, против коллективизации. Троцкистско-зиновьевский блок, как и бухаринско-рыковская антипартийная группа, проповедывавшая контрреволюционную теорию «врастания кулака в социализм», были разгромлены. Им не удалось сбить партию с правильного ленинско-сталинского пути. Последующие события разоблачили «оппозиционеров» как агентов международной буржуазии, злостных врагов народа, шпионов, диверсантов, вредителей.

Развивая учение Ленина о классах и классовой борьбе, товарищ Сталин разгромил вражескую «теорию затухания классовой борьбы». Он доказал, что успехи социалистического строительства вызывают бешеную злобу классовых врагов и обострение классовой борьбы.

Под руководством товарища Сталина партия организовала и победно осуществила глубочайший революционный переворот в деревне, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в Октябре 1917 года. «Своеобразие этой революции,— указано в Кратком курсе истории ВКП(б),— состояло в том, что она была произведена сверху, по инициативе государственной власти, при прямой поддержке снизу со стороны миллионных масс крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь»¹.

Этот переворот, проведенный по инициативе государственной власти, служит яркой иллюстрацией роли государства диктатуры рабочего класса как орудия строительства социалистического общества. Этот пример блестяще подтверждает правильность и глубокое научное значение соответственного тезиса марксистско-ленинской теории.

Кооперативный план Ленина воплощен в жизнь. В деревне окончательно укрепился колхозный строй. «Благодаря укреплению колхозного строя исчезла бедность и необеспеченность в деревне. Если раньше, года три назад, выдавали по одному, по два килограмма зерна на трудодень, то теперь большинство колхозников в зерновых районах стало получать на трудодень от пяти до двенадцати килограммов, а многие из них — до двадцати килограммов на трудодень, не говоря уже о выдаче других продуктов и получении денежных доходов. Появились миллионы колхозных дворов, получивших за год от 500 до 1500 пудов зерна в зерновых районах, получивших десятки тысяч рублей годового дохода в хлопковых, свекловичных, льняных, животноводческих, винодельческих, цитрусовых, плодово-овощных районах. Колхозы стали зажиточными»².

К числу проблем, которые имеют большое значение для теории и практики построения социалистического государства, относится национальный вопрос. Отстаивая позиции Маркса и Энгельса, Ленин и Сталин разоблачили буржуазно-националистическую сущность программы Бунда, австрийских социал-демократов и меньшевиков. Ленин и Сталин разгромили оппортунистическую, антипартийную линию разоблаченных впоследствии врагов народа Пятакова и Бухарина, которые выступили на апрельской конференции 1917 г. против линии партии, отстаивавшей предоставление нациям права на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств.

Товарищ Сталин следующим образом характеризует то новое, что внес Ленин в национально-колониальный вопрос: «...а) он собрал воедино эти идеи (идеи Маркса и Энгельса.— А. М.) в стройную систему взглядов о национально-колониальных революциях в эпоху

¹ История ВКП(б), стр. 291—292.

² Там же, стр. 325.

империализма; б) связал национально-колониальный вопрос с вопросом о свержении империализма; в) объявил национально-колониальный вопрос составной частью общего вопроса о международной пролетарской революции»¹.

Основной принцип национальной политики социалистического государства записан в 123-й статье Сталинской Конституции: «Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом...».

Победа ленинско-сталинской национальной политики находит свое яркое выражение в хозяйственном, политическом и культурном подъеме национальных республик и областей, входящих в состав многонационального, первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян.

* * *

Говоря о Ленине как об организаторе первого в мире социалистического государства, мы говорим и о Сталине — ученике, соратнике и продолжателе великого дела Ленина. Нерушимое идейное содружество соединяло этих двух величайших гениев нашей эпохи. Рука об руку боролись Ленин и Сталин за построение социалистического государства.

Ленин — создатель социалистического государства. Он возглавлял партию большевиков и руководил борьбой за завоевание рабочим классом политической власти, за установление диктатуры пролетариата; Ленин руководил социалистическим строительством в первые годы после организации государства диктатуры пролетариата; исходя из учения Маркса и Энгельса, Ленин разработал теорию государства как орудия построения социалистического общества, внося в это учение ряд новых моментов.

Многое из того, что Ленин намечал, он не успел выполнить. Товарищ Сталин продолжает его дело. Он внес много нового в учение Ленина. Исключительное значение имеет разработка товарищем Сталиным вопроса о государстве, анализ, данный им в докладе на XVIII съезде ВКП(б).

Развивая марксистско-ленинскую теорию государства, товарищ Сталин дал совершенно ясный, исчерпывающий ответ на вопрос о государстве при коммунизме. Ответ этот — классический образец диалектического решения вопроса: государство сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение; государство отомрет, если капиталистическое окружение будет ликвидировано и заменено окружением социалистическим.

Гениальный создатель социалистического государства В. И. Ленин обогатил сокровищницу революционного марксизма, разработав ряд новых проблем теории и практики социалистической революции. Ленинское учение о диктатуре пролетариата, о конкретных путях успешного социалистического строительства, о гегемонии пролетариата в революции, о национально-колониальном вопросе, о партии рабочего класса является могучим оружием в руках международного рабочего класса в борьбе за торжество коммунизма.

Учение Ленина воплощено в жизнь. Под руководством партии Ленина — Сталина советский народ создал могучее социалистическое государство — важнейшее орудие борьбы за коммунизм.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 172.

Развитие Лениным политической экономии

Постоянное развитие, совершенствование теории — неотъемлемое свойство марксизма-ленинизма. Еще в 90-х годах прошлого столетия Ленин писал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науке, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима самостоятельная разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие руководящие положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»¹.

Это творческое понимание марксизма как живой, действенной науки, которую нужно постоянно развивать, совершенствовать на основе нового опыта экономики и классовой борьбы, пронизывает все работы Ленина.

Политическая экономия — глубоко партийная наука. Она изучает основы общественной жизни и затрагивает самые острые экономические интересы различных классов. Буржуазные ученые — лакеи капитала — маской «беспристрастности» стараются прикрыть бесстыдную защиту классовых интересов буржуазии. Марксизм-ленинизм этой мнимой «беспристрастности» противопоставляет принцип открытой и строгой партийности науки, беззаветного служения делу освобождения трудящихся от эксплуатации и гнета.

Ленин всесторонне развил марксистское учение о партийности общественных наук и, в частности, политической экономии. В работах самого Ленина принцип партийности политической экономии получил глубокое, блестящее осуществление. Марксистско-ленинская политическая экономия есть единственно-научная политическая экономия, ибо она правильно обобщает законы развития социально-экономических формаций и правильно отражает потребности экономического развития общества. Для Ленина, как революционного вождя, политическая экономия была орудием научного обоснования очередных задач партии на том или ином этапе революции. Она помогала ему намечать программу большевистской партии, разрабатывать вопросы ее политики, стратегии и тактики.

В богатой, многогранной жизни нашей партии нельзя указать ни одного периода, когда бы экономические вопросы не привлекали к себе ее внимания. Это обусловлено первостепенным значением экономики для всей общественной жизни, для борьбы классов и развертывания революции. Но в известные периоды вопросы экономики приобретали особо важное значение для революционной борьбы. Так было, например, в 90-е годы прошлого века.

¹ Ленин, Соч., т. II, стр. 492.

К этому времени в передовых капиталистических странах марксизм стал общепризнанной идеологией рабочего класса, на основе теории марксизма созданы были пролетарские партии. В России эта задача далеко еще не была разрешена. Нужно было идейно разбить народников, подобно тому как Маркс и Энгельс в свое время разбили мелкобуржуазный социализм в Германии, Франции и других капиталистических странах. Нужно было правильно определить тенденции развития экономики России и показать роль русского пролетариата как передовой революционной силы общества.

Основной удар народнической системе взглядов нанесен был, как известно, Плехановым уже в 80-х годах. Но народничество было еще далеко не добито, и в 90-х годах народники с новой силой повели атаку против марксистов.

Желчная клевета народников мутным потоком разливалась и устно и в печати, мешая укреплению марксизма, тормозя организацию рабочего движения, «создание рабочей партии в России. «Россия не пойдет по пути капитализма»,— упорно твердили народники в 90-х годах— в годы, когда уже победивший в России капитализм быстро двигался вперед. «Россия будет жить по Сисмонди, а не по Марксу». То, что русские марксисты принимают за капитализм,— вещали они,— «только тень западного капитализма»¹.

Для окончательного идейного разгрома народничества глубокий, всесторонний научный анализ экономики России приобретает решающее значение. Вот почему Ленин уделял в 90-х годах такое большое внимание изучению экономики России. Своими гениальными работами Ленин осуществил окончательный идейный разгром народничества.

В ряде работ, написанных в те годы, и особенно в знаменитом труде «Развитие капитализма в России», Ленин неопровержимо доказал капиталистическую эволюцию всего хозяйства России, рост пролетариата и его главенствующую роль в общественном движении, в грядущей русской революции. Этим была расчищена почва для создания рабочей партии, которая возглавила рабочий класс России в революции. Тогда же, в 90-х годах, Ленин впервые выдвинул идею революционного союза рабочих и крестьян как главного средства свержения царизма, помещиков, буржуазии.

Невозможно в одной статье рассмотреть все богатейшее содержание трудов Ленина. Наша задача— осветить некоторые вопросы теоретического наследия Ленина, непосредственно относящиеся к области политической экономики, выделив то новое, чем Ленин обогатил теорию.

Важнейшее место в работах Ленина, относящихся к 90-м годам, занимает вопрос о природе мелкотоварного производства. Анализ природы мелкотоварного производства был дан еще Марксом в «Нищете философии», «Восемнадцатое брюмера» и других работах. Ленин отстоял и всесторонне развил марксово учение о двойственной, противоречивой природе мелкого товаропроизводителя.

Ленин разбил утверждения народников, будто мелкотоварное производство представляет собою совершенно особый тип хозяйства— «народное производство», не связанное с капитализмом и противоположное ему. Он ярко и всесторонне показал, что по своей экономической природе мелкотоварное производство является мелкобуржуазным, однотипным капиталистическому производству. Самое понятие «мелкого буржуа» получило в работах Ленина исчерпы-

¹ См. «Вопросы экономической жизни в обсуждении «Собрания экономистов». Отчет за 20 лет. СПб, 1911, т. I, стр., 247.

вающую научную характеристику: «Мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного производства,— вот два признака, составляющие понятие «мелкого буржуа»...»¹. Ленин доказал, что в условиях господства рынка мелкое производство крестьян, кустарей, ремесленников неизбежно разлагается, часть хозяйств гибнет, а часть превращается в капиталистические. Ленин всесторонне показал процесс этого превращения.

Ленин развил учение Маркса о присущем простому товарному производству противоречии между общественным и частным трудом. Он подчеркивал громадное значение — для процесса расчленения крестьянства, для развития капиталистических отношений в деревне — несовпадения индивидуальной затраты труда на производство товара и труда общественно-необходимого, несовпадения индивидуальной стоимости и стоимости общественной.

Ленин ярко показал громадную роль в этом процессе денег как новой общественной силы, которая присваивается частными лицами и в их руках становится средством эксплуатации неимущих.

Маркс установил, что так называемое первоначальное накопление представляет собою не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства.

В «Капитале» Маркс главное внимание уделил вопросу о роли насильственных методов в процессе первоначального накопления. Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России» и других работах на основе изучения экономики России подробно и всесторонне исследовал главным образом экономическую сторону процесса так называемого первоначального накопления. Он показал, как в результате действия стихийных законов товарного производства совершается капиталистическое разложение мелких товаропроизводителей, как крестьянство распадается на незначительное меньшинство — эксплуататоров — и разоряющееся, эксплуатируемое большинство, как все больше «размывается», «раскрестьянивается» середняк. Ленин показал огромное значение пережитков крепостничества, роль ростовщического и торгового капитала в процессе разложения крестьянства.

Все это является ценнейшим вкладом в учение Маркса о первоначальном накоплении.

Громадное значение имело для всей последующей революционной борьбы развитие Лениным учения Маркса о двойственной природе крестьянства: крестьянин с одной стороны является тружеником, а с другой — собственником. Именно эта двойственность экономической природы мелкого товаропроизводителя обуславливает его политическую неустойчивость, колебания между полярными классами капиталистического общества — буржуазией и пролетариатом.

Непримиримо борясь на два фронта — и против тех, кто видит в мелком товаропроизводителе только труженика, и против тех, кто видит в нем только собственника, торговца, — Ленин доказал, что необходимо всегда учитывать эту двойственность природы крестьянина — мелкого товаропроизводителя. Как труженик крестьянин неизбежно тяготеет к пролетариату; как собственник — к буржуазии. Крестьянин, задавленный пережитками крепостничества, представляет собой революционную силу в борьбе против царизма, помещиков. Крестьянин как труженик является союзником рабочего в его борьбе против капитала, союзником в строительстве нового, социалистического общества под руководством рабочего класса.

Марксистско-ленинское учение о двойственной природе крестьянства послужило теоретической основой политики партии в вопросе о

¹ Ленин, Соч., т. I, стр. 272.

взаимоотношениях пролетариата и крестьянства как в условиях буржуазно-демократической революции, так и в условиях социалистической революции.

Враги диктатуры пролетариата — социал-демократы, меньшевики, троцкисты, бухаринцы — в корне извратили учение марксизма о мелкотоварном производстве, о крестьянстве. Затушевывая двойственную природу мелкотоварного производителя, отождествляя его с капиталистом, социал-демократы, меньшевики, троцкисты клеветнически изображали мелкого товаропроизводителя как реакционную силу, отвергая возможность и необходимость союза рабочего класса с крестьянством. Бухаринцы же всячески затушевывали в крестьянине собственника, замазывали товарно-капиталистическую тенденцию развития крестьянства в условиях господства частной собственности на средства производства, отвергали руководящую роль пролетариата в союзе с крестьянством. В непримиримой борьбе против презренных врагов социализма товарищ Сталин защитил марксистско-ленинское понимание мелкого производителя, укрепил союз рабочего класса с крестьянством — основное условие победы социализма в нашей стране.

Ленин развил учение Маркса о капиталистическом способе производства и его противоречиях. Большое значение имеет защита и развитие Лениным марксистской теории реализации, теории рынка. В борьбе против народников теоретический вопрос о реализации продукта в капиталистическом обществе, о рынке играл большую роль. Народники считали капитализм в России искусственным насаждением. Они стремились «доказать» нежизненность капитализма из-за невозможности реализовать прибавочную стоимость, вследствие того, что развитие России ведет якобы к сужению внутреннего рынка. Из противоречий действительности они делали вывод о невозможности развития капитализма в России. С другой стороны, «легальные марксисты» всячески затушевывали противоречия капитализма, пели ему дифирамбы, стремясь доказать безграничность его развития. Борясь на два фронта, Ленин ярко выявил сущность противоречий капитализма и их действительное значение. Он разбил утверждения народников о невозможности реализации в России капиталистически произведенного продукта вследствие разорения широких масс крестьянства, неопровержимо доказал, что именно развитие капитализма и создает внутренний рынок.

Ленин исчерпывающе показал первостепенное значение для теоретического решения проблемы реализации установленного Марксом деления общественного продукта: по стоимости — на три части ($c + v + m$), по натуральной форме — на два крупных подразделения: производство средств производства и производство предметов потребления.

Ленин развил учение Маркса о соотношении производства и потребления, накопления и потребления в капиталистическом обществе. При капитализме неизбежны противоречия между производством и потреблением, между накоплением и потреблением, но эти антагонизмы не означают невозможности развития капиталистического способа производства, а говорят лишь об его исторической ограниченности. Из противоречия между производством и потреблением не вытекает невозможность реализации общественного продукта. Рост внутреннего рынка идет больше за счет роста средств производства, нежели предметов потребления. Рост производства поэтому до известной степени независим от личного потребления, но только до известной степени. В конечном же счете развитие производства зависит от потребления.

Ленин раскрыл теснейшую внутреннюю связь двух явлений капиталистического общества: более быстрого роста первого подразделения по сравнению со вторым и неизбежной ограниченности потребления, нищенского состояния трудящихся масс при капитализме. Абстрактные вопросы теории реализации Ленин мастерски увязывает с положением широких масс трудящихся при капитализме, с основным противоречием капитализма.

Ленин разгромил утверждения «легальных марксистов», позже перепевавшиеся бухаринцами и другими трубадурами капитализма, будто законом капиталистического воспроизводства является пропорциональность. Развивая взгляды Маркса, Ленин показал, что пропорциональность, необходимо предполагаемая абстрактной теорией реализации, является лишь идеалом капитализма, а не действительностью, что в жизни капиталистическое воспроизводство постоянно осуществляется в условиях диспропорции между отдельными частями хозяйства, равновесие же устанавливается лишь на мгновение.

Ленин развернул учение Маркса о внутреннем рынке. На богатейшем материале экономики России Ленин исчерпывающе и всесторонне показал, что создание внутреннего рынка происходит в результате и в меру роста общественного разделения труда в стране — отделения от земледелия различных видов обработки сырья и образования самостоятельных отраслей промышленности, роста общественного промышленного производства и его раздробления на огромное, все растущее число разных отраслей. Одни отрасли производства составляют рынок для других. Внутренний рынок создается процессом экспроприации мелкого товаропроизводителя; разорение крестьянства означает, вопреки утверждениям народников, не сокращение, а создание внутреннего рынка, рост его. Расслоение крестьянства, «размывание» середняка означает образование новых классов — капиталистов и рабочих, предъявляющих спрос на товары. Вопрос о создании внутреннего рынка неразрывно связан, таким образом, с вопросом о капиталистическом разложении крестьянства. Капиталистическая эволюция помещичьего хозяйства и рост торгового земледелия означают также создание внутреннего рынка. Степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране.

Ленин развил также учение о внешнем рынке. На недопустимость привлечения внешнего рынка при теоретическом рассмотрении проблемы реализации указывал еще Маркс. Привлечение других стран, внешнего рынка, писал Маркс, ничего не дает и, наоборот, только запутывает дело. Отстаивая это положение Маркса, Ленин показал вместе с тем действительное значение внешнего рынка для капитализма. Необходимость внешнего рынка, пишет Ленин, вытекает не из законов реализации, не из невозможности для капиталистов реализовать прибавочную стоимость на внутреннем рынке. Необходимость внешнего рынка вызывается тем, что в отличие от предшествующих способов производства капитализму свойственно стремление к безграничному расширению. Отдельные отрасли, представляя «рынок» друг для друга, развиваются неравномерно, обгоняют одна другую. Пропорциональности развития при капитализме нет и не может быть. Более развитая отрасль промышленности ищет внешнего рынка. При ином распределении национального капитала то же количество продуктов могло бы быть реализовано внутри страны. Но иное распределение капитала по отраслям, переход его из одних отраслей в другие может совершиться только через кризис. Чтобы избежать этого, капиталисты и устремляются на внешний рынок. Поиски внешнего рынка говорят не о несостоятельности капитализма, как утверждали народники, а об относительно прогрессивной, по сравнению с феодал-

лизмом, исторической роли капитализма, который не остается в узких границах одной страны, ломает их и связывает разные страны в единое хозяйственное целое.

В работах Ленина получила свое дальнейшее развитие также марксистская теория кризисов.

Стремясь обосновать «непригодность» капиталистического пути развития России, народники утверждали, будто основная причина кризиса — противоречие между производством и потреблением. Такое же объяснение кризиса они приписывали и Марксу. Ленин разоблачил эту ложь. Недопустимость объяснения капиталистических кризисов противоречием между производством и потреблением отмечали еще Маркс и Энгельс (критика взглядов Сисмонди и Дюринга в этом вопросе). Ленин исчерпывающе показал, что основной причиной кризисов является основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частно-капиталистической формой присвоения.

Ленин вскрыл глубокое различие между марксистским объяснением кризисов основным противоречием капитализма и воззрением народников, объяснявших кризисы противоречием между производством и потреблением. Согласно первому объяснению причина кризисов кроется в условиях самого капиталистического производства, согласно второму — вне производства. Основное противоречие капитализма более глубокое; противоречие же между производством и потреблением имеет подчиненное значение и обусловлено основным. Народническое объяснение связано с их взглядом, что чем дальше развивается капитализм, тем безнадежнее выход из него. Марксизм же, наоборот, считает, что чем дальше развиваются капитализм и его противоречия, тем вернее подготавливается его гибель, ибо с развитием антагонизмов, присущих капиталистическому строю, растут и крепнут силы, подготавливающие социалистическую революцию.

Ленинская критика народнических взглядов на причину кризисов и дальнейшее научное обоснование им марксовой теории кризисов имеют тем большее значение, что не только народники занимали в этом вопросе неправильную позицию. Каутский, Гильфердинг и другие теоретики социал-демократии, троцкисты и бухаринцы отказались от марксистского объяснения основной причины кризисов, подменили его теорией недопотребления, непропорциональности и других, производных от основного, противоречий капитализма. Они лживо утверждали, будто при капитализме кризисы могут быть смягчены и даже совсем устранены. На XVI съезде партии товарищ Сталин вынужден был, как известно, вновь вернуться к вопросу об основной причине кризисов, отстаивая и развертывая марксистско-ленинское учение.

В буржуазно-демократической революции в России исключительное значение имел аграрный вопрос. Аграрный вопрос был «гвоздем» буржуазно-демократической революции в России. Поэтому Ленин в своих работах за период 1900—1915 гг. огромное внимание уделяет этой проблеме.

В 1906 г. товарищ Сталин также напечатал ряд статей по аграрному вопросу в газете «Элва».

В 1905 г. 10,5 млн. разоренных крестьянских хозяйств имели 75 млн. десятин земли, т. е. по 7 десятин на владение, а 30 тыс. крепостнических латифундий, главным образом дворянских, — 70 млн. десятин, т. е. по 2 333 десятины на владение. «Такова экономическая основа борьбы за землю в русской революции»¹.

¹ Ленин, Соч., т. XI, стр. 340.

Кадеты и меньшевики всячески замазывали господство крепостнических латифундий в сельском хозяйстве России и обезземеление крестьянства, они подменяли основной вопрос о классовых противоречиях рассуждениями о «нормах» земли. В объемистой книге Маслова «Аграрный вопрос в России», представляющей обоснование меньшевистской позиции, можно найти статистику... клопов и тараканов в крестьянском хозяйстве, абстрактные рассуждения об «условиях размножения населения России», о «благополучии» в отношении «среднего» размера земли на человека в России по сравнению с другими странами и тому подобные откровения. Но напрасно искать здесь данные о распределении земли между различными классами, данные о помещичьих хозяйствах.

Крестьянский вопрос интересовал большевистскую партию прежде всего как вопрос о союзниках пролетариата в грядущей революции.

Ленинские работы о развитии капитализма в сельском хозяйстве дают теоретический анализ характера первой русской революции, обоснование аграрной программы большевиков в этой революции. Глубоко исследовав развитие сельского хозяйства России и других капиталистических стран, Ленин дал сокрушительную критику буржуазных теорий и ревизионизма в аграрном вопросе.

В предисловии к III тому «Капитала» Энгельс указывал, что Маркс очень тщательно изучал экономический строй сельского хозяйства России, интересуясь разнообразием форм землевладения и эксплуатации земледельческих производителей в России. Маркс собирался использовать этот материал для переработки отдела о ренте; Россия здесь должна была служить, по мысли Маркса, тем же, чем служила Англия при изучении капитализма в промышленности. Смерть помешала Марксу осуществить этот план. То, чего не успел сделать Маркс, выполнил Ленин. Глубоко, всесторонне изучая сельское хозяйство России, а также США, Германии и других стран, Ленин отстаивал и обогатил марксово учение о развитии капитализма в сельском хозяйстве.

Ленин развеял в прах усердно пропагандируемую буржуазными экономистами и оппортунистами теорию некапиталистического развития сельского хозяйства, которая, по выражению Ленина, есть иллюзия, мечта, самообман всего буржуазного общества.

На громадном фактическом материале по разным странам Ленин доказал неотвратимую внутреннюю тенденцию развития мелких крестьянских хозяйств — разорение одних и превращение других в капиталистические хозяйства. Там, где буржуазные апологеты видели победу «трудового начала», Ленин путем марксистского анализа цифр и фактов раскрыл капиталистическое разложение крестьянства, неуклонный рост капиталистического способа производства.

Ленин выявил полную несостоятельность буржуазной и ревизионистской теории «устойчивости» мелкого крестьянского хозяйства и «преимуществ» последнего перед крупным; Ленин опроверг утверждение о неприменимости формулированных Марксом экономических законов к сельскому хозяйству. Ленин доказал, что вытеснение мелкого производства крупным, действие законов концентрации и централизации производства и капитала со всеми их следствиями распространяются также и на сельское хозяйство. Некоторые особенности действия этих законов здесь отнюдь не уменьшают их силы и значения. Абсолютного вытеснения мелкого производства в сельском хозяйстве не происходит (как впрочем и в промышленности). Относительная «живучесть» мелкого крестьянского хозяйства объясняется отнюдь не «преимуществами» его перед крупным, а расхищением труда и жизненных сил земледельца, хроническим голоданием крестьян.

янина, чрезмерным трудом его и его семьи, способностью мелкого крестьянина к невероятным лишениям. Эта «живучесть» объясняется также заинтересованностью помещиков и капиталистов в том, чтобы иметь у себя дешевого работника с мизерным наделом земли. Этот надел является средством привязывания рабочего к крупному предприятию, средством понижения зарплаты.

В капиталистическом обществе нет спасения для мелкотоварного крестьянского хозяйства. Крестьянин страдает при капитализме вдвойне — и от развития капитала и от недостатков этого развития — от пережитков крепостничества. Для всех капиталистических стран характерны глубокое разорение крестьянства, рост нищеты его, пролетаризация. Выход для крестьянства — только в социалистической революции, которая перестроит его на социалистический лад.

В своем труде «Развитие капитализма в России» и в ряде других работ Ленин подверг подробному и всестороннему научному анализу процесс капиталистической эволюции помещичьего хозяйства в России. Он показал основные формы производства в помещичьем хозяйстве России, тесное переплетение чисто капиталистической формы — найма рабочей силы — с отработочной системой. Ленин доказал, что отработочная система в помещичьем хозяйстве представляет собой не что иное, как пережиток крепостнической системы хозяйства — барщины. В ленинских работах были блестяще раскрыты многочисленные и многообразные пережитки крепостничества в России, кабальное положение крестьянина после «освобождения» его в 1861 г., показаны тормозящее действие этих пережитков на развитие капитализма, двойной гнет над крестьянством. Изучая экономические отношения в сельском хозяйстве США, Ленин открыл широко применяемую на бывшем рабовладельческом юге типичную русскую отработочную систему — издольщину. Ленинское учение о пережитках крепостничества в современном капитализме имеет громадное значение. Остатки феодальных форм эксплуатации и до сих пор широко распространены в капиталистических странах. Только социалистическая революция смела остатки этой кабалы.

Громадное значение для революционного разрешения аграрного вопроса в России имеет учение Ленина о прусском и американском путях развития капитализма в сельском хозяйстве.

Различие точек зрения Рикардо и Родбертуса на условия развития капитализма в сельском хозяйстве. Маркс объяснял различием в Англии и Германии способов создания капитализмом соответствующих ему производственных отношений в сельском хозяйстве. Маркс кратко характеризовал эти способы. Развивая замечания Маркса, исследуя кроме Германии и Англии также Америку, Ленин развернуто показал различные пути развития капитализма в сельском хозяйстве, перестройки средневековых форм землевладения. В Германии, пишет Ленин, пересоздание этих форм шло не революционно, а реформаторски, приспособляясь к рутине, традиции, к крепостническим поместьям. Буржуазная революция 1848 г. не уничтожила прусского помещичьего землевладения. Оно уцелело и стало основой «юнкерского» хозяйства — капиталистического, но с остатками пережитков крепостничества. В Англии это переустройство шло революционно, насильственно, причем насилия производились над крестьянами, которых лендлорды безжалостно сгоняли с их земли, сметая при этом сельские поселения и самое население. В Америке этот процесс проходил тоже насильственно, но здесь объектом насилия были рабовладельческие экономии Южных Штатов, крепостники-помещики: земли их были разбиты, поземельная собственность из крупной феодальной стала превращаться в мелкую буржуазную. Основой капиталистического

земледелия здесь послужило «...свободное хозяйство свободного фермера на свободной земле, свободной от... пут... крепостничества... и от пут частной собственности на землю»¹.

В России, как показал Ленин, велась борьба за победу одного из этих двух путей: помещики, царь, кадеты боролись за прусский путь развития; крестьяне и рабочие — за американский.

Учение о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве послужило обоснованием ленинской программы национализации земли. С другой стороны, для обоснования программы национализации земли Ленин должен был заняться разработкой вопросов земельной ренты. Ленин отстаивал и развил учение Маркса об абсолютной и дифференциальной ренте.

Буржуазные экономисты и ревизионисты, затушевывая противоречия капитализма, вообще отрицали существование абсолютной ренты; вместе с другими социал-демократами и меньшевиками по существу отрицали его также Каутский и Плеханов. Ленин блестяще показал существование в капиталистическом обществе двух видов монополии, обуславливающих две формы ренты. Он исключительно ярко показал задерживающее влияние частной собственности на развитие капитализма в сельском хозяйстве, вызываемый ею рост ренты, цен на землю и на сельскохозяйственные продукты. Ленин раскрыл глубокую связь вопроса об абсолютной ренте с вопросом о национализации земли. Отрицание абсолютной ренты, указывал Ленин, равнозначно отрицанию роли частной собственности на землю при капитализме и значения национализации земли. Обосновывая большевистскую программу национализации земли, Ленин исчерпывающе показал громадное значение национализации земли как меры буржуазного прогресса и как меры, ускоряющей процесс перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

* * *

Ленину принадлежит великая историческая заслуга создания марксистской теории империализма.

Конец XIX в. ознаменовался новыми явлениями в экономике мирового капитализма. Капитализм эпохи господства свободной конкуренции сменился монополистическим капитализмом. Наступила эра финансового капитала. Учение Маркса о тенденциях капиталистического воспроизводства, о концентрации и централизации вплотную подводит нас к вопросам империализма. В произведениях Маркса, в частности в «Ницше философии», имеются гениальные высказывания о монополии и конкуренции. У Энгельса мы встречаем важные высказывания по отдельным вопросам, связанным с переходом капитализма в монополистическую стадию, — например, о трестах и синдикатах. Однако, ни Маркс, ни Энгельс не могли создать учения об империализме, так как они жили в эпоху, когда еще не выявились во всей полноте черты новой империалистической стадии в развитии капитализма. Буржуазная экономическая наука не дала и не могла дать подлинно научного анализа новых явлений. Одни — наиболее реакционные и продажные буржуазные экономисты — стали открыто славнословить империализм своей страны (Шульце — Геверниц, Лифман и т. п.); другие — либеральные буржуа, социал-реформисты типа Гобсона, Агада и т. д. — заняли критическую позицию по отношению к империализму, вместе с тем полностью признавая капиталистический способ производства, призывая вернуться назад — к свободной конкуренции. Две группы образовались также и в лагере социал-демократии: Бернштейн, Давид, Кунов и иже с ними открыто перешли в

¹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 269.

лагерь верных лакеев монополистического капитала; Каутский же, Гильфердинг, Плеханов и другие фактически тоже защищали империализм, на словах прикидываясь его противниками. Буржуазные экономисты в лучшем случае описывали отдельные стороны и явления современной стадии капитализма; но они оказались неспособными к подлинно научному обобщению этого материала, к раскрытию закономерностей новых явлений; они не были заинтересованы в этом раскрытии. Для Каутского, Плеханова, Гильфердинга, как и для Зомбарта, Шумпетера и других, империализм всего лишь определенная политика, предпочитаемая финансовым капиталом, политика захвата аграрных стран. Политику эту можно изменять в желательном направлении, не устрояя при этом капиталистического способа производства. Плеханов вовсе уклонился от анализа империализма. Гильфердинг сделал серьезную попытку теоретического анализа империализма, но порочность его методологии (неокантианство, меновая концепция) и оппортунизм обусловили то, что Гильфердинг не дал и не мог дать действительно марксистской теории империализма. Двурешники и враги ленинизма — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин — усердно повторяли своих буржуазных учителей и перепевали Гильфердинга, Каутского. Марксистской теории империализма нельзя было также создать стоя на платформе «левых» социал-демократов. Роза Люксембург сочинила совершенно ошибочную теорию империализма: отправляясь от сисмондистской народнической теории реализации, она выдвинула идею «автоматического краха» капитализма. Только Ленин создал подлинно научную, марксистскую теорию империализма, дополнив политическую экономию Маркса гениальным анализом современной, монополистической стадии капитализма.

Ярким выражением империалистических противоречий явилась мировая война 1914 г.

Десятки миллионов людей брошены были в огонь, на карту была поставлена судьба целых народов. Социал-демократия подло изменила интересам рабочего класса, трудящихся, впрягшись в колесницу империализма «своей» страны, защищая «свое» буржуазное отечество, как она поступает и сейчас, в годы второй империалистической войны. Только большевики до конца остались верны знамени марксизма, интернационализма, выдвинув лозунг — «войну империалистическую превратить в войну гражданскую». Линия большевиков в коренных вопросах политики — отношения к войне, к революции — была разработана Лениным на основе глубокого научного анализа монополистической стадии капитализма. Созданная Лениным теория империализма явилась научным обоснованием политики партии, ее стратегии и тактики в новых условиях, в условиях войны и кануна пролетарской революции. Теория империализма — одна из важнейших составных частей марксизма-ленинизма.

Нет надобности подробно воспроизводить здесь эту замечательную теорию. Она давно уже стала достоянием широких масс наряду с экономическим учением Маркса. Отметим лишь ее некоторые наиболее важные моменты.

В противоположность буржуазным экономистам и социал-демократам Ленин видел и вскрывал в империализме прежде всего его экономическую сущность. Империализм, как показал Ленин, не только политика современных капиталистических государств. Он является новым этапом капиталистической экономики. Политику империализма нельзя отрывать от его экономики; политика обусловлена изменениями в экономике. Основное в империализме — смена свободной конкуренции монополией. В этом — сущность империализма, «Смена сво-

бодной конкуренции монополией есть коренная экономическая черта, суть империализма»¹. Этой сменой определяются и все другие признаки империализма, закономерности его развития. В отличие от Гильфердинга и других представителей меновой концепции, Ленин выводил образование монополии не из обращения, не из деятельности кредитных учреждений, акционерных обществ, а из законов самого производства: монополии вырастают как неизбежное следствие чрезвычайно усилившегося в конце XIX в. процесса концентрации и централизации производства и капитала.

Империализм нельзя ни отрывать от капитализма и противопоставлять его капитализму как якобы совершенно новый, особый способ производства, ни отождествлять его с капитализмом эпохи свободной конкуренции. «Империализм,— пишет Ленин,— вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще»². Вместе с тем империализм представляет собой новую, высшую стадию в развитии капитализма.

Ленин разбил концепцию «чистого империализма», проповедывавшуюся Каутским, Бухариным, Троцким и другими апостолами теории «организованного капитализма» в разных ее вариантах. Ленин показал, что монополии, вырастая из свободной конкуренции, отнюдь не устраняют ее, а существуют над нею и рядом с нею, и именно этим определяются особая острота противоречий при империализме, крайнее углубление противоречий, усиление трений, конфликтов. Борьба монополии и конкуренции является законом империализма; эта борьба подготавливает конец капитализма.

Ленин разгромил утверждения буржуазных экономистов и оппортунистов, будто в эпоху империализма противоречия капитализма сглаживаются, будто борьба труда и капитала, борьба классов замирает. Он доказал, что в эпоху империализма все противоречия не только не смягчаются, а, наоборот, резко обостряются, достигают наивысшего развития. Создание монополистических объединений, указывает Ленин, означает гигантский процесс обобществления производства, присвоение же продолжает оставаться частным, гнет многих монополистов над остальным населением становится во сто крат тяжелее, ощутительнее, невыносимее. «Гигантский прогресс человечества, доработавшегося до этого обобществления, идет на пользу... спекулянтам»³.

Ленин раскрыл то, что усиленно затушевывали Каутский, Гильфердинг и другие «теоретики» II Интернационала: присущие империализму паразитизм и тенденцию к застою и загниванию — тенденцию, не исключаящую, однако, полностью рост капитализма.

Ленин гениально открыл закон неравномерного развития капитализма в эпоху империализма — закон, имеющий громадное значение во всей общественной жизни современного человечества. В эпоху империализма неравномерность развития капитализма чрезвычайно усиливается и приобретает новое качество. Действием этого закона Ленин объяснил новый характер войн в эпоху империализма, доказал неизбежность империалистических войн. Ленинское учение о неравномерности развития капитализма опрокидывает все апологетические измышления буржуазных ученых и ревизионистов об организованности современного капитализма, о возможности устранения войн и кризисов, каутскианскую теорию «ультра-империализма» и ее разно-

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 301.

² Там же, стр. 141.

³ Там же, стр. 90.

видность — реакционную троцкистскую теорию «Соединенных Штатов Европы».

Из закона неравномерности развития капитализма в эпоху империализма Ленин сделал вывод, имеющий всемирно историческое значение — о невозможности одновременной победы социализма во всех странах, о возможности победы социализма первоначально в одной стране, отдельно взятой.

Ленин дал характеристику различных типов империалистических стран: «колониальный» империализм (английский), «ростовщический» (французский) и т. д. Он вскрыл особенности империализма в России, где был сильно развит военно-феодальный империализм.

Ленин определил историческое место империализма, доказав, что империализм есть канун социалистической революции. Империализм обеспечивает создание материальных предпосылок социализма. «Эпоха капиталистического империализма является эпохой созревшего и перезревшего капитализма, стоящего накануне своего крушения, назревшего настолько, чтоб уступить место социализму»¹. Усиление экономического и политического гнета монополистов толкает массы на борьбу против капиталистического строя. Противоречия капитализма достигают наивысшего обострения, крайнего предела, за которым начинается революция. Империализм есть, — писал Ленин, — последний этап капитализма, «...отживающий, но не отживший капитализм, умирающий, но не умерший»². От империализма нужно идти не назад — к свободной конкуренции, куда тянут Каутский и другие мелкобуржуазные критики империализма, а вперед — к социализму — через пролетарскую революцию. Обостряя классовые противоречия, ухудшая положение масс в экономическом и политическом отношении (обнищание трудящихся, учащение войн, усиление и расширение национального гнета и колониального грабежа), империализм вместе с тем вызывает растущее возмущение масс, толкает массы на революционную борьбу за низвержение капиталистических правительств, за экспроприацию буржуазии.

Признание того факта, что империализм является умирающим капитализмом, имеет громадное значение. Как указывает товарищ Сталин, оно служит исходным пунктом позиции нашей партии в борьбе за низвержение капитализма и установление диктатуры пролетариата.

Ленинская теория империализма исключительно многогранна. Вскрыв экономическую основу империализма, Ленин вместе с тем дал блестящую научную характеристику «надстроек» над монополистическим капитализмом — империалистического государства, буржуазной политики в эпоху империализма, идеологии. Он показал, что монополистическому капитализму присущ поворот от демократии к реакции, присуща политическая реакция по всей линии. Ленин раскрыл связь расцвета оппортунизма в рабочем движении с империализмом, обнажив экономические корни идеологии рабочей аристократии. Как и у Маркса, позитивное обоснование учения неразрывно связано у Ленина с беспощадной критикой всех враждебных социализму взглядов и теорий — буржуазных экономистов, социал-демократов, троцкистов, бухаринцев и т. д.

Большое значение имеет учение Ленина об экономике капитализма в годы первой империалистической войны. Ленин разоблачил лживые, пошлейшие измышления оппортунистов II Интернационала об

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 6.

² Там же, т. XX, стр. 297.

экономике военных лет, их циничные попытки представить государственно-капиталистические мероприятия кайзеровского правительства, вызванные войной (карточки на хлеб и другие продукты питания, плановое распределение сырья и т. д.), как «военный социализм», как «врастание капитализма в социализм» (Реннер, Гениш, Ленч и др.). Ленин вскрыл действительную природу государственно-монополистического капитализма. Он показал громадное значение государственно-капиталистических мероприятий для дальнейшей подготовки материальных условий перехода к социализму. Государственно-монополистический капитализм еще более приближает конец капитализма; но социализм может быть осуществлен только через насильственное низвержение господства буржуазии, через социалистическую революцию. «Государственный капитализм» в буржуазных странах является не «военным социализмом», — указывал Ленин, — а военной каторгой для рабочих, военной охраной прибылей капиталистов. Ленин подробно охарактеризовал мировой капитализм 1914—1923 гг., дал развернутое учение о первом периоде общего кризиса капитализма.

Своей гениальной теорией империализма Ленин вооружил партию и рабочий класс для непосредственной борьбы против империализма, за пролетарскую революцию. Ленинское учение об империализме и общем кризисе капиталистической системы блестяще продолжено и развито в замечательных работах товарища Сталина. Товарищ Сталин отстоял и обогатил учение Ленина об империализме как умирающем капитализме, вскрыл крайнее обострение всех противоречий капитализма в послевоенный период, отстоял ленинское учение о законе неравномерности развития и блестяще развил его, создал развернутое учение об общем кризисе капитализма, сущности и этапах этого кризиса.

Ленинско-сталинский анализ империализма и его противоречий находит свое блестящее подтверждение и в фактах современного развития мирового капитализма и, в частности, в фактах второй империалистической войны. Полностью подтверждается ленинско-сталинское учение о глубочайших противоречиях между империалистическими странами, ведущими борьбу за передел уже поделенного мира.

В свете второй империалистической войны, в свете широко известных фактов запрещения и преследования коммунистических партий, революционных организаций рабочего класса, вновь вскрываются классовый характер и вся лживость буржуазных демократий в Англии и Франции. Лживые фразы о демократии — это маска, прикрывающая классовое лицо империалистической буржуазии, установившей военную диктатуру, организующей разгром революционного движения в целях усиления гнета и эксплуатации рабочего класса и трудящихся масс деревни. Вторая империалистическая война вновь полностью подтвердила ленинско-сталинскую характеристику современных вождей II Интернационала — этих лакеев империалистической буржуазии, которые, так же как и в первую империалистическую войну, целиком и безоговорочно стали на защиту интересов своей отечественной буржуазии и помогают ей в деле подавления рабочего класса.

Все это подтверждает великую силу и жизненность ленинско-сталинского учения об империализме как последней стадии капитализма, кануне социалистической революции.

* * *

Ленин отстоял и всесторонне развил учение Маркса — Энгельса о социалистической революции, о путях и методах революционной борьбы пролетариата и социалистического строительства.

«Теоретики» и вожди II Интернационала отреклись от учения Маркса — Энгельса о диктатуре пролетариата, о революционном низвержении капиталистического строя. Боевое учение основоположников научного коммунизма они заменили пошлой проповедью «врастания» капитализма в социализм, «завоевания» пролетариатом власти в буржуазном обществе посредством избирательных бюллетеней, мирного перехода к социализму через буржуазную демократическую республику.

Ленин всегда зорко оберегал чистоту марксистского учения о диктатуре пролетариата, постоянно оттачивал это могучее оружие пролетариата в его борьбе против эксплуататоров. «Развитие вперед, т.-е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо сломить сопротивление эксплуататоров капиталистов больше некому и иным путем нельзя», — писал Ленин накануне Октября в замечательной работе «Государство и революция»¹.

Ленин вооружил партию, рабочий класс и всех трудящихся гениальной теорией о возможности победы социализма первоначально в немногих, или даже в одной, отдельно взятой стране. Открыв закон неравномерности развития капитализма, Ленин показал, что в эпоху империализма вопрос об условиях победы социализма, о подготовке объективных материальных предпосылок социализма, о «созревании» его ставится иначе, чем прежде; относительная техническая, экономическая и культурная отсталость страны не может служить основанием для отказа от социалистической революции; последняя может начаться не обязательно там, где промышленность больше развита и где выше уровень культуры.

Разразившаяся в 1914 г. империалистическая война открыла эру социалистической революции. Империализм и империалистические войны — указывал Ленин — создали тупик, из которого человечество может вывести только пролетарская революция. В передовых странах капитализмом уже созданы все объективные предпосылки осуществимости социализма. Империалистическая война поставила и сравнительно отсталую Россию перед крайней необходимостью социалистической революции. Выйти из империалистической войны, преодолеть разруху, предотвратить быстро надвигавшуюся хозяйственную катастрофу можно было только путем революции, направленной против капитализма, и осуществлением мероприятий, переходных к социализму. В. И. Ленин писал: «...война... поставила народы перед немедленным выбором: гибель или тотчас решительные шаги к социализму»². Большевики — во главе с Лениным и Сталиным — уверенно и смело повели рабочий класс и трудящихся на великий штурм капитализма.

Подготовка пролетарской революции, руководство ее проведением обусловили необходимость дальнейшей разработки учения Маркса — Энгельса о социалистической революции. Учение о социалистической революции, в том числе о ее экономических задачах, выковывалось Лениным в огне и буре революционной борьбы. Ведя рабочий класс на штурм капитализма, Ленин в процессе борьбы непрерывно оттачивал, совершенствовал теоретическое оружие партии. Он решительно осуждал схематическое, догматическое понимание путей и методов революционного преобразования буржуазного общества в социалистическое. «Было бы величайшей ошибкой, если бы мы стали укладывать сложные, насыщенные, быстро развивающиеся практические задачи революции в прокрустово ложе узко-понятой «теории» вместо того, чтобы видеть в теории прежде всего и больше всего *руко-*

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 430.

² Там же, стр. 110.

водство к действию»¹,— писал Ленин в июле 1917 г. «Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые слои ведут по нему, а конкретно, практически это покажет лишь опыт миллионов, когда они возьмутся за дело»,— указывал Владимир Ильич в октябре 1917 г.²

Теория построения социалистического общества выработывалась Лениным на основе строго научного учета живой жизни, реальной обстановки, сложившейся в России, практического опыта широких масс, строящих социализм.

Ленин считал, что сразу же, немедленно 'осуществить социализм в России нельзя. Необходима целая система экономических мероприятий, которые, будучи непосредственно направлены против надвинувшейся хозяйственной катастрофы, в то же время являлись бы первыми конкретными шагами перехода от капитализма к социализму. В качестве таких первоочередных, переходных к социализму мероприятий Ленин наметил в 1917 г. конфискацию помещичьей земли и национализацию всей земли в стране, национализацию и централизацию банков, национализацию ряда синдицированных предприятий и транспорта, установление рабочего контроля над производством. Осуществим,— говорил он,— сначала эти основные меры, и тогда «...много будет виднее, и опыт подскажет массу нового, ибо это будет опыт миллионов, опыт строительства новых порядков экономики сознательным участием миллионов»³.

Необходимость насильственного уничтожения буржуазной собственности, «экспроприация экспроприаторов», рассматривалась Марксом и Энгельсом как неотъемлемая и важнейшая часть пролетарской революции. Отказавшись от диктатуры пролетариата, социал-демократы выбросили за борт также и учение о насильственном уничтожении буржуазной собственности. Они заменили его болтовней о «социализации через обращение», проповедью добровольного отречения буржуазии от собственности, пропагандой выкупа крупной земельной собственности. Ленин разоблачил оппортунистов II Интернационала и доказал, что крупная буржуазная собственность должна быть уничтожена насильственно, что уничтожение ее является важнейшей задачей социалистической революции. Он подчеркивал значение национализации земли в социалистической революции как одного из наиболее крупных шагов перехода к социализму, необходимость национализации банков и крупной промышленности как мер, экономически укрепляющих диктатуру пролетариата и подрывающих мощь буржуазии.

Ленин научно разработал вопрос о рабочем контроле как переходной мере к полному управлению производством, исчерпывающе обосновав задачи рабочего контроля, его значение и условия его проведения. Ленин гениально раскрыл сущность и классовую структуру экономики переходного периода. На примере России он показал, что в переходный период неизбежно существуют три «основные формы» общественного хозяйства — капитализм, мелкотоварное производство, коммунизм — и соответственно этому три «...основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат»⁴. Экономика в эпоху диктатуры пролетариата, в переходный период складывается из этих основных форм хозяйства; политика в этот период представляет собой отношение господствующего класса — пролетариата — к другим классам.

¹ Ленин, Соч., т. XX, стр. 38—39.

² Там же, стр. 113.

³ Там же, т. XXI, стр. 314.

⁴ Там же, т. XXIV, стр. 508.

После уничтожения господства буржуазии,— писал Ленин,— классы остались, но каждый класс видоизменился; изменились и их взаимоотношения. Свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, пролетариат из угнетенного класса, лишенного собственности на средства производства, стал господствующим классом. Он держит в руках государственную власть, распоряжается обобщественными уже средствами производства, руководит промежуточными, колеблющимися элементами, подавляет сопротивление эксплуататоров.

Буржуазия свергнута, но еще далеко не уничтожена, на ее стороне международный капитал, она располагает некоторыми средствами производства, деньгами, громадными общественными связями.

Крестьянское хозяйство в начальный период социалистической революции попрежнему остается мелкотоварным производством. Оно представляет чрезвычайно широкую базу, питательную почву капитализма; на этой основе сохраняются и возрождаются вновь элементы капитализма, которые ведут самую ожесточенную борьбу с коммунизмом. Как и всякая вообще мелкая буржуазия, среднее крестьянство сохраняет и при диктатуре пролетариата свою двойственную природу, оно занимает среднее, промежуточное положение: с одной стороны, это труженики, объединяемые с пролетариатом общим интересом — освобождения от помещика и капиталиста; с другой — это собственники. Отсюда неизбежность колебания крестьянства между пролетариатом и буржуазией. Социалистическая революция должна в корне преобразовать мелкое крестьянское хозяйство, переделать его в крупное, социалистическое. Основой политики пролетариата по отношению к крестьянству должно быть разграничение крестьянина-труженика от крестьянина-собственника, превращение среднего крестьянина в надежного союзника рабочего класса, преобразование на добровольных началах мелкого товарного производства в крупное, социалистическое.

Ленин подчеркивает, что сразу уничтожить классы нельзя; они остались и останутся в течение эпохи диктатуры пролетариата.

Характеризуя переходную экономику, Ленин насчитывал в ней пять различных укладов: патриархальный, мелкотоварный, частно-капиталистический, государственно-капиталистический и социалистический. Отличительной чертой экономики переходного периода была борьба «...первых шагов коммунистически объединенного,— в едином масштабе громадного государства,— труда с мелким товарным производством и с сохраняющимся, а равно с возрождающимся на его базе капитализмом»¹.

Переходный период между капитализмом и коммунизмом «...не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства ...не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом; — или иными словами: между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом»².

Сдвиги в соотношении показанных Лениным различных форм хозяйства и классов переходного периода служили мерой успехов революции в разрешении ее основной задачи — социалистического переустройства общества. Ленинское учение об основных формах хозяйства, о классах переходного периода, развитое товарищем Сталиным, имеет громадное значение для дела социалистической революции. Оно выковано Лениным в борьбе против врагов диктатуры пролетариата — троцкистов и бухаринцев.

¹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 508.

² Там же, стр. 507.

Ленин вдребезги разбил утверждение оппортунистов, будто с низвержением господства буржуазии классовая борьба замирает. Диктатура пролетариата, — указывал Ленин, — означает не уничтожение, а наоборот, обострение борьбы классов; диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы в новых формах.

Вскрывая глубокое различие между социалистической революцией и буржуазной, Ленин подчеркивал огромную роль в социалистической революции созидательной, организационной работы — создания новых экономических отношений.

Организационные задачи социалистической революции особенно велики были в России — отсталой в техническом и экономическом отношении стране. Громадная роль организационной, созидательной работы в социалистической революции означает, — указывал Ленин, — необходимость максимального развертывания активности, творчества самых широких масс трудящихся — непосредственных строителей новых отношений, новой экономики, означает необходимость героизма массовой и будничной работы. Ленин подчеркивал, что «...социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»¹.

Из организационных вопросов революции, которые немедленно же встали перед победившим в СССР рабочим классом, всестороннее теоретическое обоснование в работах Ленина получили учет и контроль пролетарского государства и трудящихся масс над производством и распределением продуктов, создание новой, социалистической дисциплины труда взамен крепостнической и буржуазной дисциплины, основанной на эксплуатации и рабстве трудящихся. В непримиримой борьбе против бухаринцев и троцкистов Ленин научно обосновал принципы советского управления предприятиями — твердое единоначалие, сочетаемое с вовлечением масс в социалистическое строительство, необходимость борьбы с уравниловкой и материального поощрения лучше работающих, использование буржуазных специалистов.

Одним из важнейших теоретических вопросов переходного периода и социализма является соотношение экономики и политики. Общая характеристика соотношения экономики и политики была дана в созданной Марксом теории исторического материализма. Являясь надстройкой, определяемой базисом — экономикой, политика в свою очередь оказывает обратное воздействие на экономику. Энгельс подчеркивал значение диктатуры пролетариата, пролетарского государства как огромной экономической силы, как «экономического могущества»². Марксово учение о соотношении политики и экономики было в корне извращено социал-демократами, троцкистами и бухаринцами. Они отрывали политику от экономики, противопоставляли их как независимые и равноправные стороны, затушевывали действительную роль политики в СССР.

Ленин научно разработал вопрос о соотношении экономики и политики применительно к советскому хозяйству. Он показал единство экономики и политики (политика — концентрированное выражение экономики) и вместе с тем первенство политики над экономикой в условиях диктатуры пролетариата. Помимо прямых высказываний по этому вопросу учение о единстве экономики и политики нашло яркое выражение в ленинском понимании диктатуры пролетариата как единства разных сторон (подавление врагов, союз с крестьянством, строительство социалистической экономики). Задачей диктатуры пролетариата является построение социализма. Ленин писал о «политике экономики», т. е. о социалистическом строительстве в области экономики, как о новом виде политики, которым должен

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 45.

² Маркс и Энгельс, Письма, изд. «Московский рабочий», 1928, стр. 347.

заниматься пролетариат в Советской республике; он считал ошибочным в новых условиях понимать политику в старом смысле, т. е. только как борьбу против буржуазии¹. На конкретном примере — отношении к профсоюзам — Ленин показал, что недопустимо считать политический и хозяйственный подходы «равноценными». «Политика, — говорил Ленин, — не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе — значит забывать азбуку марксизма»². В расшифровке Ленина первенство политики над экономикой означает, что правильный политический подход к делу играет главную роль: «...без правильного политического подхода к делу данный класс (пролетариат — *А. П.*) не удержит своего господства, а следовательно, не сможет решить и своей производственной задачи»³.

Ленинское учение о первенстве политики над экономикой раскрывает громадное значение диктатуры пролетариата, пролетарского государства для экономического строительства социализма. Ленинское учение показывает роль пролетарского государства как мощного рычага экономического переустройства капиталистического общества в коммунистическое. Это учение представляет собою утверждение ведущей роли партии в экономической жизни советского общества — партии, как авангарда рабочего класса, как основной направляющей силы в системе диктатуры пролетариата.

Проводившаяся партией и советским государством в годы интервенции и гражданской войны политика военного коммунизма сыграла громадную роль; она обеспечила разрешение основной задачи того этапа революции — полный разгром интервентов и внутренней контрреволюции, — защиту диктатуры пролетариата, Советской власти. Политика военного коммунизма была вынужденной политикой, диктуемой условиями войны. С окончанием гражданской войны и переходом на рельсы мирного хозяйственного строительства (1921 г.) партия уже не могла дольше проводить ту же политику и осуществила переход к новой экономической политике. Эта крутая, исключительно сложная перемена была всесторонне и глубоко обоснована Лениным. С окончанием гражданской войны, — указывал Ленин, — основная задача заключается в том, чтобы закрепить союз пролетариата с крестьянством на новой — экономической — основе и вместе с крестьянством двигаться вперед к социализму. Новая экономическая политика — единственно правильный путь смычки социалистической индустрии с середняцким хозяйством, смычки пролетариата с широкими крестьянскими массами. В. И. Ленин говорил: «...задача нэпа, основная, решающая, все остальное себе подчиняющая, — это установление смычки между той новой экономикой, которую мы начали строить, ...и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян»⁴. Крестьянину, — говорил Ленин, — нужно дать экономический стимул. На личной заинтересованности, на хозяйственном расчете необходимо построить прочные мостки, по которым можно будет подвести к социализму десятки миллионов людей. Двигаться вперед медленнее, но вместе с крестьянской массой, крепко опираясь на бедноту, в тесном союзе со средним крестьянством, твердо и неуклонно идти вперед.

Ленин показал исключительное значение торговли в деле осуществления экономической связи земледелия и промышленности, крестьян и рабочих. «Не может быть другой экономической связи между

¹ См. Ленин, Соч., т. XXV, стр. 454, 455.

² Там же, т. XXVI, стр. 126.

³ Там же.

⁴ Там же, т. XXVII, стр. 230.

крестьянством и рабочими, т.-е. земледелием и промышленностью, как обмен, как торговля. Вот в чем суть»¹. Ленин выдвинул лозунг «учиться торговать».

Нэп означает,— говорил Ленин,— отчаянную, бешеную борьбу не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом, борьбу в новых формах. Нужно научиться побеждать частный капитал новыми методами — экономическим соревнованием на рынке. Вопрос стоит так: кто кого победит в этой борьбе, за кем пойдет крестьянство.

Ленин рассматривал нэп как политику, рассчитанную на построение экономического фундамента социализма, на полную победу социализма в СССР. И экономически и политически,— указывал Ленин,— нэп вполне обеспечивает нам возможность построения социализма в нашей стране.

Теория нэпа — один из наиболее ярких образцов творческого развития Лениным марксизма. Ленин первый создал учение о нэпе; основоположники научного коммунизма не могли, естественно, предвидеть конкретного пути, конкретных методов социалистического строительства, конкретных форм связи рабочего класса с крестьянством. Учение Ленина о нэпе создано в результате глубокого учета всей конкретной обстановки, сложившейся в ходе Великой Октябрьской социалистической революции.

Ленинская теория нэпа получила дальнейшее обоснование в работах товарища Сталина. Товарищ Сталин отстаивал учение о нэпе от атак презренных врагов — троцкистов и бухаринцев — и обогатил его.

Новая экономическая политика обеспечила победу социализма в СССР. Она имеет всемирное значение. Политика, называемая у нас нэпом, будет осуществляться также и в других странах, когда в них совершится пролетарская революция.

Решающим условием победы социализма в СССР Ленин считал создание крупной промышленности, особенно тяжелой. Тяжелая промышленность нам нужна,— указывал Ленин,— чтобы сохранить самостоятельность страны, укрепить диктатуру пролетариата, построить социализм; «без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем, как самостоятельная страна»². Ленин настойчиво подчеркивал: «Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие»³. Он указывал на огромное значение электрификации страны. Необходимо,— говорил Ленин,— осуществлять величайшую экономию и изгнать из общественных отношений и из госаппарата все следы излишеств, а всякое, малейшее сбережение направлять на развитие нашей крупной машинной индустрии, электрификации⁴.

Товарищ Сталин в непримиримой борьбе против троцкистов и бухаринцев отстаивал ленинское учение о необходимости развития крупной промышленности, прежде всего тяжелой промышленности. Он всесторонне развил его, наметив путь проведения социалистической индустриализации нашей страны. Осуществление — под гениальным руководством товарища Сталина — ленинско-сталинского плана индустриализации превратило СССР в мощную индустриальную державу, экономически независимую от других стран, обеспечило полную победу социализма в нашей стране.

¹ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 125.

² Там же, стр. 349.

³ Там же, т. XXVI, стр. 434.

⁴ См. там же, XXVII, стр. 417.

Маркс и Энгельс считали социалистическую переделку мелкокрестьянского производства одной из основных и сложнейших задач пролетарской революции. Они предвидели необходимость широкого применения кооперативного производства при переходе к социализму, необходимость помощи со стороны рабочего государства кооперативным организациям в земледелии. Они указывали, что перевод мелкого крестьянина на рельсы коллективного производства должен осуществляться не насильственно, а путем убеждения крестьянина в преимуществах коллективного производства.

Исходя из этих идей Маркса и Энгельса и развивая их, Ленин создал кооперативный план социалистической переделки крестьянского мелкотоварного производства. Он доказал необходимость — в условиях диктатуры пролетариата — коренного изменения взглядов на кооперацию, вскрыл совершенно иную, чем при капитализме, природу кооперации в СССР. Он показал исключительно важную роль кооперации в постепенном вовлечении основных масс крестьянства в русло социалистического строительства, в деле социалистического преобразования мелкого крестьянского хозяйства и перевоспитания основных масс крестьянства в духе социализма. Исключительное значение кооперации в СССР Ленин связывал с наличием диктатуры пролетариата, Советской власти, опирающейся на национализированные командные высоты экономики, и непосредственно — с введением нэпа. Кооперация, — указывает Ленин, — дает возможность соединения частного интереса с общими интересами, подчинения частного интереса общим, дает возможность каждому мелкому крестьянину участвовать в построении социализма. В кооперации Ленин раскрыл «все необходимое и достаточное» для построения полного социалистического общества. Основными идеями «кооперативного плана» Ленина являются: сохранение и укрепление государственной власти в руках пролетариата и принадлежность средств производства пролетарскому государству; сохранение и укрепление союза пролетариата с крестьянством под руководством пролетариата; создание материальной базы, которая обеспечила бы возможность культурной революции и полного кооперирования; всемерная помощь и поддержка кооперации со стороны пролетарского государства, постепенное вовлечение в кооперацию всего крестьянства на основе нэпа.

Роль учения Ленина о кооперации громадна. Ленин вложил в руки трудящихся совершенное орудие победы социализма над капитализмом. Враги социализма — троцкисты и бухаринцы — старались выбить из рук партии, трудящихся это оружие, отвергая ленинский план, в корне извращая его, подменяя контрреволюционным «планом» вращивания кулака в социализм, реставрации капитализма в СССР.

Товарищ Сталин разоблачил эти вражеские устремления, отстоял ленинский кооперативный план и развил его. Под гениальным руководством товарища Сталина этот план был победоносно осуществлен в СССР. Сельское хозяйство в СССР стало крупнейшим в мире, социалистическим хозяйством.

* * *

Маркс ставил вопрос о социализме в порядке научного предвидения — «на основании того, что он происходит из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая рождена капитализмом»¹.

Ленин был вождем победоносной социалистической революции. Под его непосредственным руководством в России была свергнута

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 428.

власть буржуазии, установлена диктатура пролетариата и сделаны первые крупные экономические шаги к социализму. В начале революции Ленин не считал возможным дать в программе партии характеристику социализма. «Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм, когда достигнет готовых форм,—мы этого не знаем, этого сказать не можем ...нет еще для характеристики социализма материалов. Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится»¹.

С победой Советской власти социализм перестал быть только теорией, программой. В июле 1918 г. В. И. Ленин говорил: «...социализм из области догмы,... из области книжки, программы перешел в область практической работы. Вот теперь своей рукой рабочие и крестьяне делают социализм»².

Практическое строительство социализма дало возможность Ленину конкретизировать и развить теорию социалистической экономики, которая в общих чертах была дана еще Марксом и Энгельсом. В повседневной борьбе за социализм Ленин умел зорко выявлять ростки нового строя, новых отношений и максимально способствовал их дальнейшему росту и укреплению.

Ленин подчеркивал, что социализм может победить только на основе высокой производительности труда. Знаменитые ленинские слова — «коммунизм есть Советская власть плюс электрификация» — ярко иллюстрируют его высокую оценку роли передовой техники в победе социализма. Ленин указывал, какие неограниченные возможности открывает социализм для науки и техники. Ленинская идея подземной газификации, практическое осуществление которой у нас теперь началось, служит наглядным примером этого.

Ленин предвидел коренное изменение самих людей в ходе социалистической революции, их отношения к труду, друг к другу. Он указывал на громадную роль соревнования в социалистическом обществе. Отвергая лживые утверждения буржуазии, будто социалисты отрицают значение соревнования, Ленин подчеркивал, что «...только социализм, уничтожая классы и, следовательно, порабощение масс, впервые открывает дорогу для соревнования в действительно массовом масштабе»³. Ленин развил положение Маркса и Энгельса о том, что в социалистическом обществе распределение должно совершаться по труду. В социалистическом обществе нет места частной собственности на средства производства, нет эксплуататорских классов и эксплуатации человека человеком. Социалистические принципы распределения — «кто не работает, тот не должен есть», «за равное количество труда — равное количество продуктов». Поскольку социализм делает средства производства общей собственностью, постольку «буржуазное право» (фактическое неравенство при равенстве формальном) при социализме отпадает. Но оно сохраняется еще в характере распределения: отработав равную с другими долю общественного труда, каждый получает равную долю общественного продукта, что означает, однако, фактическое неравенство, так как люди на деле не одинаковы, не равны.

Марксистско-ленинское понимание социалистического принципа распределения, как распределения по труду, было развито товарищем Сталиным. Он разбил в прах мелкобуржуазную «уровниловку», которую враги пролетарской революции пытались использовать как средство борьбы против социализма.

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 364.

² Там же, т. XIXIII, стр. 121.

³ Там же, т. XXII, стр. 455.

Ленин подчеркивал исключительную роль учета и контроля в социалистическом обществе: «гвоздь и основа социализма» — «следить за мерой производства и труда и мерой потребления», — говорил Ленин¹. «Учет и контроль — вот главное, что требуется для «наладки», для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества»². Ленин часто повторял, что «социализм — это учет».

Большое значение имеет указание Ленина, что различие между рабочим классом и крестьянством, между городом и деревней, между трудом умственным и физическим полностью будет изжито только в высшей фазе коммунизма.

Ленин рассматривал социализм как первую фазу коммунистического общества: «Поскольку, — писал Ленин, — о б щ е й собственности становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это не полный коммунизм»³.

Ленин решительно протестовал против понимания социализма, как чего-то мертвого, неизменного. Тотчас же вслед за осуществлением социализма, — писал он, — перед человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т. е. к осуществлению принципа «каждый по способностям, каждому по потребностям». «Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем. Но важно выяснить себе, как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз на всегда данное, тогда как на самом деле только с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии большинства населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни»⁴.

Как свежо звучат эти пророческие слова Ленина для нас сейчас, когда мы находимся уже в периоде завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму! В мощном потоке стахановского движения, в строительстве Большого Ферганского канала, в боевых подвигах на военных фронтах, в беспрерывном подъеме политической активности, в бурном расцвете культуры широких масс трудящихся видим мы то «быстрое, настоящее, действительно массовое» движение населения вперед, которое предсказывал Ленин.

Теперь советский народ знает путь от социализма к коммунизму. Его указал великий ленинец — Сталин. Зорко вглядываясь в грядущее, Ленин видел общие контуры этого пути. Он подчеркивал громадную роль в деле перехода к высшей фазе коммунизма широчайшего развития производительных сил, недоступного для капитализма роста производительности труда, уничтожения противоположности между городом и деревней, между трудом физическим и умственным, громадную роль переделки сознания людей.

Еще накануне Октября Ленин остро ставил вопрос о быстрейшей ликвидации экономической отсталости России: «либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически»⁵.

Под мудрым руководством товарища Сталина СССР превратился в мощную державу, экономически независимую и готовую к защите

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 490.

² Там же, т. XXI, стр. 440.

³ Там же, стр. 438.

⁴ Там же, стр. 439.

⁵ Там же, стр. 191.

своих священных границ. По уровню техники в народном хозяйстве СССР догнал наиболее развитые капиталистические страны. По размерам промышленного производства СССР занимает теперь первое место в Европе и второе в мире. Товарищ Сталин на XVIII съезде партии выдвинул как основную экономическую задачу СССР — догнать и перегнать также и в экономическом отношении, в смысле размеров производства на душу населения — наиболее развитые капиталистические страны Европы и США в течение ближайшего периода времени. Решение этой задачи — основное условие перехода от социализма к коммунизму. И эта задача будет решена.

Ленин говорил в 1918 г.: «...мы еще такого социализма, который можно было бы вложить в параграфы, не знаем»¹. Социализм в СССР — уже реальность. Экономические основы, общественный и государственный строй победившего в СССР социализма нерушимо закреплены в Великой Сталинской Конституции. Ведя советский народ к победе социализма, к коммунизму, товарищ Сталин всесторонне развернул учение Маркса — Энгельса — Ленина об экономике и политике социалистического общества, создал развернутую политическую экономию социализма. Он дал гениальный анализ экономики и классовой структуры социалистического общества СССР, обосновал политику социалистического государства. Учение Ленина о возможности победы социализма в одной стране товарищ Сталин развил до учения о возможности построения коммунизма в нашей стране. Товарищ Сталин показал, что если победа коммунизма в нашей стране осуществится в условиях капиталистического окружения, то необходимо будет существование государства и при коммунизме.

Великое дело Ленина — Сталина победило. Гениальная теория Ленина, развитая товарищем Сталиным, живет в делах нашего народа, построившего социализм и быстро идущего вперед — к полному коммунизму.

¹ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 121.

Ленин в борьбе с „экономизмом“

В настоящее время, когда историю нашей героической партии изучают миллионы людей, и не только в Советском Союзе, огромный интерес представляет анализ социально-классовых и теоретических корней того вида оппортунизма, который именовался «экономизмом». Возникнув на заре революционного движения в России, «экономизм» видоизменялся и переходил в последующие формы оппортунизма — меньшевизм и т. д., и этим объясняется наш интерес к нему.

«Бросая общий взгляд на борьбу двух течений в русском марксизме и в русской социал-демократии за 12 лет (1895—1907), — писал Ленин в «Предисловии к сборнику: «За 12 лет», — нельзя не прийти к выводу, что «легальный марксизм», «экономизм» и «меньшевизм» представляют из себя различные формы проявления одной и той же исторической тенденции»¹.

Семью годами позже, в 1914 г., Ленин вновь возвращается к этому вопросу. В статье, посвященной истории рабочей печати в России, Ленин писал об оппортунизме конца 90-х годов прошлого столетия, имея в виду главным образом «экономизм»: «Замечательный факт, далеко еще недостаточно оцененный по сию пору: как только возникло массовое рабочее движение в России (1895—1896 гг.), так немедленно появляется разделение на марксистское и оппортунистическое направления, — разделение, которое меняет форму, обличие и т. д., но остается в сущности тем же самым с 1894 по 1914 год. Очевидно, есть глубокие социальные, классовые корни именно такого, а не иного какого-либо разделения внутренней борьбы между социал-демократами»².

Каждый раз при рассмотрении оппортунизма, будь то меньшевизм II съезда и 1905 г., или меньшевизм-ликвидаторство в годы реакции, или социал-шовинизм в годы империалистической войны, Ленин неизменно возвращался к «экономизму», чтобы подчеркнуть в нем идейные корни оппортунизма. Спор Ленина с «экономизмом» велся не только вокруг вопросов политической и экономической борьбы; он неизбежно переходил в область вопроса о значении теории для пролетарской революции. Теория «экономизма» была направлена не только против революционного характера рабочего движения, но по существу отрицала и значение теории для пролетарской борьбы. Теория «экономизма» была против внесения планомерности в стихийное движение пролетариата, против того, чтобы партия теоретически освещала путь и шла впереди рабочего движения. «Теория стихийности, — говорит товарищ Сталин, — есть теория преуменьшения роли сознательного элемента в движении, идеология «хвостизма», логическая основа всякого оппортунизма.

Практически эта теория, выступившая на сцену еще до первой революции в России, вела к тому, что ее последователи, так назы-

¹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 69.

² Там же, т. XVII, стр. 344.

ваемые «экономисты», отрицали необходимость самостоятельной рабочей партии в России, выступали против революционной борьбы рабочего класса за свержение царизма, проповедывали тред-юнионистскую политику в движении и вообще отдавали рабочее движение под гегемонию либеральной буржуазии»¹.

Ленин блестяще доказал, что социалистическая идеология возникает не из стихийного движения рабочего класса, как это ложно утверждали «экономисты», а из науки. Модному в ту пору преклонению «экономистов» перед стихийностью и оппортунистической проповеди узких форм практической деятельности Ленин противопоставил ставшее теперь аксиомой положение: «Без революционной теории не может быть революционного движения»².

Товарищ Сталин, наряду с Лениным, вел борьбу против закавказских «легальных марксистов» и «экономистов» из оппортунистического большинства «Месаме-даси» (Ной Жордания и др.). Ной Жордания, подобно Струве, работал на капитализм и капиталистов, доказывая необходимость и прогрессивность капиталистического развития, и защищал идею союза пролетариата с либеральной буржуазией. И к этой группе можно применить слова Ленина, сказанные им о струвизме, что теоретики буржуазии стремились «...взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до «общего» признания «социалистических идеалов» и смены капитализма «новым строем», и отбросить «только» живую душу марксизма, только его революционность»³. Впервые в Закавказье в конце XIX в. под руководством товарища Сталина революционное ядро «Месаме-даси» повело борьбу против оппортунизма «за живую душу марксизма», за его революционность. Под руководством товарища Сталина впервые в Закавказье осуществилось соединение рабочего движения с социализмом.

Ленин и Сталин показали, что всякое умаление социалистической идеологии означает усиление идеологии буржуазной⁴. «Легальный марксизм» и «экономизм» составляли часть международного оппортунизма, и поэтому идейные и политические удары, нанесенные Лениным и Сталиным «экономизму» и «легальному марксизму», били по международному оппортунизму. В борьбе с «экономизмом» Ленин создал партию пролетариата, партию нового типа. Разбив «экономизм», он расчистил путь для революционной социал-демократии, для развития марксизма в России.

* * *

Вместе с ростом промышленного капитализма в России росло и ширилось рабочее движение. Начиная с половины 80-х годов, рабочий класс России вступил на путь организованной борьбы, на путь широких массовых выступлений в форме стачек.

История знаменитой стачки на предприятиях С. Морозова (1885 г.) показывает, что экономические забастовки в России еще на заре рабочего движения носили в известной мере политический характер.

Под несомненным влиянием стачки морозовских рабочих издан был закон 3 июня 1886 г., вводивший расчетные книжки и устанавливавший условия найма и расплаты. Закон этот, введенный первоначально лишь для столичных губерний, по мере роста рабочего движения, распространился по всей России.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 15.

² Ленин, Соч., т. IV, стр. 380.

³ Там же, т. XVIII, стр. 251.

⁴ См. там же, т. IV, стр. 391—392.

Реакционный публицист Катков («Московские ведомости») со скрежетом зубным должен был признать, что с этой забастовкой и процессом над группой ее участников «рабочий вопрос торжественно вступил на русскую почву»¹. Особенно крупные размеры забастовочное движение в России приняло во второй половине 90-х годов. В 1896 и 1897 гг. широкая забастовочная волна прокатилась по всей России. «Рабочий вопрос» встал тогда перед царским правительством во весь рост. В начале 1896 г. о русском рабочем движении заговорил весь мир.

На почве развивающейся классовой борьбы начинают создаваться марксистские кружки и группы. В первый год своей деятельности (в 80-х и начале 90-х годов) они занимались только пропагандой, еще не понимая целесообразности перехода на массовую агитацию среди рабочих, и поэтому они фактически были оторваны от них. У руководителей марксистских кружков не было достаточной настойчивости и умения для того, чтобы установить прочную связь с передовыми рабочими.

Характерен следующий эпизод из книги рабочего Шаповалова «По дороге к марксизму». На одной вечеринке-собрании в начале 90-х годов была сделана попытка установить связь с рабочими, но, по мнению автора, попытка эта «не дала положительных результатов», так как «Семенов уехал в Витебскую губернию, Богданов умер, Яковлев спился и очутился в Вяземской лавре. Кусов дольше других шел против течения»².

Политическая работа, которая велась марксистами среди рабочих, была совершенно недостаточной. Поэтому значительная часть рабочих не освободилась еще от влияния темных сил. Среди рабочих еще ходили слухи о чудесах, связанных с действием мощей, икон и т. п.; попы были еще частыми гостями у рабочих. Тот же Шаповалов пишет: «Поп Слепян, крещеный еврей, кажется, английский подданный, принявший православие и сделавшийся миссионером при православия и студентом духовной академии, организовал при Новой Бумагопрядильне общество трезвости. Здесь на деньги рабочих была заложена и выстроена церковь. Другой поп, Григорий Петров, позднее основал общество трезвости среди рабочих городской скотобойни»³.

Но среди передовых рабочих появилась уже тяга к социалистам. «Начиная с лета 1892 года мы с Косолобовым,— пишет Шаповалов,— начали разыскивать социалистов...»⁴.

Только в 1895 г., когда Ленин образовал петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», революционная социал-демократия стала руководить рабочим движением в России. С этого момента начинается новый этап, характеризующийся соединением социализма с рабочим движением, а петербургский «Союз борьбы» таким образом явился началом организации революционной пролетарской партии в России.

Период увлечения кружками охватывает 80-е годы до 1897 г., т. е. до возникновения массового рабочего движения, в известной мере этими кружками подготовленного. В этот период—1896—1897 гг.—выступает на сцену «экономизм».

Два документа конца 90-х годов освещают наиболее ярко оппорту-

¹ Цитирую по заключению Веры Засулич к брошюре «Десятилетие Морозовской «стачки» (изд. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», 1898).

² Шаповалов, По дороге к марксизму, Гиз, 1924, стр. 24.

³ Там же, стр. 24—25.

⁴ Там же, стр. 41.

нистическую сущность «экономизма»: письмо Прокоповича Аксельроду, написанное им в 1898 г., и пресловутое «сredo» Кусковой.

«Требование политических прав рабочими,— пишет Прокопович,— ничего не имеет общего с свержением самодержавия... У нас, в России приходится считаться с поразительно низким уровнем развития рабочих и рассчитывать на то, что они быстро поймут роль и злобредность самодержавия,— невозможно». «Для «свержения» и «социализма» сердца русской массы закрыты— в этом нет никакого сомнения»,— спешит уверить своего корреспондента Прокопович. «Поэтому мое мнение, что говорить теперь, пропагандировать рабочим свержение самодержавия,— а, значит, просто напросто революцию— это значит подвергать их величайшей опасности, какая только была возможна в истории»¹.

В этом письме Прокопович впервые высказал важнейшие положения, легшие в основу «сredo» «экономизма».

Сущность обоих документов одна: рабочие заинтересованы только в экономической борьбе, ведение же политической борьбы можно предоставить либеральной буржуазии.

«Сredo» тоже предлагало русским революционерам отказаться от самостоятельной рабочей политической партии и подчинить политические и классовые задачи пролетариата оппозиционному движению либеральной буржуазии. «Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии,— говорилось в «сredo»,— суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву.

...Для русского марксиста исход один: участие, т.-е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности»².

Этот оппортунистический документ был переслан Ленину в село Шушенское А. И. Елизаровой (которая, кстати, и дала ему название «сredo») и вызвал неслыханное возмущение среди ссыльных-марксистов. Группа из 17 социал-демократов, во главе с Лениным, собравшись в селе Ермаковском из разных мест минусинской ссылки, выступила с резким протестом против положений «сredo»³. В протесте 17-ти, вскрывающем оппортунистическую сущность «сredo», говорится: «Знаменем классового движения рабочих может быть только теория революционного марксизма, и русская социал-демократия должна заботиться о ее дальнейшем развитии и претворении в жизнь...»⁴.

Основные идеи «сredo» были теоретически разработаны «экономистами» из «Рабочей мысли» и «Рабочего дела» (органы печати «экономистов»). На страницах этих журналов последовательно проводился взгляд, что рабочий класс должен сконцентрировать все свое внимание на экономической борьбе. Эта мысль весьма определенно сформулирована в передовой первого номера «Рабочего дела» (1889 г.).

Следует заметить, что «Рабочее дело», в отличие от «Рабочей мысли», защищало идеи «экономизма» в более завуалированной форме. Так, в качестве эпиграфа к первому номеру был выбран тезис: «Социальное освобождение рабочего класса невозможно без его политического освобождения». Но вслед за этим, вполне марксистским, эпиграфом мы читаем в передовой Кричевского: «...важнейшим явлением русской жизни... мы считаем возникшее за последние годы массовое рабочее движение. Произошло слияние пропаган-

¹ Цитирую по сборнику материалов, изданному группой «Освобождение труда» под общим названием «Vademecum», Женева, 1900, стр. 17—27.

² Ленин, Соч., т. II, стр. 479—480.

³ Протест этот, написанный Лениным, был напечатан отдельным оттиском в № 4—5 «Рабочего дела» в декабре 1899 г., а в 1900 г. в сборнике, изданном Плехановым под названием «Vademecum»; см. также Ленин, Соч., т. II, стр. 477—486.

⁴ Ленин, Соч., т. II, стр. 484—485.

дистско-кружкового движения — социально-демократической рабочей интеллигенции с широкой волной стихийного движения рабочих масс, направленного к улучшению их экономического и правового положения, а также к удовлетворению быстро возрастающей жажды знания и просвещения»¹.

Вот как может сочетаться фразеология о политической борьбе с требованием «чечевичной похлебки». Кричевский не случайно позабыл эпиграф, помещенный всего 25 строками выше. Это было написано в 1899 г. — в год подъема рабочего движения в России.

Говоря о связи между политической и экономической борьбой, Кричевский заявляет, что «отсюда вытекает известная постепенность в агитационной деятельности наших организаций, сообразующейся с уровнем данного слоя рабочих»². Теория, проповедующая постепенность в выборе форм борьбы для рабочего класса (так называемая «теория стадий»), позволяла «экономистам» отодвигать вопрос о политической борьбе рабочего класса в неопределенное будущее. Пока рабочим рекомендовалось заняться только экономической борьбой. Кричевский в той же статье писал: «Масса действительно просвещается опытом собственной борьбы, которая на первых порах по необходимости должна быть борьбой экономической»³. Такова суть всех политических статей Кричевских, Мартыновых и др., пачками печатавшихся в журнале «Рабочее дело»⁴.

Ленин придавал огромное значение массовому рабочему движению. Но он, в противоположность «экономистам», преклонявшимся перед стихийностью этого движения, видел в нем революционное движение, которое ставит перед собой теоретические, политические и организационные задачи.

Кричевский мечет гром и молнии против «Искры», заявляя, что разногласие по вопросу об основах тактики отражается «на различной оценке сравнительного значения стихийного и сознательно-«планомерного» элемента...». «Для заговорщиков старых времен, — пишет Кричевский, — переворот являлся исключительно результатом их собственных планов, усилий, сноровки и ловкости». «Поэтому революционер-социалдемократ имеет задачей — своей сознательной работой только ускорять объективное развитие, а не отменять его, или заменять его субъективными планами». «...Неудивительно поэтому, — продолжает Кричевский, — что «Искра», склоняясь к тактике-плану, тем самым вынуждена также, помимо своей воли, приближаться к заговорщическому взгляду на «подготовление» (Кричевский даже берет в кавычки последнее слово. — О. А.) революции, т. е. уделять объективному или стихийному процессу второстепенное место...»⁵.

Как интересно и поучительно теперь вспомнить подобные клеветнические выпады против ленинской «Искры» и сопоставить «конечный акт» Кричевского и вместе с ним всего русского оппортунизма с конечным актом Ленина и руководимого ленинской партией рабочего класса — с победой социализма в России.

Насколько Кричевский преклонялся перед объективным или стихийным⁶ процессом, показывает его отношение к терроризму. «Мы думаем, — писал он, — что задачей социал-демократии не может и не должно быть противодействие «подъему террористических настроений»

¹ «Рабочее дело», Женева, апрель 1899 г., № 1, стр. 2.

² Там же, № 7, стр. 10.

³ Там же.

⁴ Там же, №№ 1—12, 1899—1902 гг.

⁵ Там же, № 10, стр. 17—18.

⁶ Кричевский стихийность отождествляет с объективностью.

ний», которое привело бы нашу партию к ряду опасных ошибок»¹. Всю свою социальную «философию» он строил на теории «стихийных взрывов». «Подобно тому, как люди, несмотря ни на какие успехи естественных наук, будут размножаться стародедовским способом,— так и появление на свет нового общественного порядка, несмотря ни на какие успехи общественных наук и рост сознательных борцов, и впредь будет являться результатом преимущественно стихийных взрывов»². Поэтому, по его мнению, «стихийный элемент должен преобладать в грядущей русской политической революции»³.

Для такой, с позволения сказать, «социальной философии», по словам Ленина, нужно только «уметь держаться за хвост движения». Из этой «теоретической» основы вытекает трактовка Кричевским тактики рабочего класса, т. е. тактики, которая не подчиняется сознательным задачам революционной партии, а слепо подчиняется стихийному массовому движению и плетется в хвосте настроений отсталых рабочих, будь то «экономизм», терроризм или т. п.

Хвостизм Кричевского — отнюдь не случайное явление, не эпизод в социальном учении «экономизма». Хвостизм есть методологическая основа социальной философии «экономизма».

Ленин в своей борьбе с «экономизмом» с особой силой подчеркивал, что учение о социализме выросло не из стихийного движения рабочего класса, а из тех философских, исторических и экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов — интеллигенцией. «Точно так же и в России,— писал Ленин,— теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции»⁴.

Ленин считал, что стихийное рабочее движение само по себе способно создать (и неизбежно создает) тред-юнионизм. Приведем замечательную по своему остроумию и теоретической глубине выдержку из «Что делать?», которая опрокидывает все рассуждения Кричевского о стихийности и сознательности и опровергает его заявления о том, что «Искра» преуменьшает «значение объективного или стихийного элемента развития».

«Мы спросили бы нашего философа (Кричевского.— О. А.): в чем может выразиться «преуменьшение» объективного развития со стороны составителя субъективных планов? Очевидно в том, что он упустит из виду, что это объективное развитие создает или укрепляет, губит или ослабляет такие-то классы, слои, группы, такие-то нации, группы наций и т. п., обуславливая этим такую-то и такую-то международную политическую группировку сил, позицию революционных партий и проч. Но вина такого составителя будет состоять тогда не в преуменьшении стихийного элемента, а в преуменьшении, наоборот, сознательного элемента, ибо у него не хватит «сознательности» для правильного понимания объективного развития. Поэтому один уже разговор об оценке сравнительного (курс. «Рабочего Дела») значения стихийности и сознательности обнаруживает полное отсутствие «сознательности»⁵.

Ленин делит историю русской социал-демократии до II съезда на три периода.

¹ «Рабочее дело» № 10, стр. 23.

² Там же, стр. 19—20.

³ Там же, стр. 20.

⁴ Ленин, Соч., т. IV, стр. 384—385.

⁵ Там же, стр. 399.

Первый период обнимает 1884—1894 гг. «Это был период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии. Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития»¹.

Второй период — это 1894—1898 гг., когда социал-демократия «появляется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия»².

Третий период подготавливается в 1897 г. и окончательно выступает на смену второго в 1898 г. «Это — период разброда, распада, шатания», когда голос русской социал-демократии «...стал звучать фальшью...»³. Фальшью звучали голоса «экономистов» и ревизионистов — Прокоповича, Булгакова, Кричевского, Мартынова и др. «Но брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед»⁴. В третьем периоде социал-демократизм «принижался до трэд-юнионизма и брентанистами легальной и хвостистами нелегальной литературы»⁵. «Экономизм» и ревизионизм — вот основа третьего периода.

Когда же кончается третий период? Ведь в момент выхода в свет «Что делать?» третий период еще не кончился: за это говорит самое название книги. Ленин в конце ее на поставленный им вопрос: что делать? дает краткий ответ: «Ликвидировать третий период», т. е. «экономизм».

Кто же ликвидировал третий период?

Идейный разгром «экономизма» завершил Ленин в брошюре «Что делать?» и на страницах «Искры». «Борьба старой «Искры», — говорит товарищ Сталин, — и блестящая критика теории «хвостизма», данная в брошюре Ленина «Что делать?», не только разбили так называемый «экономизм», но создали еще теоретические основы действительно революционного движения русского рабочего класса»⁶.

В своей знаменитой книге «Что делать?» Ленин первый в истории марксистской мысли «обнажил до корней идейные истоки оппортунизма, показав, что они заключаются прежде всего в преклонении перед стихийностью рабочего движения и в принижении роли социального сознания в рабочем движении»⁷.

Ленин в «Что делать?» поднял на высоту значение теории, партии, как революционирующей и руководящей силы рабочего движения, блестяще обосновав коренное марксистское положение: марксистская партия есть соединение рабочего движения с социализмом. «Теоретические положения, развитые в «Что делать?», легли потом в основу идеологии большевистской партии»⁸.

Ленин, окончательно добив народническую идеологию, разгромил первый вид оппортунизма в рядах марксистских организаций в России — «экономизм».

* * *

Остановимся кратко на «теоретических» и социально-классовых корнях «экономизма».

Сторонники его, отрицавшие вообще роль теории для рабочего движения, не выдвинули своей самостоятельной теории. Они восполь-

¹ Ленин, Соч., т. IV, стр. 499.

² Там же.

³ Там же, стр. 499—500.

⁴ Там же, стр. 500.

⁵ Там же.

⁶ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 15.

⁷ История ВКП(б), стр. 37.

⁸ Там же, стр. 38.

зовались теми ревизионистскими положениями, которые в ту эпоху выдвигались представителями так называемого «легального марксизма» (в первую очередь Струве). Между «экономистами» и «легальными марксистами» установилось своеобразное разделение труда — первые проводили тред-юнионистскую практику, вторые — занимались критикой марксизма в легальной литературе.

«Легальный марксизм» или «струвизм» не только был теоретической основой «экономизма», но и прямо с ним объединялся в борьбе против революционного марксизма. В «струвизме» Ленин видел особый метод борьбы буржуазии против революционного марксизма. Струве выступил как ярый противник диалектического и исторического материализма, противопоставляя ему идеализм и «экономический материализм». Ленин указывал, что Струве, как и ревизионисты всех стран, является неокантианцем, и со всей силой подчеркивал необходимость беспощадной борьбы с неокантианством «легальных марксистов» и ревизионистов. «Перечитал я, после Stammer'a, — писал Ленин в 1899 г. — статьи Струве и Б[улгако]ва в «Н[овом] Слове» и нашел, что с неокантианством действительно необходимо почитаться серьезно»¹.

Неокантианство было присуще не только русским ревизионистам, но и всему международному оппортунизму; достаточно хотя бы указать на то, что в 1899 г. Каутский открыто заявлял о совместимости марксизма с неокантианством. «Легальные марксисты» и «экономисты» пользовались неокантианством как орудием борьбы против научного социализма, против диктатуры пролетариата.

Струве доказывал, что закономерность общественного развития является фатальным следствием развертывания экономических сил капитализма. Критикуя эту оппортунистическую версию, Ленин указывал, что в основе общественного развития в классовом обществе лежит классовая борьба, а не «фатальное» развертывание экономических сил. Здесь выступает та же теория «стихийности» «экономизма», только в более приглаженном виде. «Струвизм» теоретически обосновывал «экономизм» и тем, что, выступая против революционного марксизма, он провозглашал либеральную буржуазную основным носителем прогрессивных и революционных идей общества.

Струве решал по-идеалистически не только «социологические» вопросы, но и вопросы политической экономии. Он, например, считал, что «товарное производство» есть только «весьма богатый содержанием комплекс представлений» и что «это, можно сказать, столько же психологическое, сколько и экономическое понятие»².

В работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Ленин впервые дает решительный отпор «легальному марксизму» и блестящую характеристику революционного марксизма. Следует отметить, что «легальный марксизм» появился в России еще до выступления германского «ревизионизма», и русские «легальные марксисты» как бы предвосхитили ревизионистов Запада. Это еще повышает заслугу Ленина, который сумел разглядеть в русском оппортунизме ядро международного оппортунизма и разоблачил его подлинную сущность.

Другой матерый представитель «экономизма» Прокопович в своем ревизионистском труде «К критике Маркса» начинает с экономической теории Маркса. Свои атаки он прежде всего направляет против теории трудовой стоимости. Закон стоимости, считает Прокопович, не может существовать в капиталистическом обществе из-за частной

¹ Ленинский сборник IV, стр. 33.

² Струве, Критические заметки. К вопросу об экономическом развитии России, СПб, 1894, стр. 41, 42.

собственности на землю и орудия производства. При капитализме, по его мнению, в качестве источника стоимости выступает не только труд, но и капитал и земля. Повторяя ошибку Родбертуса, Прокопович приходит к выводу, что закон стоимости будет действовать в коммунистическом обществе.

Критика теории трудовой стоимости была нужна Прокоповичу для того, чтобы вооружить его в борьбе с теорией прибавочной стоимости. Учение Маркса о прибавочной стоимости, раскрывающее капиталистическую эксплуатацию во всей ее неприглядной наготе, неприемлемо для буржуазии. Прокопович старается уверить читателя, что прибавочная стоимость создается не только путем эксплуатации наемного труда. Он утверждает, что в капиталистическом обществе мы имеем дело с двумя видами эксплуатации: «В одних случаях, добавочная ценность создается путем обмена не-эквивалентов, путем оплаты потребителем ложных социальных ценностей... В других случаях, прибавочная ценность создается путем эксплуатации наемных рабочих, путем покупки их рабочей силы. При этом втором виде эксплуатации весь общественный продукт продается по его трудовой ценности»¹. Последнее положение помимо всего прочего характеризует, насколько путана «критика» Прокоповича: с одной стороны стоимость при капитализме не может существовать, с другой «общественный продукт продается по его трудовой стоимости». У автора явно не сведены концы с концами. Прокопович отрицает, что единственным источником прибавочной стоимости, прибыли и ренты является эксплуатация наемного труда. Он даже считает, что в результате этого «заблуждения» Маркс неправильно выводит нормы эксплуатации. Во всей этой «ученой» галиматее вульгарная экономия выступает в наиболее непосредственном виде.

Как и все ревизионисты, Прокопович «конструирует» многочисленные противоречия в экономическом учении Маркса, в частности — между законом стоимости и учением о заработной плате. В чем дело? Оказывается, «одно из двух: или рабочий представляет собою моральную величину — является субъектом — или нет... Если рабочий не имеет свойств субъекта, он принадлежит тогда к объективным факторам производства; тогда невозможна теория трудовой ценности и возможна, даже необходима развитая Марксом теория заработной платы»². Эти «критические» упражнения Прокоповича являются яркой иллюстрацией софистических приемов, им применяемых. Из того, что рабочий продает свою рабочую силу в качестве товара, он делает совершенно несуразный вывод, будто труд рабочего не может быть источником стоимости.

Подобно Бернштейну Прокопович проявляет глубокую симпатию к модной тогда теории предельной полезности. Он обвинял Маркса в том, что его учение противоречит этой вульгарной «теории».

В своей «критике» Маркса Прокопович повторяет «зады» буржуазной политэкономии. Сначала он солидаризируется с положением Милля, что законы производства близки к истинам естественных наук, а законы распределения не связаны с производством и зависят от законов и обычаев общества. Затем он соглашается с Родбертусом, что «...трудовая ценность является великой народно-хозяйственной идеей будущего, осуществление которой в силу экономических причин невозможно в настоящем»³. После ряда реверансов по адресу Прудона он переходит на позиции теории предельной полезности Бем-Баверка. Таким образом, вся его экономическая критика Маркса представляет

¹ Прокопович, К критике Маркса, СПб, 1901, стр. 78.

² Там же, стр. 102—103.

³ Там же, стр. 14.

собой пеструю смесь самых разнообразных положений, взятых напрокат у многочисленных буржуазных апологетов.

Но у Прокоповича имеется и своя, весьма «оригинальная», социально-политическая «концепция». Он выдвигает два аспекта рассмотрения классовой борьбы: социально-политический и политико-экономический. В понятие социально-политической борьбы входит политическая борьба не только пролетариата, но и всех оппозиционных групп, среди которых политическим гегемоном является либеральная буржуазия. Социально-политическая борьба — борьба сознательная. А экономическая — бессознательная, причем первая не имеет ничего общего со второй. Вот что мы читаем у Прокоповича по этому поводу: «Во-первых, в сознательной классовой борьбе, — социально-политической борьбе классов, — нет места экономическому пониманию общественных классов и классовой борьбы... Во-вторых, бессознательная классовая борьба, — объективный экономический процесс, — лежит вне поля зрения социал-политики»¹. Прокопович убежден, что вопрос об экономических условиях жизни рабочих не связан с вопросом о капиталистических производственных отношениях. «Уровень жизни рабочих, местные и профессиональные различия в их среде — все это вещи, не имеющие никакого отношения к экономическим категориям капиталистического производства»². Он недоумевает: «В какой мере борьба классов, совершающаяся на почве производственных отношений, может изменить эти отношения?» И тут же не без злого умысла отвечает: поскольку «...материалистическое понимание истории считает производственные отношения базисом, а борьбу классов надстройкой», постольку «...положение научного социализма, что рабочее движение уничтожит капиталистический строй общества, противоречит материалистическому пониманию истории»³.

Эта, с позволения сказать, концепция «экономистов» подводит к главному выводу, так как капиталистическая система не имеет ничего общего с условиями жизни рабочих, рабочим незачем вести политическую борьбу с этой системой; нужна лишь экономическая борьба с хозяевами.

Прокопович даже пускается в непосредственную полемику с Энгельсом по вопросу о задачах профессионального движения. «Что ценит Энгельс в описанном им профессиональном движении английских рабочих? — задает он вопрос. — Улучшение экономического и правового положения рабочих? Ту пользу, которую приносят рабочим *trade-unions*'ы? — Нет. Он рассматривает профессиональное движение, как более развитую форму возмущения рабочих против буржуазии...»⁴.

Вот в чем оказывается смертный грех Энгельса. Рабочие, по Прокоповичу, не имеют права возмущаться капиталистическими порядками, они должны только вести борьбу за «улучшение экономического и правового положения рабочих». Точно так же поставлен вопрос и в «стедо». Прокопович не может простить Энгельсу его революционной точки зрения на профессиональное движение. «Профессиональное движение, — пишет Прокопович, — представляющее собою борьбу рабочих за свои интересы на почве существующего общественного порядка, превращается в борьбу против существующего порядка»⁵. Сам же Прокопович великодушно разрешает рабочему

¹ Прокопович, К критике Маркса, стр. 176.

² Там же, стр. 165.

³ Там же, стр. 174.

⁴ Там же, стр. 189.

⁵ Там же, стр. 190.

классу вести борьбу за свои интересы «на почве существующего порядка», но ни в коем случае не против существующего порядка.

Прокопович подвергает критике по этому вопросу также и Маркс: «В общем же Маркс вполне разделяет взгляды Энгельса на значение профессионального движения: и по его мнению профессиональное движение в ближайшем будущем должно превратиться в борьбу против основ буржуазного строя»¹.

Маркс и Энгельс считали, что профессиональное движение и экономическая борьба рабочих способны и непосредственно улучшить положение рабочих. Начиная с «Положения рабочего класса в Англии» и «Нищеты философии» и кончая «Капиталом», Маркс и Энгельс всегда подчеркивали это положение. Но классики марксизма полагали, что экономическая борьба бывает успешной только тогда, когда она сочетается с правильной политической борьбой за конечные цели рабочего класса. Поэтому Маркс и Энгельс всегда подчеркивали необходимость правильного политического руководства профессиональным рабочим движением со стороны революционной партии. Маркс видел в профессиональных союзах школу коммунизма для рабочих и считал, что профессиональные союзы под руководством революционной партии должны поставить себе целью уничтожение капиталистических отношений производства.

Прокопович этому марксистскому пониманию задач рабочего движения противопоставляет свое оппортунистическое и ревизионистское понимание. Он упрекает Маркса в том, что у него цели определяют содержание рабочего движения. «Не цели,— восклицает Прокопович,— определяют содержание рабочего движения, а формы движения определяют его цели»². Поэтому, по его мнению, невозможно привнесение извне целей движения,— ибо «продукт экономических условий существования рабочих,— профессиональное движение не носит экономически-классового характера»³. В этих словах дано «обоснование» всей практики «экономизма».

Условия существования рабочих при капитализме не имеют ничего общего, по мнению Прокоповича, с профессиональным движением, ибо «профессиональное движение не носит экономически-классового характера». На этом основании Прокопович укоряет Маркса за то, что он принимает «за материальную базу рабочего движения производственные отношения капиталистического строя, а не экономическое положение рабочих в капиталистическом обществе»⁴. Укоряет он Маркса и за то, что «...он ценил в рабочем движении его будущее, его коммунистическое будущее»⁵.

Прокопович по-своему последователен. В самом деле, если защищать точку зрения, что рабочий должен бороться лишь за интересы сегодняшнего дня, за «пяточки», и отказаться от политической борьбы, то тезис, утверждающий, будто материальной основой рабочего движения является экономическое положение рабочих, а не производственные отношения капитализма, как нельзя лучше подводит «теоретический» фундамент под оппортунистическую «надстройку». Но ведь дело не в логических выкругасах Прокоповича — буржуазного либерала, стремившегося во что бы то ни стало сохранить самодержавие и не допустить политической революции в России — дело в реальности исторического процесса, в теоретической правде. Ведь экономическое положение рабочих при капитализме как раз и

¹ Прокопович, К критике Маркса, стр. 191.

² Там же, стр. 198.

³ Там же, стр. 199.

⁴ Там же, стр. 200.

⁵ Там же, стр. 201.

зависит от производственных отношений капитализма. Это — азбука марксизма, которую попирает ногами ревизионист Прокопович.

Профессиональное движение, правильно руководимое революционной партией, всегда перерастает узкие рамки борьбы за условия труда; социальный вопрос — это прежде всего вопрос о революционном преобразовании общества. Пролетариат борется за освобождение от гнета эксплуатации и за установление диктатуры пролетариата. Только благодаря правильному политическому руководству стихийное движение рабочих превращается в могучую силу преобразования существующего экономического и политического строя, а профессиональные союзы — в громадную воспитательную и организующую силу.

Прокопович, Акимов, Мартынов и прочие не хотели признавать великую историческую миссию пролетариата — освободить себя и всех трудящихся от гнета царизма и беспощадной эксплуатации капитализма. Они не хотели понять, что одна экономическая борьба или подчинение политической борьбы экономическим задачам не освобождает пролетариат от капиталистической эксплуатации и не преобразует существующего строя, т. е. не внедрит социализм.

Недаром либеральная буржуазия так усердно поддерживала «экономизм». Она прекрасно учитывала, что усиление его неизбежно вело к отрицанию или умалению роли революционной социал-демократии. «Иллюзия современной русской социал-демократии, — читаем мы на страницах органа либералов «Освобождение» (№ 63), — заключается в том, что она боится культурной работы, боится легальных путей, боится экономизма, боится так называемых неполитических форм рабочего движения, не понимая, что только культурная работа, легальные и неполитические формы могут создать достаточно прочный и достаточно широкий базис для такого движения рабочего класса, которое заслуживало бы названия революционного»¹. Активно поддерживал «экономистов» и «отец провокации», жандармский полковник Зубатов. «Не вздумают ли они («экономисты». — О. А.) отрицать того, что распространение экономизма облегчает задачу гг. Зубатовым?» — спрашивал Ленин².

Ленин всюду и везде подчеркивал прямую и непосредственную связь «экономизма» с меньшевизмом и «легальным марксизмом». Он наглядно показал, что между «легальным марксизмом», «экономизмом» и меньшевизмом существует не только идейная связь, но и прямая историческая преемственность.

Как дух «экономизма» переходил от одной оппортунистической группы к другой, показывает еще и тот факт, что социал-шовинисты в лице меньшевиков (Плеханов, Аксельрод, Мартов) даже в период войны 1914—1917 гг. повторяли зады старого «экономизма». Вот что говорит Ленин по этому поводу: «Нынешние доводы социал-шовинистов (о необходимости считаться с массой, о прогрессивности империализма, об «иллюзиях» революционеров и т. п.) все были уже выдвинуты «экономистами». С оппортунистической переделкой марксизма под «струвизм» социал-демократическая Россия познакомилась 20 лет тому назад»³.

Где лежат социально-классовые корни того вида оппортунизма, который называется «экономизмом»?

В статье «Марксизм и ревизионизм»⁴ Ленин показывает, что даже в России немарксистский социализм в конце XIX в. явственно перерастал в ревизионизм. Идею народолюбцев о том, что политическая

¹ Цитирую по Ленину, Соч., т. VII, стр. 146.

² Там же, т. IV, стр. 344.

³ Там же, т. XVIII, стр. 219.

⁴ Там же, т. XII, стр. 184—185.

борьба есть дело небольшой группы интеллигентов, «экономисты» возвели в теорию.

В № 1 «Искры» (декабрь 1900 г.) Ленин определил обстоятельства, подготовившие почву для «экономизма»: «Во-первых, в начале своей деятельности русские социал-демократы ограничились одной кружковой пропагандистской работой. Перейдя к агитации в массах, мы не всегда могли удержаться от того, чтобы не впасть в другую крайность. Во-вторых, в начале своей деятельности нам приходилось очень часто отстаивать свое право на существование в борьбе с народо-вольцами, которые понимали под «политикой» деятельность, оторванную от рабочего движения, которые суживали политику до одной только заговорщицкой борьбы. Отвергая такую политику, социал-демократы впадали в крайность, отодвигая на второй план политику вообще. В-третьих, разрозненно действуя в местных мелких рабочих кружках, социал-демократы недостаточно обращали внимание на необходимость организации революционной партии...»¹.

Подобное объяснение обстановки, в которой складывался «экономизм», не избавляет нас от необходимости анализа социально-классовых корней «экономизма». Здесь нам чрезвычайно помогают данные, приводимые Лениным в «Развитии капитализма в России». Так, например, по Калужской губернии он дает следующие цифры².

Группы уездов по раз- меру отхода	Процент отхо- жих рабочих муж. пола ко всему насел. м. п.
I	38,7
II	36,3
III	32,7

Были в этой губернии и такие уезды, где на 100 работников приходилось не менее 60 отходчиков. Данные Ленина о том, что за 1863—1897 гг. население городов выросло почти вдвое (на 97%), в то время как все население увеличилось только на 53,3%³ показывают, как велик был приток населения из деревни в город. По той же Калужской губернии количество отхожих рабочих за 1896 г. равнялось 124,3 тыс., т. е. около 11% всего населения; что же касается городского населения Калужской губернии, то оно составляло в 1897 г. всего 97,9 тыс. К сожалению, мы не нашли материала, характеризующего количество отходников из деревень в города промышленных губерний. Но данные Ленина о количестве выданных по стране паспортов и билетов в значительной мере характеризуют движение отходников в целом. В 1884 г. в Европейской России было выдано до 4,67 млн. паспортов и билетов, и на этом основании Ленин заключает, что число рабочих, «занятых всякими отхожими промыслами, составляет не менее 5—6 миллионов»⁴. Ленин считает эти цифры показательными для развития капитализма в России. Мы же приводим ленинские данные, чтобы показать, что эти вчерашние крестьяне, пропитанные мелкобуржуазными предрассудками, попав в город и не переварившись еще в рабочем котле, в известной мере были материалом и социальной базой для «экономизма» — оппортунизма 90-х годов.

«Наши экономисты, — утверждает Ленин, — и в том числе «Рабочее

¹ Ленин, Соч., т. IV, стр. 56.

² Там же, т. III, стр. 451.

³ Там же, стр. 437.

⁴ Там же, стр. 446.

Дело», имели успех благодаря тому, что подделывались под неразвитых рабочих»¹.

* * *

Теория стихийности и хвостизма была неперенным спутником оппортунизма всех мастей, независимо от конкретной формы его проявления. Поэтому борьба Ленина с «экономизмом» имела и имеет огромное политическое значение и сохраняет свою актуальность и в наши дни. На каждом новом этапе борьбы нашей партии с оппортунизмом мы вновь и вновь убеждаемся в глубокой правоте Ленина, страстно отстаивавшего примат политической борьбы над экономической и необходимость революционной теории для преодоления стихийности в рабочем движении.

Гениальный продолжатель дела Ленина, товарищ Сталин, развил дальше и эту идею Ленина. «Партия не может быть действительной партией,— говорит товарищ Сталин,— если она ограничивается регистрацией того, что переживает и думает масса рабочего класса, если она тащится в хвосте за стихийным движением, если она не умеет преодолеть косность и политическое безразличие стихийного движения... Партия должна стоять впереди рабочего класса, она должна видеть дальше рабочего класса, она должна вести за собой пролетариат, а не тащиться в хвосте за стихийностью. Партии Интернационала, проповедующие «хвостизм», являются проводниками буржуазной политики, обрекающей пролетариат на роль орудия в руках буржуазии»².

В борьбе с оппортунизмом каждый раз с новой силой необходимо подчеркивать марксистско-ленинское понимание взаимоотношения субъективного и объективного. В речи на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. товарищ Сталин подчеркнул: «В истории государств, в истории стран, в истории армий бывали случаи, когда имелись все возможности для успеха, для победы, но они, эти возможности, оставались втуне, так как руководители не замечали этих возможностей, не умели воспользоваться ими, и армии терпели поражение»³.

Товарищ Сталин учит нас, что возможность сама по себе, автоматически не превращается в действительность. Необходимо, чтобы революционеры-руководители умели пользоваться объективными факторами. Под этим углом зрения проходила борьба товарища Сталина с «теорией» самотека в вопросе о кадрах и рабочей силе для социалистической промышленности, с правым оппортунизмом в вопросе о колхозном строительстве. Так, например, правые оппортунисты утверждали, что как деревня при капитализме шла за капиталистическим городом стихийно, самотеком, так и в условиях социалистического уклада мелкокрестьянское хозяйство самотеком пойдет за социалистическим городом, стихийно преобразуясь по образу и подобию последнего.

В основе контрреволюционной борьбы правых оппортунистов против организации колхозов лежала «теория» стихийности и самотека. Эта «теория» была разгромлена нашей партией во главе с товарищем Сталиным с такой же силой, как в свое время был разгромлен «экономизм».

¹ Ленин, Соч., т. IV, стр. 417.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 66.

³ Там же, стр. 323.

Проф. Д. ШЕПИЛОВ

Учение о социалистической собственности

Ликвидация частной собственности — программное требование научного коммунизма

С точки зрения исторического материализма, способ производства материальных благ, необходимых для существования и развития общества, является той главной силой, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя. Способ производства представляет собой единство производительных сил общества и производственных отношений людей. Определенной структуре и уровню развития производительных сил соответствует определенный тип производственных отношений. В предисловии к «Критике политической экономии» Маркс указывает, что производственные отношения это — отношения собственности; они отображают, в чем владении находятся средства производства (фабрики, заводы, земля, воды, недра и т. д.) — во владении эксплуататорских классов, отдельных социальных групп или во владении всего общества. Каждая социально-экономическая формация характеризуется определенным способом соединения рабочей силы со средствами производства, т. е. определенными отношениями собственности на средства производства. Совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества. Никакое общество немислимо без господства той или иной исторически определенной формы собственности.

В работе товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме» дан глубочайший анализ развития и революционных смен форм собственности на всем протяжении истории человечества.

Первобытно-общинный строй покоился на коллективном труде, общественной собственности на средства производства и на продукты труда. Здесь не было частной собственности, не было эксплуатации, классов.

При рабовладельческом строе свободный труд всех членов общества заменяется принудительным трудом рабов на нетрудящихся рабовладельцев. Здесь нет поэтому «...и общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Ее заменяет частная собственность. Здесь рабовладелец является первым и основным полноценным собственником»². Основой производственных отношений становится собственность рабовладельца и на орудия производства и на работника-раба.

Революция рабов уничтожила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. С утверждением феодального строя основой производственных отношений становится собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства — крепостного. «Частная собственность получает здесь дальней-

¹ Лекция из курса политической экономии социализма.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 555.

шее развитие»¹. Наряду с собственностью феодалов, развивающейся за счет безудержной крепостнической эксплуатации трудящихся, существует частное хозяйство крестьян и ремесленников, основанное на личном труде.

Буржуазная революция, свергающая власть крепостников, заменяет крепостническую форму эксплуатации капиталистической. Основой производственных отношений капиталистической формации становится частная капиталистическая собственность, эксплуатация наемных рабов капитала, лишенных средств производства. Частная собственность крестьян и ремесленников, основанная на личном труде, все в большей мере подчиняется всевластию капитала. Таким образом, общим для всех предшествующих социализму антагонистических формаций (рабовладельческого строя, феодализма, капитализма) является господство эксплуататорских форм собственности. В революционной смене социально-экономических формаций одна форма эксплуатации (как и частной собственности) заменялась другою, но самая эксплуатация большинства меньшинством оставалась неизменной.

Социалистическая система хозяйства покоится на общественной социалистической собственности, исключающей всякую эксплуатацию человека человеком. Здесь общественные отношения строятся на началах сотрудничества и взаимной помощи свободных от эксплуатации ассоциированных производителей. Определяющей чертой социалистической системы хозяйства является то, что производственные отношения, находясь в полном соответствии с характером социалистических производительных сил, выступают как решающий фактор безграничного развития и полного расцвета производительных сил.

Общественная социалистическая собственность является противоположностью и прямым отрицанием частной собственности на средства производства, история которой охватывает несколько тысячелетий.

Капиталистическая частная собственность — исторически последняя форма частной собственности вообще — наиболее полно выражает антагонизм способа производства, основанного на эксплуатации человека человеком.

Буржуазная собственность — основа основ всех противоречий капиталистической системы хозяйства и эксплуатации трудящихся масс паразитическими классами. Маркс писал: «...определить буржуазную собственность — значит сделать не что иное, как описание всех общественных отношений буржуазного производства»². В условиях капиталистической системы хозяйства подавляющая часть средств производства монополизирована эксплуататорскими классами. Средства производства отделяются от массы производителей и превращаются в средства эксплуатации — капитал. Собственность и народ противостоят друг другу, как капитал и наемный труд. Капиталист превращает право собственности в право безудержной эксплуатации, присвоения продукта труда рабочего. Это же право ограничивает личную собственность рабочего узкими рамками стоимости рабочей силы.

В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс указывали, что капиталистическая частная собственность существует потому, что она не существует для девяти десятых населения буржуазного общества, низведенных эксплуататорскими классами на положение рабов капитала. В буржуазном обществе с накоплением собственности, богатств, роскоши и с ростом паразитизма на одном полюсе усиливается на-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 556.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 399—400.

копление нищеты, разорение, рабство на другом полюсе — среди рабочего класса. В этом — суть капиталистического закона накопления.

Национальное богатство США оценивается в 500 млрд. долларов. Подавляющая часть этих богатств сосредоточена в руках небольшой группы магнатов финансового капитала. 1% собственников США владеют 59% богатств страны. Американский экономист Фердинанд Лэндберг показал в своей известной работе, что «60 семейств Америки» определяют судьбы этой богатейшей страны капиталистического мира. Эксплуататорские классы (включая зажиточных фермеров), составляя 7,9% населения страны, обрекают на голод, нищету и вырождение свыше 90% населения. По данным специального обследования доходов населения США, произведенного правительственным Комитетом национальных ресурсов в 1935—1936 гг., две трети населения США живут на грани бедности, около двух пятых — в бедности, седьмая часть населения — в нищете. Аналогичное положение во Франции, Англии, Италии и других странах капиталистического мира. По данным американского буржуазного экономиста Людвелл Денни, 2% собственников в Англии владеют 64% всего национального богатства. Во Франции кучка магнатов финансового капитала («200 семейств») держит в своих руках подавляющую часть богатств страны. Судьбы Италии решают «17 семейств» миллиардеров, сосредоточивших у себя основные богатства страны и контролирующих всю хозяйственную и политическую жизнь Италии.

Частная собственность порождает обостренные формы конкурентной борьбы. Глубочайшее противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения ведет к разрушительным экономическим кризисам. Периодическое уничтожение колоссальных богатств является законом капиталистического способа производства. Общественный характер процесса производства становится далее несовместимым с капиталистическими производственными отношениями. «Это значит, что капитализм чреват революцией, призванной заменить нынешнюю капиталистическую собственность на средства производства социалистической собственностью»¹. Развившиеся производительные силы властно требуют разрушения сковывающих их буржуазных отношений собственности. Буржуазия пытается разрешить это противоречие путем колониального грабежа, подавления малых стран, кровопролитных империалистических войн. «Частная собственность — это грабеж, и государство, основанное на частной собственности, есть государство хищников, которые воюют для дележа добычи»².

Развитие капиталистического способа производства вплотную подводит к исторической необходимости насильственного уничтожения буржуазной собственности, тирания которой ставит общество под угрозу гибели. Когда речь идет об уничтожении буржуазных имущественных отношений, вопрос о собственности становится вопросом жизни для пролетариата. Капитализм в себе самом создает предпосылки социальной революции, задача которой — уничтожить буржуазные отношения собственности и заменить их новыми, социалистическими отношениями, как единственно соответствующими изменившемуся характеру производительных сил. Уничтожение частной собственности на средства производства становится поэтому основным программным требованием научного коммунизма. «Коммунисты

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 557.

² Ленин, Соч., т. XXV, стр. 417.

могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»¹.

Необходимость революционного ниспровержения буржуазных отношений собственности, необходимость социалистического обобществления средств производства доказана была Марксом и Энгельсом. Конкретная программа экспроприации буржуазии и помещиков, ликвидации частной собственности, путей и методов социалистического обобществления и построения коммунистического общества, базирующегося на общественной собственности, разработана и теоретически обобщена в трудах Ленина и Сталина.

Учение марксизма-ленинизма о социалистической собственности, ее сущности и путях возникновения и победы складывалось и развивалось в борьбе с буржуазными, мелкобуржуазными, утопическими теориями и взглядами.

Идеологи буржуазии провозглашают частную собственность как естественную, вечную категорию. Принцип вечности, разумности и неизблемости частной собственности закреплен в философских системах (Гольбах, Гельвеций) и во всех буржуазных конституциях. Кант рассматривал деление людей на имущих и неимущих как разумное и нормальное явление. Право частной собственности вытекает из самого общения людей. Государство, как государство собственников, необходимо, ибо каждый должен быть уверен в охране своей собственности против всяких насилий. Сама природа предопределяет необходимость правового государства для защиты частной собственности. Великий философ Гегель рассматривал частную собственность как первый вид свободы, превращающей человека в нравственную личность. Мелкобуржуазные теоретики, видя глубочайшие противоречия, порождаемые владычеством частной капиталистической собственности, преподносили ложные, разоружающие рабочий класс программы преобразования общества. Так, Сисмонди проповедывал возврат к патриархальной крестьянской собственности и возрождение мелкой собственности независимого ремесленника. Взгляды Сисмонди, идеализировавшего мелкое производство, легли в основу реакционных теорий русских народников, которые прославляли частную собственность мелкого хозяйчика и, отвергая путь пролетарской революции, рассматривали крестьянскую общину как средство мирного перехода самодержавной России к социализму. Идеолог разоряющей мелкой буржуазии Прудон в своем раннем произведении «Что такое собственность?» объявил буржуазную собственность кражей. Однако, выступая против крупной капиталистической собственности, Прудон проповедывал необходимость установления равной собственности для всех. Прудон предлагал реорганизовать буржуазное общество так, чтобы рабочие, лишенные собственности, превратились с помощью дарового кредита (предоставляемого Народным обменным банком) в самостоятельных мелких производителей. В этом случае, по мнению Прудона, частная собственность из величайшей несправедливости становится справедливостью, ибо производитель сможет обменивать свой труд на равное количество труда другого. Реакционно-утопические теории Прудона, Сисмонди, народников и пр.— это теории отказа от революционного разрушения буржуазных отношений собственности и увековечения строя мелких товаропроизводителей, на деле — капитализма.

Великие социалисты-утописты (Сен-Симон, Фурье, Оуэн) дали глубокую и острую критику буржуазного общественного строя, показав всю его материальную и моральную нищету. Они поднялись до со-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 496.

знания, что «в цивилизации бедность порождается самим избытком» (Фурье). Они сосредотачивали свое внимание на судьбе «самого многочисленного и самого бедного класса» (Сен-Симон). Но социалисты-утописты, в силу недостаточной еще развитости капиталистических экономических отношений их эпохи, не видели в частной собственности первопричину всех язв и противоречий буржуазного строя. Сен-Симон и Фурье допускали возможность имущественного неравенства и в гармоническом обществе будущего. Социалисты-утописты конструировали планы нового, счастливого общества, предполагая осуществить его не на основе революционного преобразования буржуазных имущественных отношений, а путем пропаганды, апелляции к разуму и организации в рамках буржуазного общества образцовых ассоциаций (коммунистические колонии Оуэна в Америке), пример которых должен увлечь все человечество. Они не понимали великой исторической роли рабочего класса, призванного уничтожить буржуазные отношения собственности и построить новое, гармоничное общество коммунизма.

Замаскированную и подлую апологию капиталистических отношений собственности представляют теории международной социал-демократии, выродившейся в прямую агентуру империалистической буржуазии. Виднейшие представители этой агентуры в рабочем движении (Каутский, Бауэр, Гильфердинг, Жуо, Блюм, Макдональд и др.) являются авторами гнилых «теорий» мирного преобразования капиталистических производственных отношений путем привлечения рабочих в предпринимательские организации (так называемая «хозяйственная демократия»), умеренной национализации буржуазной собственности с выкупом и обложения сверхприбылей («конструктивный социализм» Макдональда, Веббов и пр.), кооперирования потребителей, как средства мирной переделки капитализма в социализм («кооперативный социализм» Шарля Жюда, Тотомьянца и др.). Служебное назначение всех этих ревизионистских теорий — отвлечь пролетариат от классовой борьбы, примирить классовые антагонизмы, защитить частную собственность магнатов финансового капитала и их империалистических государств.

В противовес реакционным буржуазным ревизионистским взглядам теория научного коммунизма Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, обосновав неизбежность гибели капиталистического способа производства, провозглашает не изменение частной собственности на средства производства, а ее уничтожение, не подновление и улучшение буржуазного общества, а его революционное разрушение и построение нового общества, не знающего частной собственности, классового деления, эксплуатации человека человеком. Основной и решающей силой такого революционного преобразования является диктатура рабочего класса.

Эти программные требования научного коммунизма изложены в «Коммунистическом манифесте» Маркса — Энгельса: «Пролетариат воспользуется своим политическим господством, чтобы постепенно отнять у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать все орудия труда в руках государства, т. е. организованного в качестве господствующего класса пролетариата, и, по возможности, скорее увеличить массу производительных сил... это может совершиться только путем деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные условия производства...»¹.

Все предшествовавшие революции защищали один вид эксплуататорской собственности против другого. Социалистическая революция

¹ Маркс и Энгельс, т. V, стр. 501—502.

отличается от всех других революций тем, что она ставит своей задачей и осуществляет уничтожение частной собственности вообще. Только решение этого коренного вопроса о собственности меняет до основания экономическую структуру общества. «Для действительного освобождения рабочего класса необходима подготовляемая всем развитием капитализма социальная революция, т. е. уничтожение частной собственности на средства производства, переход их в общественную собственность и замена капиталистического производства товаров социалистической организацией производства продуктов за счет всего общества, для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех его членов»¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция, осуществившая экспроприацию экспроприаторов, воплотила в жизнь программные требования научного коммунизма. «Победивший пролетариат отменил и разрушил до конца собственность, вот в чем господство класса. Прежде всего в вопросе о собственности. Когда практически решили вопрос о собственности, этим было обеспечено господство класса»². Социалистическая революция открывает новую эпоху в истории человечества — эпоху борьбы за утверждение безраздельного господства социалистических производственных отношений, зиждящихся на общественной собственности.

Социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность — экономическая основа советского общества

Основу производственных отношений социалистического общества составляет общественная собственность на орудия и средства производства. Апологеты капитализма клеветнически изображали программу научного коммунизма как программу уничтожения собственности вообще. В действительности «характерной особенностью коммунизма является не уничтожение собственности вообще, а уничтожение собственности буржуазной»³. Социалистическое, как и коммунистическое, общество немислимо без господства общественной собственности. Отрицая частную собственность, научный коммунизм провозглашает необходимость создания, всемерного расширения и упрочения безраздельного господства общественной, социалистической собственности. Разрушение старых буржуазных отношений собственности, ликвидация эксплуататорских классов, переделка мелкотоварного крестьянского хозяйства на социалистической основе и утверждение социалистической собственности во всех сферах народного хозяйства — таково главное содержание экономической политики диктатуры рабочего класса в переходный период от капитализма к социализму.

Диктатура рабочего класса, осуществляя экономическую программу большевистской партии, с первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции вторглась в одну область буржуазных отношений собственности за другой, экспроприруя частную собственность помещиков и капиталистов и закладывая основы общественной собственности.

В первую же ночь Октябрьской революции (с 7 на 8 ноября 1917 г.) провозглашена была революционная конфискация (без всякого выкупа) помещичьих, церковных, удельных, кабинетских земель. Вся земля превращена была в государственную (всенародную) собствен-

¹ Ленин, Соч., т. V, стр. 12.

² Там же, т. XXV, стр. 104.

³ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 496.

ность. Национализация земли нанесла сокрушительный удар не только имущественным отношениям буржуазии и помещиков, но и частной собственности вообще. Декретом от 30 декабря 1917 г. было положено начало национализации всех банков. Вслед за тем национализации и социалистическому обобществлению подвергается отрасль за отраслью промышленности и транспорта: железнодорожный транспорт, все акционерные предприятия, водный транспорт, каменно-угольная промышленность, нефтяная, сахарная. В июне 1918 г. к государству переходят все крупные предприятия горной, металлургической, электротехнической, цементной, лесопильной, деревообделочной, табачной, кожевенной и других отраслей промышленности. К началу 1920 г. подавляющая часть промышленности, транспорт, финансы перешли в собственность государства.

Начав с решающих объектов крупной трестированной промышленности, с транспорта, земли и банков, диктатура рабочего класса распространяет затем социалистическое обобществление на среднюю и мелкую промышленность и на сферу обращения. Национализацией земли и созданием первых сотен и тысяч совхозов, коммун и артелей начинается история насаждения социалистической собственности и в наиболее отсталой и распыленной отрасли народного хозяйства— в сельском хозяйстве.

Социалистическое обобществление средств производства—безусловный закон переходного периода от капитализма к социализму. «Стоит только произвести первое радикальное нападение на частную собственность, и пролетариат будет вынужден идти все дальше, все больше концентрировать весь капитал, все земледелие, всю промышленность, весь транспорт, весь товарообмен в руках государства»¹.

Социалистическое обобществление не является простым сосредоточением в руках диктатуры рабочего класса средств производства. Овладев командными высотами, социалистическое государство осуществляет техническую реконструкцию всего народного хозяйства. Социалистические производительные силы в огромной мере приумножаются. Коренным образом изменяется структура народного хозяйства и в социально-классовом отношении: рост социалистического сектора, ограничение и вытеснение, а затем полная ликвидация капиталистических элементов во всех сферах народного хозяйства. Исходным моментом социалистического обобществления является превращение в государственную собственность важнейших отраслей народного хозяйства: крупной промышленности, земли, банков, внешней торговли; завершающим звеном — социалистическое обобществление сельского хозяйства, осуществляемое партией в особых формах (сплошная коллективизация крестьянских хозяйств на основе добровольности, строительство мощной сети МТС и совхозов).

Социалистическая революция не может ставить и не ставит своей задачей немедленную и полную отмену частной собственности на средства производства. Пролетариат, захватив власть в свои руки, застаёт уже сложившиеся две формы частной собственности: с одной стороны — частную капиталистическую собственность, основанную на эксплуатации чужого труда (средства производства фабрикантов, банкиров, помещиков), с другой — единоличную частную собственность, основанную на личном труде (средства производства трудящихся масс крестьянства, кустарей и ремесленников).

Диктатура рабочего класса в ходе революционного переворота и гражданской войны превращает частную капиталистическую соб-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 476.

ственность в собственность государственную, на основе насильственной экспроприации. Остатки ее (средства производства нэпмановской буржуазии и кулачества) ликвидируются до конца, по мере завершения социалистического преобразования советского общества.

Единоличная частная собственность, основанная на личном труде, не может быть ликвидирована путем насильственной экспроприации. Партия Ленина — Сталина разоблачила вражеские установки троцкистов, предлагавших путь насильственной экспроприации крестьянства, как установки, направленные к гибели советской власти. Собственность крестьян и ремесленников на средства производства, основанная на личном труде, преобразовывается социалистическим государством в общественную собственность — на основе кооперирования мелких товаропроизводителей.

Рабочий класс, овладевая государственной властью, превращаясь в господствующий класс, не получает в наследие от предшествующего строя форм собственности, соответствующих социалистической системе хозяйства.

Капиталистическая собственность зарождается и развивается в недрах феодального общества задолго до буржуазной революции. Социалистическая собственность, как прямая противоположность капиталистической, не может зарождаться в недрах буржуазного общества. Буржуазная революция, свергающая господство феодалов, приводит государственную власть в соответствие с уже сложившейся в феодальную эпоху буржуазной экономикой. Социалистическая революция, свергающая господство капитала, должна создать фундамент новой социалистической экономики, соответствующей новому политическому строю. Политическому господству буржуазии предшествует период ее господства в экономической области. Политическое господство рабочего класса (пролетарская диктатура) — исходный момент установления господства и в экономической области. Буржуазная революция завершает борьбу за утверждение господства капиталистической собственности и капиталистической системы хозяйства. Социалистическая революция открывает эпоху ожесточенной классовой борьбы за утверждение безраздельного господства социалистической собственности и социалистической системы хозяйства.

Эти коренные отличия социалистической революции от революции буржуазной обуславливают своеобразный характер экономики переходного периода. Превращением экспроприированной собственности помещиков и капиталистов во всенародное достояние рабочий класс создает экономическую основу пролетарской диктатуры — социалистическую собственность. Но эта форма собственности, осуществляя свою ведущую роль в народном хозяйстве, еще в течение длительного периода не является преобладающей. Наряду с социалистическим укладом существуют уклады патриархальный, мелкотоварный, капиталистический, госкапиталистический. Соотношение этих укладов может быть представлено следующими данными об удельном весе каждого из них в валовой продукции всех отраслей народного хозяйства в 1923/1924 г.¹.

1) Патриархальное натуральное хозяйство	0,6%
2) Мелкотоварное производство	51,0%
3) Частно-хозяйственный капитализм	8,9%
4) Госкапитализм	1,0%
5) Социализм	38,5%

¹ Данные таблицы, составленной по материалам «Баланса народного хозяйства Союза ССР на 1923—24 г.» (Москва, 1926 г.), сугубо ориентировочны.

Многоукладность в экономической структуре советского общества была основой глубоких противоречий в переходный период, ибо за укладами стояли определенные классовые силы. Рабочий класс, руководимый партией Ленина — Сталина и опирающийся на социалистическую собственность, последовательно ведет курс на уничтожение капиталистической собственности и преобразование мелкотоварного частнособственнического хозяйства в хозяйство социалистическое на основе кооперации. Противостоявшие рабочему классу эксплуататорские классы города и деревни, опиравшиеся на капиталистическую собственность, пытались воспроизводить капиталистические отношения на расширенной основе и реставрировать господство капиталистической собственности. Ожесточенная классовая борьба между этими двумя антагонистическими силами определяет собой весь переходный период от капитализма к социализму.

Особое положение занимает мелкотоварный уклад, длительное время преобладавший в экономике переходного периода. Поскольку мелкотоварное хозяйство базируется на частной собственности на орудия и средства производства, оно однотипно капиталистическому хозяйству. Поскольку, с другой стороны, в основе мелкотоварного хозяйства лежит личный труд мелкого собственника, не эксплуатирующего чужой труд, и поскольку капиталистическая собственность развивается за счет безудержной эксплуатации и разорения трудящихся масс крестьянства и ремесленников, — мелкособственническое хозяйство противоположно капиталистическому. Это особое положение мелкого товаропроизводителя в условиях диктатуры рабочего класса получило характеристику в известном тезисе Ленина о двойственной природе, «двоедушии» середняка.

Из двойственной природы вытекает возможность развития мелкотоварного хозяйства как по капиталистическому (ценой разорения крестьянства), так и по социалистическому пути. Развитие крестьянского хозяйства по социалистическому пути не может происходить в порядке самотека. Организующей и руководящей силой социалистического преобразования мелкотоварного уклада является диктатура рабочего класса. Социалистический путь обеспечивает превращение всего крестьянства в зажиточных людей, тружеников бесклассового социалистического общества, базирующих свое производство на общественной собственности и коллективном труде.

Интересы рабочего класса и трудящихся масс крестьянства по коренным вопросам совпадают. В этом совпадении — основа нерушимого союза двух основных классов советского общества.

Рабочий класс, руководимый партией Ленина — Сталина, активно борется за социалистический путь развития мелкотоварного уклада, последовательно осуществляя свою программу превращения частной собственности мелких товаропроизводителей на средства производства в общественную путем социалистического обобществления, на основе кооперирования сначала сферы снабжения и сбыта, а затем и производства. Программа коммунистических принципов социалистического преобразования мелкотоварного уклада дана в ленинско-сталинском кооперативном плане.

Исход борьбы рабочего класса за безраздельное господство социалистической собственности и социалистической системы хозяйства зависит от того, сумеет ли рабочий класс разбить капиталистические классы и повести крестьянство по социалистическому пути, или капиталистам удастся расколоть союз рабочего класса с основными массами деревни и повести крестьянство по капиталистическому пути. «Весь вопрос, за кем пойдет крестьянство — за пролетариатом, стремящимся построить социалистическое общество, или за

капиталистом. ...Весь вопрос — кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше организовать, — и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на эти вещи трезво: кто кого?»¹.

Для победы социализма над капитализмом партия переходит к новой экономической политике. Союз рабочего класса и крестьянства получает прочную экономическую основу. Предательскому плану троцкистско-бухаринской контрреволюции, пытавшейся повести страну по пути развязывания частно-капиталистической стихии в реставраторских целях, большевистская партия противопоставила ленинско-сталинскую программу построения социализма, в основу которой был положен план социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Последовательное осуществление этого плана в огромной мере расширяло границы общественной социалистической собственности.

В 1923/24 г. в валовой продукции всей промышленности страны на долю социалистической обобществленной промышленности приходилось 76,7% продукции, в 1929 г. — 89,5%, в 1930 г. — 94,4%. В области розничного товарооборота в начале нэпа преобладающее положение занимала частная торговля. В 1923/24 г. оборот государственной и кооперативной торговли составлял 42,3% к общему обороту всей розничной торговли, в 1928 г. — 77,5%, в 1929 г. — 86,5%. К 1931 г. частный капитал был полностью ликвидирован, и социалистическая собственность утвердила свое безраздельное господство и в этой отрасли народного хозяйства. В руках государства сосредоточена была кроме того вся внешняя торговля, весь паровой транспорт, вся система кредитно-денежного обращения. В результате этого в основных производственных фондах народного хозяйства удельный вес социалистической собственности увеличился с 48,8 в 1925 г. до 77,8% в 1928 г., а удельный вес капиталистической собственности снизился с 6,5 до 2,6%. Удельный вес социалистических форм хозяйства в народном доходе увеличился с 35 в 1924/25 г. до 74,3% в 1930 г.

Победа социалистической собственности и социалистической системы хозяйства в области промышленности, транспорта, товарооборота и т. д. со всей остротой поставила вопрос о ликвидации противоречия между этими отраслями, покоящимися на общественной собственности и развивающимися гигантскими темпами, и между отсталым сельским хозяйством. Основу последнего продолжали составлять мелкие, раздробленные частнособственнические хозяйства. В 1924 г. на долю обобществленных форм хозяйства в валовой продукции сельского хозяйства приходилось всего 1,5%, в 1928 г. — 3%; 97% сельскохозяйственной продукции приходилось на частнособственнические хозяйства. Единоличное сельское хозяйство развивалось крайне замедленными темпами. В 1926—1929 гг. ежегодный прирост крупной социалистической промышленности составлял 21,4%, а ежегодный прирост продукции сельского хозяйства 0,9%. Единоличное, частнособственническое, низкотоварное сельское хозяйство тормозило развитие социалистического народного хозяйства в целом.

Советская хозяйственная система не могла базироваться дальше на двух разных экономических основах: с одной стороны — крупная обобществленная промышленность, уничтожающая капитализм, с другой — частнособственническое, мелкое крестьянское хозяйство, рождающее капитализм. Осуществлением глубочайшего революционного переворота в деревне в 1929—31 г. (сплош-

¹ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 41—42.

ная коллективизация и ликвидация класса кулачества) партия разрешила это противоречие. Социалистическое обобществление на началах кооперирования форсированными темпами охватывает все более широкую сферу и сельского хозяйства. Самый многочисленный трудящийся класс страны — крестьянство — навсегда порывает с частной собственностью.

Социалистическая собственность становится господствующей в самой отсталой отрасли народного хозяйства — в сельском хозяйстве. Удельный вес продукции социалистических форм хозяйства в валовой продукции всего сельского хозяйства составлял: в 1929 г. — 6,7%, в 1930 г. — 28,9%, в 1931 г. — 62,8%, в 1932 г. — 74,7%, в 1933 г. — 80,8%, в 1934 г. — 86,4%, в 1935 г. — 93,6%. В производственных фондах сельского хозяйства в 1936 г. на долю социалистической собственности приходилось 96,3%.

Процесс социалистического обобществления, утверждающий господство социалистической собственности, начатый в 1917 г. экспроприацией буржуазной собственности, к моменту принятия новой Конституции СССР (1936 г.) в основном был завершен. Уклад частного хозяйственного капитализма был ликвидирован: в валовой продукции всей промышленности на долю частной промышленности приходилось в 1938 г. 0,03% продукции; кулацкое производство ликвидировано полностью; частнокапиталистические элементы искоренены до конца и в сфере торговли.

Одновременно с ликвидацией частнокапиталистической собственности определялась и полная гибель госкапиталистического уклада. В 1928 г. фактически действовало всего 55 иностранных концессий. На долю госкапиталистической промышленности приходилась ничтожная часть продукции (0,64% валовой продукции всей промышленности). В результате побед первой пятилетки, в огромной мере укрепившей мощь социалистической индустрии, ликвидация концессий, вообще не получивших заметного распространения, усилилась. В 1930 г. было ликвидировано 20 концессий, в 1931 г. — 9, в 1932 г. — 7, в 1933 г. — 2, в 1934 г. — 3, в 1935 г. — 2. Концессии, как экономическая величина, перестали существовать.

Уклад мелкотоварного производства, базирующийся на частной собственности и личном труде мелкого производителя, был преобразован на социалистических началах. Единичное мелкое крестьянское хозяйство превратилось в свою противоположность — крупное, обобществленное социалистическое сельское хозяйство. В 1938 г. на долю единоличника приходилось всего 0,6% всей площади посева зерновых культур. «Социалистическая система хозяйства является теперь единственной формой нашего земледелия»¹.

Эти коренные изменения в экономической структуре советского общества означали полную победу социалистической собственности. Социалистическая собственность и социалистическая система хозяйства стали безраздельно господствующими в народном хозяйстве СССР. В 1938 г. удельный вес социалистического хозяйства составлял: в народном доходе — 99,3%, в валовой продукции всей промышленности — 99,9%, в валовой продукции сельского хозяйства — 98,8%, в розничном обороте торговых предприятий — 100%. «Это значит, что эксплуатация человека человеком уничтожена, ликвидирована, а социалистическая собственность на орудия и средства производства утверждена, как незыблемая основа нашего советского общества»².

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 580.

² Там же, стр. 510.

Новая Конституция Союза ССР возвела полное господство общественной собственности в закон социализма. «Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком» (ст. 4).

Утверждением безраздельного господства социалистической собственности во всех сферах народного хозяйства осуществлена в основном первая фаза коммунистического общества.

Практика победоносного социалистического строительства развенчала до конца теорию апологетов капитализма о вечности и незыблемости частной собственности; она доказала преимущества социалистической собственности и социалистической системы хозяйства.

Преимущества социалистической собственности и социалистической системы хозяйства

Социалистическая собственность в корне отлична от частной капиталистической и представляет ее прямую противоположность как по историческому происхождению, так и по своей социальной природе.

Частная капиталистическая собственность складывалась в эпоху первоначального капиталистического накопления путем чудовищной экспроприации и разорения широких масс мелких товаропроизводителей. История возникновения капиталистической собственности «...вписана в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня»¹.

Социалистическая собственность создавалась двумя путями. Первый путь — экспроприация частной собственности помещиков и капиталистов. Второй путь — социалистическое обобществление основных средств и орудий производства мелких товаропроизводителей (коллективизация сельского хозяйства и кооперирование кустарей) на основе полной добровольности при руководящей и организующей роли диктатуры рабочего класса и коммунистической партии.

Капиталистическая собственность складывалась и развивалась стихийно, на основе слепых законов рыночной конкуренции. Социалистическая собственность не возникает и не может возникнуть и развиваться стихийно. Она насаждается, создается и развивается господствующим классом в порядке планового руководства, в порядке последовательного осуществления экономической программы Коммунистической партии.

Господством социалистической собственности уничтожается отделение производителей от средств производства, присущее капиталистической системе хозяйства. Средства производства перестают быть средством эксплуатации. Устанавливается гармоническое соединение социалистических средств производства, социалистической собственности, с самой производительной силой человечества — рабочим классом. В связи с этим в корне меняется положение рабочего класса. Пролетариат из эксплуатируемого класса, лишенного средств производства, превращается в рабочий класс, владеющий вместе со всем советским народом общегосударственными богатствами страны и осуществляющий руководящую роль в советском обществе.

С ликвидацией буржуазных отношений собственности уничтожается основное противоречие капиталистической системы хозяйства — между общественным характером производства и частной формой присвоения. Важнейшая производительная сила — трудящиеся мас-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 783.

сы — являются одновременно создателями и распорядителями совокупного общественного продукта. Паразитическое присвоение полностью уничтожается. Социалистические производительные силы развиваются в рамках социалистических производственных отношений и при активном воздействии их. «Здесь производственные отношения находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил, ибо общественный характер процесса производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства.

Поэтому социалистическое производство в СССР не знает периодических кризисов перепроизводства и связанных с ними нелепостей.

Поэтому производительные силы развиваются здесь ускоренным темпом, так как соответствующие им производственные отношения дают им полный простор для такого развития»¹.

С установлением безраздельного господства социалистической собственности народное хозяйство превращается в целостное, единое и укладное. В мировом капиталистическом хозяйстве господствующая буржуазная собственность уживается с различными остатками докапиталистических способов производства: патриархального, мелко-товарного, рабовладельческого (Америка, Британская империя). Множественность форм собственности при владычестве капитала служит дополнительным источником глубочайших противоречий капиталистической экономики: между крупным капиталом и разоряющимся мелко-товарным производством, между метрополиями и колониями и т. д. С ликвидацией многоукладности и расширением границ социалистической собственности до рамок всего народного хозяйства в советской системе устанавливается экономическое единство — источник гигантского развития производительных сил.

Идеологи буржуазии проповедывали лживые теории, будто с уничтожением частной собственности отпадает всякий стимул развития и воцаряется всеобщая лень. Для апологетов капитализма алчность, нажива, корыстолюбие — единственно мыслимые стимулы развития; Бентам возвел их в закон буржуазной морали. Капиталистическая собственность по самой своей природе разъединяет людей. Война всех против всех становится законом буржуазного общества. Во имя упрочения господства одной клики собственников над другой организуются мощные монополистические объединения, взвинчивающие цены, тормозящие технический прогресс, разоряющие миллионы мелких собственников, разжигающие империалистические войны.

Господство социалистической собственности исключает такого рода противоречия. Характеризуя капиталистическую собственность, Ленин подчеркивал, что «собственность разъединяет, а труд — соединяет»². Труд на свой класс, на свое советское общество становится величайшим стимулом убыстренного роста производительности труда, технического прогресса, умножения народного богатства. «Сознание того, что рабочие работают не на капиталиста, а на свое собственное государство, на свой собственный класс,— это сознание является громадной двигательной силой в деле развития и усовершенствования нашей промышленности»³. Великую творческую силу свободного социалистического труда, неиссякаемые источники роста производительности труда и народного богатства со всей яркостью обнаруживает всенародное стахановское движение.

Преимущества социалистической системы хозяйства, покоящейся на общественной собственности, находят свое выражение в гигантском

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 558.

² Ленин, Соч., т. XXV, стр. 417.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 185.

росте социалистических производительных сил, народного богатства, в неуклонном повышении материального благосостояния и культуры советского народа.

Практика социалистического строительства в СССР целиком оправдала гениальные предвидения основоположников марксизма. В «Принципах коммунизма» Энгельс писал: «Крупная промышленность, освобожденная от гнета частной собственности, разовьется в таких размерах, по сравнению с которыми ее нынешнее состояние будет казаться столь же мизерным, каким нам представляется мануфактура по сравнению с крупной промышленностью...»¹. Объем промышленной продукции в 1938 г. к уровню 1913 г. составил: в СССР — 908,8%, в США — 120,0%, в Англии — 113,3%, в Германии — 131,6%, во Франции — 93,2%. Среднегодовые темпы роста производительности индустриального труда за 1929—1937 гг. составили: в СССР +10,7%, в США — 0,2%, в Англии +1,2%, в Германии +1,2%. Следовательно, по темпам роста производительности труда СССР значительно опередил самые развитые капиталистические страны.

Та же закономерность присуща социалистическому сельскому хозяйству. За 1932—1937 гг. среднегодовые темпы роста валовой продукции сельского хозяйства СССР составили +8,6%; за десятилетие 1925—1935 гг. валовая продукция сельского хозяйства США давала ежегодное уменьшение в среднем на 0,5%, в Германии — прирост только на 2,4%. Социалистическое земледелие уже вступило в ту полосу расцвета, о которой говорили основоположники научного коммунизма: «Земледелие, которое теперь, вследствие давления, оказываемого частной собственностью, и вследствие дробления участков, затруднено в возможностях применить уже испробованные улучшения и научные методы,— тоже вступит в полосу расцвета и даст обществу вполне достаточное количество продуктов»².

Наиболее обобщающий показатель роста народного богатства и зажиточности социалистических производителей — народный доход — дает следующую картину: народный доход СССР в 1938 г. составил 500% к уровню 1913 г.; в США в 1937 г. 130,7% к уровню 1913 г., в Англии 112,8%, в Германии 97,3%. При этом львиная доля народного дохода в капиталистических странах попадает в руки паразитических классов.

Капиталистическая частная собственность подавляет и угнетает человеческую личность. Она «...не оставила между людьми никакой связи, кроме голого интереса, бессердечного чистогана... Она превратила в меновую стоимость личное достоинство человека...»³. Лицемерными и фальшивыми являются буржуазные побрякушки о демократии. «...Капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»⁴. Господство социалистической собственности несет с собой истинную свободу и расцвет человеческой личности.

В эгоистических, корыстных, классовых целях буржуазия веками провозглашала частную собственность святыней. «Собственность есть неприкосновенное и священное право» — возвестила французская «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г. «Собственность неприкосновенна» (Пруссия. Конституционная хартия, январь 1850 г.). «Никто не может быть лишен своей собственности» (Бельгийская конституция 1831 г.). «Всякая собственность без исключения — неприкосновенна» (Статут королевства Италии 1848 г.). Пышными декларациями о священности капиталистической собственности узаконяет буржуазия

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 477.

² Там же, стр. 477.

³ Там же, стр. 485—486.

⁴ Там же, т. XVII, стр. 831.

право на эксплуатацию, роскошь и паразитизм для тунеядцев и нищету, бесправие и непосильный труд для народных масс. Тюрьмами и казнями расправляется буржуазное государство со всякими поползновениями на имущественные права эксплуататоров.

Принцип священности и неприкосновенности социалистической собственности является непреложным законом советского общества. Социалистическая собственность — основа советского строя, источник богатства и мощи страны, зажиточности и культуры всего народа. «Если капиталисты провозгласили частную собственность священной и неприкосновенной, добившись в свое время укрепления капиталистического строя, то мы, коммунисты, тем более должны провозгласить общественную собственность священной и неприкосновенной, чтобы закрепить тем самым новые социалистические формы хозяйства во всех областях производства и торговли»¹.

На всех этапах социалистического строительства враждебные революции силы — осколки эксплуататорских классов, белогвардейщины, агенты троцкистско-бухаринской контрреволюции — направляли свою антисоветскую деятельность прежде всего по линии подрыва социалистической собственности. Диверсии, вредительство, массовые хищения имеют своей целью расшатать экономическую основу советского общества.

Социалистическое государство беспощадно подавляло всякие попытки врагов нанести ущерб экономической основе советского общества. По постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» к лицам, покушающимся на общественную собственность, применяется высшая мера наказания.

В своей великой работе по коммунистическому воспитанию масс партия Ленина — Сталина прививает трудящимся бережное отношение к социалистической собственности, необходимость постоянной заботы о ее процветании.

Конституция СССР закрепила принцип священности и неприкосновенности социалистической собственности. Защита и укрепление общественной собственности — священная обязанность каждого гражданина. Лица, покушающиеся на общественную собственность, являются врагами народа. Укрепление и приумножение социалистической собственности ускоряет движение советского общества по пути к коммунизму.

Две формы социалистической собственности

Первая фаза коммунизма характеризуется господством социалистической собственности в двух ее формах. Первая — государственная собственность (всенародное достояние). Вторая — колхозно-кооперативная собственность (собственность колхозов и кооперативных объединений). Наличие двух форм социалистической собственности отображает своеобразие путей к социализму двух основных классов советского общества — рабочего класса и крестьянства. «Своеобразие путей к социализму рабочего класса и крестьянства очевидно. В силу особых условий своего классового положения рабочий класс идет впереди крестьянства, через высшие на данной стадии формы социалистического хозяйства. Из особенностей положения трудящейся массы крестьянства в прошлом вытекают особен-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 393.

ности его путей (ряд дополнительных переходных ступеней, большие сроки и др.) к бесклассовому социалистическому обществу»¹.

Рабочий класс и в условиях капитализма не является классом собственников. Овладевая государственной властью, он отменяет частную капиталистическую собственность и, в союзе с крестьянством, ведет последовательно борьбу за утверждение безраздельного господства собственности социалистической. Крестьянство, как и примыкающая к нему масса кустарей и ремесленников, это — класс мелких собственников. Высвобождение его из пут частной собственности происходит своеобразными путями. В условиях диктатуры рабочего класса частная собственность мелких товаропроизводителей преобразуется в социалистическую, колхозно-кооперативную форму собственности.

Государственная собственность как всенародное достояние — социалистически более зрелая форма, чем собственность колхозно-кооперативная. К всенародной форме собственности относятся предприятия последовательно-социалистического типа; степень обобществления и характер производственных отношений здесь более высокие, социалистически-последовательные. Государственная собственность — преобладающая форма собственности в экономике социализма. В производственных фондах СССР на долю государственной собственности в 1936 г. приходилось 90%. Эта цифра свидетельствует о том, что подавляющая часть богатств страны, основные источники материального благосостояния и культуры масс принадлежат всему советскому народу. Государственной собственности, как преобладающей и социалистически более зрелой, принадлежит в е д у щ а я роль во всем народном хозяйстве.

Государственной собственностью являются земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, все их оборудование и вырабатываемая продукция, железнодорожный, водный, воздушный, автомобильный транспорт, банки, средства связи, совхозы, машинно-тракторные станции, коммунальные предприятия, основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах, многочисленные научные, культурные и другие учреждения.

Территория СССР занимает² 21 372 тыс. км². Сельскохозяйственные земли занимают 421,9 млн. га. О значении земли, как составной части народного богатства, свидетельствует следующий факт: по имеющимся расчетам стоимость земель сельскохозяйственного пользования к 1914 г. в существующих границах СССР исчислялась в 44,8 млрд. руб. золотом³. Лесной фонд СССР исчисляется в 922,5 млн. га, из которых удобная лесная площадь на 1 января 1938 г. составляла 610 млн. га (25,5% мирового фонда). Освоенные лесные площади размером около 270 млн. га в 1913 г. оценивались по запасам древесины в 28,6 млрд. руб. золотом⁴. Запасы гидроэнергетических ресурсов СССР исчисляются в 280 млн. квт.

СССР — богатейшая страна мира по запасам ископаемых. Геологические запасы угля составляют 1 652 млрд. т (20,1% мирового запаса), нефти — 4 679 млн. т (58,7%), железной руды — 267,4 млрд. т (53,4%), апатитов — 477 млн. т (76,6%). СССР, в отличие от всех капиталистических стран, полностью обеспечен основными видами сырья для народного хозяйства. Буржуазные экономисты типа Туган-Барановского считали Россию страной органического недостатка естественных

¹ Молотов, Доклад на XVII конференции ВКП(б), Стенограф. отчет XVII конференции ВКП(б), Партиздат, 1932, стр. 147.

² За исключением территории СССР, все данные приводятся в границах СССР без западных областей Украины и Белоруссии.

³ Струмилин, Очерки советской экономики, Гиз, 1930, стр. 29.

⁴ Там же, стр. 31.

ресурсов, в частности топлива, руды. Царская Россия не знала своих богатств. Только социалистическая революция раскрыла их. Широкие разведывательные работы показали, что «со стороны природных богатств, мы обеспечены полностью» (Сталин).

Государственной собственностью являются 60 с лишним тысяч промышленных предприятий, вооруженных самой передовой в мире техникой. Основные фонды социалистической промышленности оцениваются в 63 млрд. руб. Государству же принадлежат крупные социалистические предприятия в сельском хозяйстве, основанные на первоклассной технике — совхозы (3 961 хозяйство) и МТС (6 358). СССР — величайшая транспортная держава. Протяжение железных дорог составляет 84 900 км, внутренних водных путей — свыше 100 тыс. км, воздушных путей — 93,3 тыс. км. Богатства, заключающиеся в государственных средствах связи, коммунальных предприятиях, в жилищном фонде в городах, в учреждениях культурно-бытового значения, исчисляются многими миллиардами рублей.

Государственная социалистическая собственность в огромной мере приумножена в период диктатуры рабочего класса. Валовая продукция промышленности выросла в 9 раз, основные фонды промышленности — более чем в 8 раз, народный доход — в 5 раз и т. д. Создан и развит целый ряд новых отраслей промышленности, которых не знала царская Россия: самолетостроение, автомобильная, производство синтетического каучука, гидротурбин и т. д. Заново создано свыше 10 тыс. крупных социалистических предприятий в сельском хозяйстве — совхозы и МТС.

Государственная собственность социалистического общества в корне отлична от государственной капиталистической собственности». Энгельс в «Анти-Дюринге» разоблачил «добровольное лакейство» фальшивых социалистов, объявлявших всякое, даже бисмарковское, обращение части средств производства в государственную собственность социализмом. Буржуазия превращает часть средств производства (главным образом, военные предприятия, железные дороги и т. д.) в собственность государства в своих классовых, империалистических целях. Такого рода государственная собственность остается капиталистической, основанной на эксплуатации чужого труда, ибо буржуазное государство это — аппарат насилия в руках господствующего класса капиталистов. Государственная капиталистическая собственность противостоит народу, зиждется на эксплуатации пролетариата; ее эксплуататорская природа не изменяется.

Государственная социалистическая собственность — это собственность всенародная, исключая эксплуатацию. Глубоко враждебными являются поэтому клеветнические утверждения троцкистских и бухаринских реставраторов капитализма, рассматривавших наши предприятия как госкапиталистические. Государственная социалистическая собственность — высшая форма социалистической собственности. Опираясь на нее, диктатура рабочего класса осуществила великое социалистическое преобразование всего народного хозяйства.

Колхозно-кооперативная собственность однотипна государственной собственности. Она представляет собой разновидность социалистической собственности, ибо в колхозах нет класса людей, владеющих средствами производства, и класса людей, лишенных их. Колхозы и кооперативные объединения базируются на общественных средствах производства и коллективном труде. В советской деревне ликвидированы глубочайшие противоречия, присущие капиталистическому сельскому хозяйству: эксплуатация, дифференциация крестьянства, аграрное перенаселение, нищета и разорение крестьянских масс. Колхозно-

кооперативные хозяйства развиваются по законам расширенного социалистического воспроизводства.

К колхозно-кооперативной собственности относится собственность колхозов (артелей, товариществ по совместной обработке земли, коммун), потребительской и промысловой кооперации: их общественные предприятия, живой и мертвый инвентарь, постройки, продуктивный скот, произведенная продукция и т. д.

В 242,4 тыс. колхозов, объединивших 18,8 млн. бывших единоличных дворов, сосредоточено 99,3% всех посевных площадей крестьянского сектора. В колхозной общественной собственности находятся 406,3 тыс. животноводческих ферм. Состав общественного поголовья: лошадей — 13,5 млн., крупного рогатого скота — 15,6 млн., свиней — 6,6 млн., овец и коз — 27,2 млн. Основные производственные фонды колхозов в 1938 г. оцениваются в 17,1 млрд. руб. Валовая продукция земледелия и животноводства в 1937 г. составляла 12,7 млрд. руб. К колхозной собственности относится и густая сеть культурно-бытовых учреждений артелей: свыше 54 тыс. клубов, 19 тыс. изб-читален, 64 тыс. красных уголков, 75 тыс. детских яслей, 12 тыс. хат-лабораторий, 5 тыс. хат-родилен и т. д.

Система кустарно-промысловой кооперации к началу 1938 г. охватывает 17 694 артелей, в том числе: по линии Всекопромсовета — 12 228 артелей (1 642,1 тыс. членов), Всекопромлессоюза — 3 905 артелей (370,6 тыс. членов), Всекоопинсовета — 1 561 артель (187,5 тыс. членов артелей). Валовая продукция промысловой кооперации СССР в 1939 г. составила 18 млрд. рублей.

Потребительская кооперация СССР, обслуживающая советскую деревню, охватывает 37 млн. пайщиков. В собственности потребительской кооперации находится мощная сеть магазинов, лавок, палаток (181 675 единиц) и складов (63 092). Розничный оборот кооперативной торговли (без колхозно-крестьянской торговли) составлял в 1938 г. 33,9 млрд. рублей.

Ведущая и преобладающая роль в экономике советской деревни принадлежит государственной форме собственности. В производственных фондах сельского хозяйства СССР в 1936 г. удельный вес государственной собственности (земля, тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины, постройки, сооружения, скот и т. д., сосредоточенные в совхозах и МТС) составлял 76%, кооперативно-колхозной собственности — 20,3%, личной собственности колхозников — 3,1%, мелкой частной собственности крестьян-единоличников и кустарей — 0,6%.

Государственная собственность, занимая решающие позиции в сельском хозяйстве СССР, растет и укрепляется не за счет вытеснения колхозно-кооперативной собственности. Враги народа из лагеря троцкистско-бухаринской контрреволюции предлагали путь экспроприации крестьянства, огосударствления колхозно-кооперативных хозяйств, пожирания их агро-индустриальными или индустриально-аграрными комбинациями. Партия Ленина — Сталина, разоблачив эти вражеские установки, направленные к расколу союза рабочего класса с крестьянством, обеспечила одновременный рост государственной и колхозно-кооперативной собственности. В производственных фондах сельского хозяйства СССР удельный вес кооперативно-колхозной собственности с 1928 по 1936 г. увеличился с 1,0 до 20,3%.

Колхозно-кооперативная собственность в ходе социалистического строительства в огромной мере приумножена. За десятилетие 1928—1938 гг. основные производственные фонды колхозов выросли с 80,9 до 17 104,8 млн. рублей. Валовая продукция промысловой кооперации за годы второй пятилетки увеличилась в 2,3 раза.

Колхозно-кооперативная собственность в условиях диктатуры рабочего класса коренным образом отличается от кооперативной собственности в условиях капитализма. В буржуазном обществе кооперация по своей социальной природе является капиталистической формой, «коллективным капиталистическим учреждением» (Ленин). Она опутывается щупальцами финансового капитала и служит интересам его. В условиях диктатуры рабочего класса, когда командные экономические высоты находятся в руках социалистического государства, колхозно-кооперативные предприятия являются по своей природе социалистическими. Партия разоблачила клевету троцкистско-бухаринских реставраторов капитализма, относивших кооперацию к предприятиям госкапиталистическим, т. е. однотипным с капиталистическими. «При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству...»¹.

Общее между государственной и колхозно-кооперативной формами собственности состоит в том, что и предприятия последовательно-социалистического типа (фабрики, заводы, совхозы и т. п.) и социалистические хозяйства кооперативного типа (колхозы, кооперативные объединения) основываются на государственной земле, на общественных средствах производства и коллективном труде. И в том и в другом случае нет деления на класс эксплуатируемый и класс эксплуататоров. И в том и в другом случае господствует социалистический принцип распределения по труду. Наконец, та и другая форма хозяйства развивается на основе единого народнохозяйственного плана, при руководящей роли социалистического государства и коммунистической партии.

Однотипность государственной и колхозно-кооперативной собственности как разновидностей единой социалистической собственности не исключает различий между ними. Однотипность предполагает не только общность основных черт, но и наличие некоторых, некоренных различий. Эти различия идут по линии и исторического происхождения и существа той и другой формы.

Каковы основные различия между двумя формами социалистической собственности?

1) Государственная собственность возникла на основе экспроприации экспроприаторов. Колхозно-кооперативная — на основе добровольного сложения орудий и средств производства мелких товаропроизводителей, при руководящей роли и огромной помощи социалистического государства (передача колхозам экспроприированной собственности кулачества, кредиты и льготы колхозному крестьянству и т. д.).

2) В государственном секторе народного хозяйства производственные отношения являются социалистически более зрелыми, чем в колхозно-кооперативном секторе. В государственных предприятиях, как предприятиях последовательно-социалистического типа, обобществлены все без исключения орудия и средства производства. В колхозах социалистически обобществлены основные и решающие орудия и средства производства. Некоторая часть средств производства в абсолютно преобладающей форме колхозного хозяйства — в артелях — не обобществлена. Сюда относятся жилые постройки, часть продуктивного скота (в размерах, определенных уставом артели для каждой зоны страны), хозяйственные постройки, необходимые

¹ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 396.

для содержания скота личного пользования, мелкий сельскохозяйственный инвентарь, необходимый для обработки приусадебного участка. Эти средства производства находятся в личном пользовании колхозного двора.

3) Большая социалистическая зрелость государственной собственности определяется и тем, что последняя является все народным достоянием. Поскольку в предприятиях последовательно-социалистического типа все средства производства обобществлены, находятся в собственности государства, весь продукт этих предприятий также принадлежит государству, т. е. всему советскому народу. Государство, представляющее общенародные интересы, распределяет совокупный общественный продукт, учитывая необходимость обеспечения непрерывного процесса расширенного социалистического воспроизводства, укрепления обороноспособности страны и неуклонного подъема материального благосостояния и культурного уровня всего советского народа. Колхозно-кооперативная собственность является собственностью данного коллектива трудящихся (артели, товарищества, коммуны, кооперативного объединения), она не носит характера всенародной собственности. Поскольку обобществленные средства производства на началах кооперирования принадлежат данному коллективу, он распоряжается и произведенной продукцией. Совокупный общественный продукт колхоза, за исключением той его части, которая идет на выполнение обязательств перед государством по налогам, сборам и платежам, на расплату с МТС, поступает в полное распоряжение самого колхоза и распределяется им по своему усмотрению на основе артельного устава. Следовательно, совокупный общественный продукт колхоза не поступает целиком в общенародный фонд накопления и потребления.

4) Из общенародного характера государственной собственности и коллективного характера колхозно-кооперативной собственности вытекают различия в способе получения рабочими и колхозниками той части общественного продукта, которая поступает в личное потребление. Доля совокупного общественного продукта, поступающая в непосредственное личное потребление рабочего, определяется его заработной платой. Заработная плата гарантирует рабочему получение из общенародного фонда определенной части совокупного общественного продукта, соответствующей степени участия рабочего в общественном труде. Поскольку совокупный продукт данного колхоза не поступает в общенародный фонд, размер дохода каждого колхозника не может быть гарантирован за счет общенародного фонда. Размер той части колхозного продукта, которая поступает в непосредственное личное потребление колхозника, зависит от двух моментов: от степени участия колхозника в общественном труде, что находит свое выражение в количестве выработанных им трудодней, и от высоты производительности труда и организационно-хозяйственной крепости колхоза в целом, что находит свое выражение в размере дохода (количества продукта), приходящегося на каждый трудодень. Чем лучше работает колхоз в целом, чем последовательнее осуществляются в данном колхозе социалистические принципы распределения, узаконенные уставом артели, тем выше часть дохода каждого колхозника. Помимо способа получения, различия между рабочим и колхозником касаются и формы получения дохода. Заработная плата выплачивается рабочему только в денежной форме; доходы артели распределяются между колхозниками и в денежной и в натуральной форме (продуктами).

5) В отличие от рабочего источником дохода колхозника является

не только основное и главное — общественное хозяйство, но и личное подсобное хозяйство колхозника. По уставу сельхозартели каждому колхозному двору предоставлено право иметь в личном пользовании приусадебный участок, продуктивный скот, птицу, пчел в размерах, определенных уставом, для удовлетворения личных, потребительных нужд колхозника. Получение колхозником части дохода от артельного хозяйства в натуральной форме и наличие подсобного, приусадебного хозяйства предопределяют необходимость предоставления колхознику права реализации части продукции, ставшей его личной собственностью. Колхозник, в отличие от рабочего, выступает на рынке как продавец своей продукции.

б) Различие двух форм социалистической собственности относится, наконец, к сфере управления, социалистической организации труда, планирования и контроля. Предприятия последовательно-социалистического типа находятся в непосредственном подчинении у государства, осуществляющего руководство этими предприятиями через руководителей предприятий. Руководители предприятий (директора) назначаются и смещаются государством. Руководители предприятий осуществляют свои функции по принципу единоначалия, подкрепляемого широким массовым контролем снизу и различными формами самодеятельности масс (производственные совещания и т. д.) и общественных организаций (профсоюзы). Государство непосредственно планирует производственную деятельность предприятия. Государство же регламентирует основные положения в области социалистической организации труда: продолжительность рабочего дня, правила внутреннего распорядка и т. д.

В колхозах, в отличие от государственных предприятий, основные принципы организации и управления соответствуют их кооперативной природе. Высший орган артели — общее собрание колхозников, которое управляет всеми делами артели. Исполнительный орган артели — правление колхоза и его председатель, избираемые общим собранием членов артели сроком на 2 года. Производственные и финансовые планы артели, нормы выработки и расценки, правила внутреннего распорядка, вопросы распределения доходов, все дела, связанные с членством в колхозе, — решают сами колхозники на основе устава артели, руководствуясь директивами социалистического государства и правительственными планами сельскохозяйственного производства.

Различия между государственной и колхозно-кооперативной формами собственности не являются коренными. Это — различия двух форм в пределах социалистической собственности. Две формы социалистической собственности в экономическом фундаменте диктатуры рабочего класса получают свое отображение и в классово-политической сфере. Двум формам социалистической собственности соответствуют два класса советского общества — класс рабочих и класс крестьян, грани между которыми все в большей мере стираются. В союзе двух дружественных классов рабочему классу принадлежит руководящая роль.

Колхозно-кооперативная форма собственности, как социалистическая, заключает в себе, при условии правильного большевистского руководства колхозами, объективные возможности постепенного устранения тех черт и особенностей, которые отличают ее от собственности всенародной. Превращение этой возможности в действительность составляет задачу целой полосы исторического развития — эпохи постепенного перехода от социализма к коммунизму.

(Окончание в следующем номере)

Размещение производства пшеницы в СССР¹

В зерновом производстве дореволюционной России резко выделялись крупные пшеничные базы—Украина, Северный Кавказ, юго-восточные районы и Сибирь. В остальных районах производство пшеницы не имело широкого распространения. На громадной территории европейской части России—в северных, северозападных, центрально-промышленных и даже центрально-черноземных районах—сосредоточены были основные массивы производства ржи и овса, т. е. так называемых «серых хлебов». Посевы же пшеницы, совершенно незначительные, в северной нечерноземной полосе были разбросаны небольшими островками, и то почти исключительно в кулацко-зажиточных и помещичьих хозяйствах. В литературе даже получила распространение «теория белого пятна» пшеницы, согласно которой пшеница не может, якобы в силу неблагоприятных естественных условий, возделываться в районах нечерноземной полосы. Это была реакционная «теория», стремившаяся затушевать факты отсталости сельского хозяйства царской России, нищеты крестьянских масс.

На основе социалистического земледелия произошло коренное изменение специализации районов по культурам и отраслям; резко также изменился и характер зернового производства в различных зонах СССР.

1. Создание новой пшеничной базы в нечерноземной полосе

Среди изменений посевов озимой и яровой пшеницы необходимо отметить прежде всего факт создания в сравнительно короткий срок, почти исключительно за годы второй пятилетки, новой пшеничной базы СССР в северной нечерноземной полосе.

Посевы озимой и яровой пшеницы в 1937 г. составили здесь 2,7 млн. га против 321 тыс. га в 1913 г.² Валовые сборы пшеницы здесь в два раза превышают среднегодовые сборы в Англии за последние пять лет и составляют более половины сборов в таких центрах мирового капиталистического производства пшеницы, как Канада и Аргентина. Указанный товарищем Сталиным путь расширения посевов пшеницы в этих районах—наиболее правильный. Особо сильный рост производства пшеницы наблюдается в центрально-промышленных районах Союза, где валовые сборы выросли по сравнению с 1913 г. в 12 раз. Это—большое подспорье для промышленных центров.

В 1913 г. в нечерноземные районы было завезено по железным дорогам и водным путям 1,8 млн. т (транспортное сальдо) пшеницы и пшеничной муки. В последние три года второй пятилетки сюда за-

¹ Из работ Института экономики АН СССР.

² «Посевные площади 1937 года», ЦУНХУ Госплана СССР, 1938, стр. 3.

возилось ежегодно по 1,8—2 млн. т (транспортное сальдо). Учитывая громадный рост населения, особенно промышленного, в этих районах, улучшение потребления трудящихся города и деревни, сильный рост производства технических культур (лен), можно сказать, что ввоз пшеницы и пшеничной муки по сравнению с довоенным временем увеличился незначительно.

Потребление же пшеницы выросло гигантски. В северной нечерноземной полосе в 1913 г. было произведено всего 3,4 млн. ц, а в 1937 г.—39,4 млн. ц. Значит, раньше в районах северной нечерноземной полосы потребляли преимущественно привозную пшеницу, а теперь потребляют преимущественно пшеницу внутреннего производства. Это очень существенный показатель превращения этих районов из «потребляющих» в производящие.

Эти факты свидетельствуют о коренном изменении в размещении пшеничного производства в СССР. В противоположность капиталистическому размещению зерновых культур, при котором, как например в США, только определенные районы специализируются на производстве пшеницы, в СССР плановое размещение производства зерновых культур преследует цель — обеспечить потребление населения основных экономических районов страны за счет собственного производства в этих районах.

С победой колхозного строя в северной нечерноземной полосе были созданы высокоурожайные районы производства пшеницы. Благоприятные естественные условия этих районов — достаточное увлажнение, отсутствие суховея и засухи — существовали и раньше. Но они не могли быть использованы при мелком крестьянском хозяйстве с его отсталой техникой, трехпольной системой и низким уровнем агротехники. Наиболее широкое распространение в районах северной нечерноземной полосы получили посевы яровой пшеницы. В 1938 г. в районах европейского севера яровая пшеница занимала 151,1 тыс. га, а озимая — 18,9 тыс. га; в северо-западных районах яровая пшеница — 280,5 тыс. га, а озимая — 187,9 тыс. га; в центральных районах яровая пшеница — 849,3 тыс. га, а озимая — 771,6 тыс. га; в районах Верхней Волги яровая пшеница — 909,3 тыс. га, а озимая — 45 тыс. га; в БССР яровая пшеница — 148,5 тыс. га и озимая — 73,9 тыс. га.

Урожайность яровой пшеницы здесь выше, чем в основных ярово-пшеничных районах Союза. Об этом говорят следующие данные.

Таблица 1

Урожайность яровой пшеницы в % к средней урожайности данной культуры по СССР

Р а й о н ы	Г о д ы				
	1932	1933	1934	1935	1937
Северная нечерноземная полоса . .	135,3	136,5	119,1	105,2	105,9
Поволжье	74,5	84,5	71,9	84,4	93,1
Урал	76,5	81,7	112,4	126,0	117,8
Западная Сибирь	127,5	123,9	114,6	90,3	116,8
Казахская ССР	96,1	77,5	123,5	96,1	77,2

Урожайность яровой пшеницы в нечерноземной полосе, несмотря на преобладание здесь подзолистых почв, выше, чем на черноземах Поволжья и Сибири благодаря большому количеству осадков и отсутствию суховея. Даже в районах европейского севера — Архангельской, Вологодской областей и Коми АССР, где климатические

условия (ограниченный баланс тепла, короткий вегетационный период и т. п.) особенно суровы, яровая пшеница дает высокие урожаи.

Необходимо отметить совершенно нездоровую тенденцию, наметившуюся в 1938 г., когда в центральных и северозападных районах, в БССР и в районах европейского севера были сокращены посевы яровой пшеницы. Никакими объективными климатическими условиями этого сокращения оправдать нельзя. Причина кроется исключительно в недостатках планирования: в связи с необходимостью сократить удельный вес зерновых в посевах и расширить посевы трав совершенно необоснованно сократили посевы яровой пшеницы даже в районах, особенно благоприятных для ее возделывания.

Значительно более ограниченные возможности распространения посевов у озимой пшеницы. Ее посевы в нечерноземной полосе сосредоточены главным образом в центральных и северо-западных районах. Совершенно незначительно распространена она в районах Верхней Волги и на европейском севере. Основная причина такого осторожного продвижения озимой пшеницы в эти районы — гибель посевов из-за суровости климата. За последние три года (1935/36—1937/38) гибель озимой пшеницы выразилась в среднем: в Кировской области — в 26,3% всей посевной площади, в Марийской АССР — в 16,5, в Удмуртской АССР — в 48,8 и в Татарской АССР — в 28,5%. В 1937/38 г., особо неблагоприятном, гибель озимой пшеницы достигла катастрофических размеров: в Кировской области — 56,9%, в Марийской АССР — 46,0, в Удмуртской АССР — 81,8%¹ и т. д. И только передовые колхозы избежали этой катастрофы путем проведения снегозадержания. Однако самый факт неблагоприятных условий для озимой пшеницы в районах Верхней Волги имеет большое значение. Дальнейшее продвижение посевов озимой пшеницы здесь должно проводиться осторожно, по мере освоения колхозами передовой агротехники.

Необходимо отметить как отрицательное явление сокращение посевов озимой пшеницы в северо-западных районах и БССР в 1938 г., отнюдь не вызванное неблагоприятными климатическими условиями. Наоборот, в этих районах снежный покров более высок, условия перезимовки вполне благоприятные. Это обуславливает большую устойчивость урожайности озимой пшеницы в этих районах и незначительную гибель посевов ее. Урожайность озимой пшеницы в благоприятных для ее возделывания районах нечерноземной полосы, т. е. прежде всего в центральных, а также в БССР и северо-западных районах, как правило, выше урожайности других зерновых культур. Это открывает в указанных районах широкие перспективы для развития озимой пшеницы. В доказательство приведем следующие данные об относительной величине урожайности отдельных зерновых культур в нечерноземной полосе в целом (см. табл. 2 на стр. 78).

Озимая пшеница по урожайности не уступает озимой ржи и превосходит все другие зерновые культуры. Замещение посевов озимой ржи посевами озимой пшеницы можно продолжать и далее — в целях качественного улучшения структуры хлебного производства в районах, бывших ранее по преимуществу ржаными.

Пшеница — требовательная культура, и особенно в районах нечерноземной полосы. Дальнейшее продвижение пшеницы в эти районы зависит от степени освоения колхозами передовой агротехники. Опыт передовых колхозов определил основные линии новой агро-

¹ Лап и н, Итоги и перспективы продвижения пшеницы на север, «Социалистическое сельское хозяйство» № 6 за 1939 г.

Таблица 2

Урожайность отдельных зерновых культур в % к средней урожайности всех зерновых по северной нечерноземной полосе

К у л ь т у р ы	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1937 г.
Озимая пшеница	107,5	105,2	112,1	95,0	116,7
Рожь	107,5	107,2	98,0	100,0	111,4
Яровая пшеница	85,2	101,0	107,1	80,2	93,9
Овес	97,5	95,9	108,1	109,9	100,9
Гречиха	63,0	59,8	52,5	72,3	65,8
Просо	79,0	80,4	64,6	90,1	53,5

техники. Уже на данной ступени состояния агротехники, когда в большинстве колхозов еще не введены травопольные севообороты, передовые колхозы добились высокой урожайности яровой пшеницы.

Большой интерес в этом отношении представляют материалы колхозов, подавших заявки на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку¹. В качестве примера передовой агротехники интересно привести материалы по 182 колхозам Горьковской, Кировской областей, Удмуртской и Марийской АССР, расположенным на подзолистых глинистых и суглинистых почвах. Количество осадков за летний период (вегетационный) составляло от 135 до 152 мм. Эти колхозы в 1937 г. собрали урожай яровой пшеницы с 3 852 га по 18,7 ц с гектара. Посев в этих колхозах проведен на 90% сортовыми семенами, в том числе на 87% «Лютесценс 0,62». Предшественниками яровой пшеницы были озимая рожь — 64% посевной площади, яровые колосовые — 10%, пропашные — 10%. Как видно, предшественники эти довольно неблагоприятны. Старое наследие трехполья еще не изжито. Рекордные урожаи яровой пшеницы получены, например, в колхозе имени Сталина, Чувашской АССР, по клеверищу второго года пользования. Эти колхозы обеспечили посев яровой пшеницы на 91% зяблевой вспашкой, которая на 88% проведена была в августе — сентябре. Весной было проведено раннее боронование зяби на 68% площади. Семена хорошей чистоты и всхожести были протравлены на 100%. Удобрения применялись только на 36% посевной площади. Сев был рядовой на 93%. Норма высева составляла 1,5—1,7 ц на гектар, т. е. выше обычной: Средняя продолжительность сева составляла два дня. Прополка составляла 140% посевов, т. е. проведена была неоднократно. Уборка завершена в течение 10 дней. Кроме этих агротехнических мероприятий проводились и другие — на меньшей площади, имеющие большое значение для повышения урожайности. Так, на 30% площади было проведено углубление пахотного слоя, что чрезвычайно важно при окультивировании подзолистых почв. Перепашка зяби была проведена на 21% площади. Лущение стерни даже в этих передовых колхозах проводилось в незначительных размерах, хотя это — необходимое звено в системе зяблевой вспашки. Яровизация в этих колхозах была проведена всего на 10%. Этот целиком оправдавший себя прием повышения урожайности еще мало распространен в нечерноземной полосе. Передовые колхозы применяли перекрестный сев, боронование посевов, укатывание, мульчирование, сортовую прополку. Но из рассматриваемых нами 182 колхозов лишь очень немногие применяли эти важные агротехнические приемы. Не отмечен в агропаспортах и такой прием передовой агротехники, как подкормка.

¹ Агропаспорта этих колхозов обработаны Зерновым управлением НКЗема СССР.

Наиболее передовые из этих 182 колхозов получили 31,5 ц урожая с гектара. На примере этих колхозов можно еще с большей отчетливостью выявить решающие агромероприятия.

Таблица 3

Агромероприятия и урожайность яровой пшеницы в передовых колхозах районов верхней Волги

А г р о м е р о п р и я т и я .	Колхозы с высшей урожайностью	Колхозы с низшей урожайностью
	(в % к площади посева)	
Раннее боронование зяби	94	48
Культивация зяби	73	52
Внесение минеральных удобрений	67	12
Перекрестный сев	50	1
Мульчирование	24	2
Количество колхозов	11	40
Посевная площадь (га)	67	839
Урожайность (ц/га)	31,5	14,7

В колхозах с высшей урожайностью был проведен посев сортовыми семенами на 100%, посеvy обеспечены зяблевой вспашкой на 99%, ранняя вспашка зяби проведена на 100%, подкормка яровой пшеницы минеральными удобрениями — на 45%. Культурная обработка зяби, перекрестный сев и мульчирование посевов дополняют агрокомплекс, проводимый передовыми колхозами, добившимися урожайности 31,5 ц с гектара.

Мы привели массовые факты высокой урожайности яровой пшеницы на большой площади, чтобы показать на этом примере, что путь к высокой урожайности яровой пшеницы в этих районах проторен, что эти агроприемы вполне доступны всем колхозам.

Опыт районов нечерноземной полосы также определил основные линии агромероприятий в борьбе за высокие урожаи озимой пшеницы. Приведем массовые показатели по центрально-нечерноземным районам Союза. Материал этот охватывает район подзолистых, глинистых и суглинистых почв со средним количеством осадков за вегетационный период в 140 мм. Всего взято 226 колхозов, получивших в 1937 г. на площади в 3 264 га в среднем по 22,9 ц с гектара озимой пшеницы; из них 43 колхоза, получивших с 292 га по 30,7 ц с гектара, и 9 колхозов, получивших со 128 га по 34,1 ц с гектара.

Во всех этих колхозах наибольшее распространение получили следующие агротехнические мероприятия. Предшественниками озимой пшеницы были черный пар — 20% посевной площади, чистый пар — 64%, пропашные — 6, многолетние травы — 5, однолетние травы — 4%. Передовые колхозы начинают переходить к посевам озимой пшеницы по ее наилучшему предшественнику — черному пару, который, как правило, поднимался в августе-сентябре. Чистый пар поднимался в более ранние сроки (апрель-май). Глубина вспашки черного и чистого пара составляла около 18 см. Перепахка пара составляла в этих колхозах 150% площади паров, т. е. они перепахивались более одного раза. Культивация паров проводилась на 56% площади. Передовые колхозы засеяли 90% посевной площади сортовыми семенами. Всхожесть семян всюду была хорошей, чего нельзя сказать о чистоте их: чистыми семенами (свыше 97%) было засеяно 57% площади. Протравливание семян проведено неполностью (78%) и не

во всех колхозах. Сев продолжался только 3 дня — с 19 по 22 августа. Преобладал рядовой посев. Норма высева была от 1,5 до 2 ц на гектар, т. е. выше обычной на 79% высева озимой пшеницы. В большинстве колхозов вносились органические и минеральные удобрения. Почти на половине всех посевов производилась подкормка пшеницы — этот новый агротехнический прием имеет большое значение. Новым является также весеннее боронование посевов, произведенных на 85% всей посевной площади. Весенняя и летняя прополка посевов составила 150% площади посева, т. е. проводилась неоднократно. По всем колхозам уборка указанной площади произведена в срок до 10 дней, а в наиболее передовых колхозах — значительно скорее.

В ряду агротехнических мероприятий особенно выделяются по своему значению ранний подъем черных и чистых паров при углублении пахотного слоя, культурная обработка паров, внесение навоза и подкормка растений. Это достаточно наглядно можно видеть на следующей группировке передовых колхозов по высоте урожайности, применяющих в неодинаковой мере или совсем не применяющих некоторые из указанных агроприемов.

Таблица 4

Агромероприятия и урожайность озимой пшеницы в передовых колхозах центральной нечерноземной полосы

Агротехнические мероприятия	В колхозах с высшей урожайностью	В колхозах с нижней урожайностью
	(в % к посевной площади)	
Майская вспашка пара	100	34
Вспашка на глубину свыше 18 см	38	0
Двукратная культивация пара	44	0
Троекратная " "	21	0
Внесение навоза под культуру свыше 20 т на га	52	22
Подкормка посева один раз	95	24
" " два раза	45	0
Сортовая прополка	35	7
Всего колхозов	20	12
Посев озимой пшеницы (га)	136	249
Урожайность (ц/га)	29,6	15,1

Наиболее высокий урожай озимой пшеницы всюду получался по черному пару при условиях применения комплекса передовых агротехнических мероприятий. Например, колхоз «Красная сила», Лаптевского района, Тульской области, получил урожай озимой пшеницы в 37,3 ц с гектара. В колхозе «Победа», Дмитровского района Московской области, собрано в 1937 г. озимой пшеницы¹ 35,4 ц с гектара.

Приведенные данные показывают, что в нечерноземной полосе имеются исключительно большие возможности для дальнейшего увеличения валовых сборов пшеницы. Это привело бы к сокращению дальних перевозок пшеницы из других районов Союза. Необходимость увеличить валовые сборы пшеницы в нечерноземных районах с устойчивой урожайностью диктуется также происшедшими изме-

¹ Подробное описание борьбы за высокий урожай в этом колхозе см. в книге Б. Р. Кобрин «За стахановские урожаи зерновых», изд. «Московский рабочий», 1938, стр. 7.

нениями в производстве пшеницы в основных пшеничных базах Союза — на юге и юго-востоке.

2. Изменения в производстве пшеницы в южных районах СССР

В основных пшеничных базах европейской части Союза — Украина, Северный Кавказ и Крым — посевы озимой пшеницы значительно увеличились за счет сокращения посевов яровой пшеницы. Так, на Украине по сравнению с довоенным временем площадь озимой пшеницы расширилась на 4,2 млн. га, а площадь яровой пшеницы сократилась на 4,6 млн. га; на Северном Кавказе и в Крыму площадь озимой пшеницы расширилась на 767 тыс. га, а площадь яровой пшеницы сократилась на 1,6 млн. га. Яровая пшеница, занимавшая здесь в прошлом первое место в посевной площади всей пшеницы, отодвинута на последнее место. Замена яровой пшеницы озимой пшеницей в этих районах обусловлена более высокой урожайностью последней.

Таблица 5

Урожайность озимой и яровой пшеницы на Украине и Северном Кавказе

Экономические районы	Культуры	Г о д ы					
		1913	1932	1933	1934	1935	1937
УССР	Озимая пшеница . . .	12,5	8,5	13,1	6,2	10,2	14,2
	Яровая » . . .	7,9	5,8	10,3	5,7	7,9	8,3
Северный Кавказ и Крым	Озимая » . . .	10,4	5,8	8,8	9,3	9,5	15,0
	Яровая » . . .	9,2	4,9	7,0	5,1	7,2	8,1

Данные об урожайности за дореволюционный период — с 1900 по 1915 г. — также говорят о более высокой урожайности озимой пшеницы по сравнению с яровой в этих районах. За указанный пятнадцатилетний период в бывшей Таврической губернии только в течение 3 лет — 1900, 1903 и 1908 — урожайность яровой пшеницы была выше урожайности озимой¹. В остальные годы преимущество было на стороне озимой пшеницы. На основании этих фактов и было сделано заключение, что яровая пшеница на Украине, в Крыму и на Северном Кавказе не имеет будущности. «Что касается продвижения яровой пшеницы на юг, в пределы южной степи Украины, Крыма и засушливых степей Прикумья (на Северном Кавказе), то это является нецелесообразным, вследствие низких здесь урожаев яровой пшеницы по причине захвата сухими ветрами в период цветения и налива и вследствие этого значительно более низкой ее урожайности по сравнению с озимой пшеницей, дающей к тому же здесь первое-классное по качеству зерно»².

Таким образом, с вопросом о яровой пшенице в южных районах Союза было покончено.

Исследования акад. Лысенко вскрыли новые обстоятельства, проливающие свет на перспективы размещения яровой пшеницы: «Я пришел к выводу, что сорта могут вырождаться, ухудшаться, понимая под этим не механическое загрязнение их примесями, а хозяйственное ухудшение природы сорта. Иначе, чем можно объяснить, что, примерно, 20 лет назад в бывшей Херсонской губернии под яровой пшеницей занималась площадь около 800 тыс. гектаров, в настоящее же время в Одесской области, занимающей географически почти ту

¹ «Свод урожайных сведений за 1883—1915 гг.», ЦСУ, 1928, стр. 171—172.

² «Растениеводство СССР», Сельхозгиз, 1933, т. I, ч. I, стр. 65.

же территорию, яровая пшеница высевается только на площади в 60 тысяч гектаров. Кроме того, сорта пшениц «Гирка», «Улька», «Кубанка», занимавшие раньше сотни тысяч гектаров, в настоящее время не занимают в этих районах ни одного гектара посева. При посевах этих сортов теперь на опытных станциях в сортоиспытаниях они дают чрезвычайно низкие урожаи. Низкими урожаями данных сортов и объясняется факт их исчезновения»¹.

Акад. Лысенко установил на основе учения Дарвина, что культуры-самоопылители при длительном их возделывании (30—40 лет) начинают вырождаться и давать более низкие урожаи, вследствие чего встает необходимость заменить эти культуры новыми сортами. Но вместе с тем он отмечает, что решающим моментом в создании условий для выживания растений является агротехника, а роль естественного отбора с развитием воздействия человека на культуру растений все уменьшается. Знаменитые работы Лысенко по внутрисортному скрещиванию и яровизации это прекрасно доказали.

Уродливая односторонняя специализация зернового хозяйства, когда посевы зерновых сводились к яровому клину при совершенно незначительных озимых посевах, не давала возможности построить рациональный севооборот. Такая специализация создавала чрезмерную напряженность в период весенних работ, что при примитивной технике (хотя на юге и были раньше особенно распространены плуги и сеялки) усугубляло экстенсивный характер земледелия, низкую агротехнику яровой пшеницы. Все это сильно способствует вырождению сортов яровой пшеницы. Расширение посевов озимой пшеницы диктовалось необходимостью устранения этих недостатков, и при большей распаханности земель, при необходимости введения паров под озимую пшеницу, произошло сокращение посевов яровой пшеницы.

Разрешение вопроса о возможности расширения посевов яровой пшеницы прежде всего зависит от наличия соответственных сортов яровой пшеницы. Многолетние труды Лысенко в основном разрешили эту проблему. Сильно выродившиеся сорта яровых пшениц благодаря внутрисортному скрещиванию возродились. Высеваются новые сорта пшеницы. В отношении агротехники яровой пшеницы громадное значение имеет доказанная Лысенко возможность летних посадок картофеля как лучшего предшественника яровой пшеницы. «Площади же после летних, июльских посадок картофеля,— пишет Лысенко,— являются лучшим предшественником для яровых пшениц, которых, скажем, в Одесской и Николаевской областях почти не высевают. Между тем без яровых пшениц трудно строить севообороты на юге. При наличии же травяных клиньев и картофеля, а также при наличии соответствующих сортов яровых пшениц можно собирать на юге хорошие урожаи яровой пшеницы»².

Внедрение в этих районах яровой пшеницы с устойчивой высокой урожайностью дает возможность правильно построить севооборот и тем самым создать лучшие условия для основной зерновой культуры юга — озимой пшеницы.

Но до создания благоприятных предшественников для яровой пшеницы в южных районах нельзя рассчитывать на высокую урожайность ее; пока она неизбежно уступает по урожайности озимой пшенице. Поэтому в ближайшие годы посевы яровой пшеницы будут сокращаться. Они могут быть расширены только в перспективе пол-

¹ Лысенко, Переделка природы растений, Сельхозгиз, 1937, стр. 9.

² Лысенко, Летние посадки картофеля на юге Украины, «Правда» от 4 июля 1938 г.

ного освоения севооборотов, когда яровая пшеница пойдет по пласту многолетних трав и по картофельному полю. Следовательно, в южных районах Союза в валовых сборах пшеницы в ближайшие годы будет еще недобор яровой пшеницы в связи с продолжающимся сокращением ее посевов.

Важно отметить, что южные районы Союза в связи с развитием здесь промышленности и ростом городского населения, а также с расширением производства технических культур не могут в таком количестве отпускать на сторону товарную пшеницу, как это было раньше. Достаточно привести следующий факт: в 1913 г. из УССР было вывезено железнодорожным и водным путями 5,3 млн. т всех хлебных грузов, а в 1937 г. при росте валовых сборов хлеба по сравнению с довоенным временем — 4,6 млн. т. В виду большой распаханности земельных угодий мы не только не можем рассчитывать на расширение на юге посевов зерновых культур, а должны при введении севооборотов пойти на сокращение зерновых в ряде южных районов.

Таким образом, в связи с изменениями в производстве пшеницы в южных районах мы должны обратить внимание на увеличение ее валовых сборов и товарного выхода в других районах СССР.

3. Изменения в производстве пшеницы в юго-восточных засушливых районах Союза

Юго-восточные районы Союза являются крупнейшей яровопшеничной базой в европейской части СССР. Здесь посевы озимой пшеницы совершенно незначительны. Пренебрежение к агротехнике и суровые малоснежные зимы обуславливали более низкую урожайность озимой пшеницы по сравнению с яровой.

Передовая агрономическая наука и опыт передовиков социалистического земледелия показали, что озимая пшеница в ряде районов Поволжья дает прекрасные урожаи и более засухоустойчива, чем яровая пшеница. По данным Кузнецкой опытной станции, средняя урожайность озимой пшеницы за 18 лет определялась в 15,46 ц; посевы озимой пшеницы производились на этой станции с 1913 г., и ни разу не было случая гибели посевов от мороза. По данным Балашовской опытной станции, за 14 лет средняя урожайность озимой пшеницы составляла 14,8 ц. По данным Всесоюзного института зернового хозяйства, за 16 лет урожайность озимой пшеницы в среднем была 17,5 ц. Валуйская опытная станция, применив орошение, получила средний урожай за 11 лет в 24,4 ц с гектара.

«Урожайность озимой пшеницы за то же время, по данным этих станций, превышала урожайность яровой пшеницы на 40—50 процентов.»

...По материалам Всесоюзного института зернового хозяйства, из 25 лет вполне благоприятными годами для перезимовки озимой пшеницы оказались 18 лет, когда ее урожайность колебалась от 11,3 до 27,1 ц с гектара, шесть лет были малоблагоприятными, — урожайность озимой пшеницы была от 6,5 ц до 9,5 ц с га, и, наконец, в самом тяжелом из этих лет, 1921 году, озимая пшеница погибла полностью.

Страдая в неблагоприятные годы во время перезимовки, озимая пшеница в то же время сравнительно хорошо переносит неблагоприятные условия летней засухи и в этом отношении значительно более устойчива, нежели яровая пшеница»¹.

¹ Ицков, «Белое пятно» озимой пшеницы, «Социалистическое зерновое хозяйство», Саратовское обл. гос. изд., № 2, 1938, стр. 23—24.

Наконец, по довоенным статистическим данным, по Саратовской губернии за 17 лет урожаи озимой пшеницы превышали урожаи яровой на 23%.

Решающее значение во внедрении озимой пшеницы в юго-восточные районы Союза имеет опыт передовых колхозов. Председатель колхоза им. 1 мая, Котельниковского района, Сталинградской области, сообщает, что вредители из областного земельного отдела всячески тормозили внедрение озимой пшеницы, предлагая сеять яровую. Но вопреки этим вражеским действиям посевы озимой расширились. В 1938 г. на площади в 207 га урожай «озимки» в среднем был 10 ц, на отдельных участках — 14—15 ц с гектара, яровая же пшеница дала по 1,5 ц с гектара, так как она попала под суховея. То же происходило в колхозе «Красный партизан». Таких примеров можно привести сотни.

«Надо только,— пишет В. Ковалев,— теперь же сломить рогатки бюрократических планов и покончить с вредной легендой о том, что мы и вообще Поволжье — «прирожденный» район яровых пшениц»¹.

Приведем еще показатели урожайности озимой пшеницы в этих районах по материалам государственных сортоиспытаний. В Куйбышевской области на сортоучастке в Кузнецком районе озимая пшеница «Эритроспермум 072—01» в среднем за 1928—1933 гг. дала 16,8 ц/га; в Новоуренском районе сорт «Лютесценс 0329» дал в среднем за 1929—1934 гг. 15,8 ц/га; в Саратовской области на сортоучастке в Саратовском районе сорт «Лютесценс 01060—10» при применении снегозадержания дал в среднем за 1925—1933 гг. 20 ц/га². Колхозы теперь располагают всеми возможностями, чтобы достигнуть этой урожайности не на отдельных участках, а на больших массивах.

Большое значение для продвижения озимой пшеницы в Заволжье имеет опыт социалистического орошаемого зернового хозяйства. В материалах Валуйской опытно-мелиоративной станции установлено, что «озимая пшеница отличается более высокой урожайностью, чем яровая пшеница»³.

Расширение посевов озимой пшеницы в Поволжье, как правило, должно производиться в правобережных районах, где снеговой покров более высок по сравнению с левобережными. Озимые хлеба здесь будут вводиться за счет сокращения посевной площади яровой пшеницы и овса. Увеличение озимого клина будет иметь громадное организационно-хозяйственное значение. Оно даст возможность ослабить напряженность работ в период весеннего сева, чтобы в более сжатые сроки и высококачественно производить сев яровых. Так как озимые хлеба вызревают значительно раньше яровых, расширение озимых посевов, в том числе пшеницы, будет способствовать проведению уборочных работ отдельных культур в более сжатые сроки, с меньшим напряжением в использовании рабочей силы и средств производства.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах обеспечения устойчивого урожая в засушливых районах юго-востока СССР» дало развернутую программу борьбы за повышение урожая. Среди этих мероприятий продвижение озимой пшеницы прежде всего в правобережье Поволжья имеет исключительно важное значение. Трудностей здесь конечно немало: в 1938/39 г. на довольно значительной площади погибли посевы озимой пшеницы.

¹ Ковалев, Шире дорогу озимой пшенице, «Правда» от 26 июля 1938 г.

² «Материалы государственных сортоиспытаний. Озимая пшеница», стр. 50, 52, 57.

³ Как поливать и получать высокие урожаи орошаемых культур на колхозных участках в Заволжье, Госиздат АССР немцев Поволжья, г. Энгельс, 1938, стр. 57.

Отсюда не следует делать вывод, что культура озимой пшеницы в этих районах не имеет перспектив. Наоборот, опыт передовых колхозов говорит о возможности получения высоких урожаев при условии проведения требуемого комплекса агромероприятий. В степных районах юго-востока на левобережье Куйбышевской области в 1937 г. в 26 передовых колхозах с площади в 1414 га собрано озимой пшеницы по 16 ц с гектара; в Сталинградской и Саратовской областях в 28 колхозах с площади в 671 га собрано по 17,8 ц с гектара. В этих передовых колхозах применялись следующие агротехнические мероприятия. Озимая пшеница сеялась по черному и чистому пару, поднятому в ранние сроки. Чистый пар вспахивался на глубину свыше 18 см. Культивация паров проведена на 75% площади посева озимой пшеницы, повторная — на 47%, троекратная — на 37% площади. Лущевка стерни, имеющая огромное значение во всех, и особенно в этих районах, проведена на 39%. Снегозадержание применялось на 77,3% посевной площади. Сеяли чистосортными протравленными семенами хорошей всхожести. Начинали сев 29 и заканчивали 30 августа, т. е. провели его в короткий срок. Более чем на половине площади производили весеннее боронование посевов. Весенняя полка сорняков охватила 89% площади посева. Уборка, главным образом комбайнами, проведена всюду в срок до 5 дней.

Наиболее высокие урожаи озимой пшеницы в указанных колхозах (от 20 до 27 ц с гектара) дали посевы по майскому чистому пару, вспаханному на глубину свыше 20 см при двух-трехкратной в большинстве случаев культивации пара. Надежным приемом для получения высоких урожаев было проведение снегозадержания на всей площади посева. Передовые колхозы стали широко применять посадку лесозащитных полос. Уборка проводилась в сжатые сроки — 2 дня.

Применение этого комплекса агромероприятий в колхозах «12-й Октябрь» Терновского района и «Нейс Ваон» Красноярского района АССР немцев Поволжья способствовало получению урожая озимой пшеницы по 27 ц с га: первый — с 12 га, второй — с 15 га посева. Важнейшими агротехническими приемами при возделывании озимой пшеницы в Поволжье, указанными в уже упомянутом постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б), являются обязательный посев озимой пшеницы по черным парам, вспаханым на глубину не менее 20—22 см плугами с предплужниками, предварительное лущение стерни как массово-агротехническое мероприятие, максимальное использование местных семян, широкое проведение посадок лесозащитных полос. Решающее значение будет иметь введение во всех колхозах 8-, 9-, 10-польных севооборотов, «в которых предусмотреть площади черного пара в размерах, полностью обеспечивающих посевы озимых»¹.

Указанное постановление дает большевистскую программу борьбы с засухой, борьбы за создание в засушливых районах устойчивой урожайности зерновых культур. Осуществляя в этих районах комплекс агротехнических мероприятий, не следует забывать о недоборе зерновых культур в юго-восточных районах, прежде всего наиболее ценной из них — яровой пшеницы. Радикальное разрешение вопроса о засухе возможно будет только на основе создания орошаемого земледелия. Между тем мы не можем пройти мимо больших колебаний валовых сборов зерна, наблюдающихся в юго-восточных районах. Наоборот, необходимо поставить задачу создания ре-

¹ «Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938—1939 годы», Сельхозгиз, 1939, стр. 187.

зернов высококачественной яровой пшеницы в других районах СССР с устойчивой урожайностью.

Итак, анализ состояния производства пшеницы в южных и юго-восточных районах Союза показывает, что в связи с сокращением в них посевов яровой пшеницы и колебаниями валовых сборов зерна требуется увеличить производство прежде всего яровой пшеницы в других районах Союза.

На основании данных о колебании валовых сборов в юго-восточных районах нами подсчитано, что в отдельные острозасушливые годы мы недополучаем здесь до 200 млн. пуд. яровой пшеницы. С другой стороны при введении правильных севооборотов в УССР и при расширении озимого клина на юго-востоке будет происходить сокращение посевов яровой пшеницы, что по нашим исчислениям выразится в недоборе валовых сборов яровой пшеницы в размере 75—80 млн. пудов. Таким образом, нам необходимо иметь дополнительное производство высококачественной яровой пшеницы в размере 275—280 млн. пуд., чтобы, во-первых, гарантировать возможный недобор яровой пшеницы в засушливом юго-востоке, а во-вторых — компенсировать недобор, связанный с сокращением посевов яровой пшеницы на юге и юго-востоке Союза. При этом речь идет именно о высококачественных сортах яровой пшеницы и прежде всего твердой пшеницы. Нам представляется это как одна из крупнейших проблем в обеспечении получения сталинских 8 млрд. пуд. ежегодного производства зерна в нашей стране.

4. Создание общесоюзной базы производства пшеницы в восточных районах Союза

Валовая продукция пшеницы в СССР увеличилась в 268 млн. ц в 1913 г. до 468,6 млн. ц в 1937 г., т. е. на 79⁰/₀¹.

Фактом исключительного значения является увеличение производства пшеницы в восточных районах СССР: в 1937 г. в Восточной Сибири производство выросло по сравнению с довоенным временем в 7 раз, в Западной Сибири — в 3 раза, на Урале — в 2 раза. За годы второй пятилетки Урал и Западная Сибирь произвели пшеницы больше, чем УССР и Крым. Значит, на востоке СССР созданы такие пшеничные базы, которые стоят теперь наравне с важнейшими центрами пшеничного производства Союза.

Исключительное значение имеет увеличение валовых сборов пшеницы в Казахстане (на 90,1⁰/₀) и в среднеазиатских республиках (на 38,8⁰/₀). Наряду с широким развитием производства технических культур сильно укрепляется здесь и продовольственная база.

Значительно увеличились валовые сборы пшеницы и в старых пшеничных районах СССР — в УССР, Крыму, на Северном Кавказе и в Поволжье. Но за счет производства пшеницы в старых пшеничных районах мы не могли бы достигнуть такого небывалого в истории зернового хозяйства увеличения валовых сборов пшеницы по Союзу. В старых районах, как было указано, нам пришлось пойти на сокращение посевов пшеницы даже по сравнению с довоенным уровнем. В засушливых областях, как например в Сталинградской и Ростовской областях, валовые сборы пшеницы до сего времени не превышают еще уровня 1913 г. Выход с пшеницей в районы более благоприятные в климатическом отношении сыграл большую роль в гигантском росте производства пшеницы в СССР. Данные об урожай-

¹ «Социалистическое строительство Союза ССР» (1933—1938 гг.), Госпланиздат, 1939, стр. 98.

ности в среднем за вторую пятилетку показывают, что наиболее высокие урожаи яровой пшеницы наблюдались в Восточной Сибири: в Красноярском крае, в Иркутской и Читинской областях. В Западной Сибири — в Новосибирской и Омской областях — тоже отмечались наибольшие урожаи. В группе верхневолжских районов первое место по урожаю яровой пшеницы занимали Удмуртская, Татарская и Чувашская АССР. В северных районах европейской части СССР надо отметить высокую урожайность яровой пшеницы в Коми и Карельской АССР. В центрально-промышленных районах урожайность яровой пшеницы по всем областям более или менее одинакова, но особо выделяются высокой урожайностью Горьковская и Орловская области. Из центрально-черноземных районов на первом месте стоит Тульская область. В уральской группе районов наибольшая урожайность отмечается в Свердловской области и в Башкирской АССР. На Украине в этом отношении выделяются Каменец-Подольская, Винницкая, Черниговская, Подтавская и Харьковская области. Что касается группы засушливых областей, то наиболее низка урожайность в Сталинградской области, Калмыцкой АССР и Орджоникидзевоком крае. В Туркменской, Таджикской и Киргизской ССР урожайность яровой пшеницы менее подвержена колебаниям, чем в районах юго-востока, и в среднем за указанные годы даже несколько превышает общесоюзную урожайность.

Необходимо отметить, что важнейшая ярово-пшеничная база на востоке СССР и вновь созданная ярово-пшеничная база в районах северной нечерноземной полосы отличаются исключительно высокой урожайностью. Общеизвестен факт, что в юго-восточных засушливых районах проблема повышения урожайности яровой пшеницы стоит особо остро (см. табл. 6). Выводы о дальнейшем размещении яровой пшеницы с этой точки зрения совершенно очевидны.

Таблица 6

Урожайность яровой пшеницы (в ц с 1 га)

О б л а с т и	В среднем за 1933—1937 гг.	1937 г.
СССР	8,0	10,1
Восточные районы		
Челябинская область	8,0	12,4
Омская »	10,4	13,8
Новосибирская область	10,3	12,1
Алтайский край	8,5	10,5
Красноярский край	11,5	12,1
Иркутская область	10,0	8,6
Читинская »	9,2	8,1
Северо-Казахстанская область	8,2	7,4
Восточно-Казахстанская »	9,0	10,6
Поволжские районы		
Куйбышевская область	7,6	12,0
Саратовская »	6,5	10,8
Сталинградская »	5,3	6,1
АССР немцев Поволжья	5,7	9,7
Чкаловская область	7,7	10,1

Не будем останавливаться на вопросе о возможности повышения урожайности яровой пшеницы в засушливых районах юго-востока.

Ясно, что большевистская борьба с засухой способствует значительному увеличению урожая. Бесспорно также, что орошаемое зерновое хозяйство уже теперь имеет исключительные достижения в урожайности яровой пшеницы. Но совершенно также очевидно, что не может быть и речи о дальнейшем расширении посевов яровой пшеницы в юго-восточных засушливых районах Союза. Правильнее будет при введении севооборотов там, где потребуется, частично сократить посевы яровой пшеницы и заменить их посевами более засухоустойчивых культур: кукурузой, сорго, просом, а в ряде районов правобережья — озимой пшеницей. Это — верный путь к увеличению валовых сборов зерна в данных районах. В известном постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) о засушливых районах юго-востока даны соответственные указания о расширении озимого клина за счет сокращения яровой пшеницы и овса.

Сокращение посевов на юго-востоке Союза можно компенсировать их расширением в Сибири, где условия для производства яровой пшеницы более благоприятны¹.

Посевы яровой пшеницы увеличились здесь с 6,5 млн. га в 1913 г. (включая весь Казахстан) до 11,3 млн. га в 1938 г., т. е. на 4,8 млн. га, из которых на годы второй пятилетки приходится 2,3 млн. га. Расширение посевных площадей сопровождалось увеличением урожайности и ростом валовых сборов яровой пшеницы (см. табл. 7). Чрезвычайно характерно, что во всех указанных областях средняя урожайность за годы второй пятилетки, во-первых, выше довоенной (за исключением Челябинской области)², во-вторых, за 1937 и 1938 гг. она приближается к урожайности, установленной для отбора участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Таблица 7

Урожайность яровой пшеницы в Сибири
(в ц с га)

Области	1913 г.	В среднем 1933— 1937 г.	1937 г.	1938 г.	Установлено для участни- ков ВСХВ в среднем за 1937/38 г.
Челябинская область	8,6	8,0	12,4	14,4	15
Омская »	6,5	10,4	13,8	15,0	16
Новосибирская »	7,9	10,3	12,1	11,8	15
Алтайский край	6,9	8,5	10,5	13,0	15
Красноярский »	7,0	11,5	12,1	12,3	15
Иркутская область	6,6	10,0	8,6	12,0	15
Читинская »	4,4	9,2	8,1	10,4	10
Северо-Казахстанская область	—	8,2	7,4	20,0	14
Павлодарская »	—	6,8	7,6	14,1	14
Кустанайская »	—	7,3	7,6	15,5	14
Карагандинская »	—	6,1	5,7	13,6	14
Восточно-Казахстанская »	—	9,0	10,6	9,9	14

На основе расширения посевной площади и увеличения урожайности валовые сборы яровой пшеницы выросли с 184,4 млн. пудов

¹ Из областей Сибири, где в определенных районах возможно получать устойчивые высокие урожаи яровой пшеницы, мы берем Челябинскую, Омскую и Новосибирскую, Иркутскую и Читинскую области, Алтайский и Красноярский края и из областей Казахской ССР — Северо-Казахстанскую, Павлодарскую, Кустанайскую, Карагандинскую и Восточно-Казахстанскую.

² Урожайность яровой пшеницы в среднем по Сибири за 1913 г. оценивалась как средняя. См. «1913 год в сельскохозяйственном отношении», в. IV, Спб 1913, стр. XVI.

в 1913 г. до 500 млн. пудов в среднем за годы второй пятилетки, в 1937 г. они достигли 667,9 млн. пудов и в 1938 г.— рекордного сбора в 876 млн. пудов. При достижении урожайности, установленной для отбора участников выставки по указанным областям, валовые сборы яровой пшеницы достигли бы 931 млн. пудов, т. е. увеличились бы по сравнению с валовым сбором 1938 г. на 55 млн. пудов, или на 6—7%. Достижение такой урожайности вполне реально при массовом применении комплекса агротехнических мероприятий. Тов. Молотов, говоря о показателях ВСХВ, указал: «Устанавливая эти показатели по образцам передовых хозяйств и по хорошим образцам работы отдельных знатных людей колхозного и совхозного хозяйства, мы исходили из того, чтобы поставить перед каждой отраслью сельского хозяйства и перед каждой группой работников социалистического земледелия и тем самым перед всей массой колхозов и совхозов свои конкретные задачи на ближайшее время. Мы руководствовались при этом тем, что это должны быть такие показатели, достижение которых, в среднем, всей массой колхозов и совхозов означало бы выполнение и даже перевыполнение заданий третьего пятилетнего плана по сельскому хозяйству»¹.

Для создания указанного выше резервного общесоюзного фонда высококачественной пшеницы необходимо расширить посевы яровой пшеницы на 3 млн. га. Это дало бы возможность при достижении урожайности, установленной для участников выставки, получить дополнительно 272 млн. пудов яровой пшеницы.

Таким образом, учитывая прирост валовых сборов яровой пшеницы с существующих площадей за счет повышения урожайности против уровня 1938 г. и увеличения посевных площадей в указанных размерах, мы могли бы довести валовой сбор яровой пшеницы в Сибири до 1 200 млн. пудов, т. е. на 324 млн. пудов больше фактического сбора в 1938 г. и, таким образом, обеспечить гарантийный резервный фонд яровой пшеницы. Достижение валовых сборов яровой пшеницы в 1,2 млрд. пудов в Сибири внесет коренные изменения в географию производства яровой пшеницы в СССР, а также в транспортные перевозки. В настоящее время, по данным транспортного сальдо по железным дорогам, Западная Сибирь и Казахская ССР покрывают по всем хлебам потребности дефицитных в этом отношении Дальнего Востока и Средней Азии.

Восток СССР, как правило, удовлетворяет потребности в хлебе за счет собственного производства. Расчеты на душу населения это подтверждают. Увеличение валовых сборов на основе роста урожайности всех зерновых культур в Сибири с существующих посевных площадей дает возможность покрывать растущие потребности городского и сельского населения.

Дополнительное производство в Сибири 300 млн. пудов яровой пшеницы при общем росте валовых сборов других зерновых культур дало бы возможность иметь в этом размере общесоюзный резервный фонд, остающийся после покрытия всех потребностей востока СССР в хлебе. При условии увеличения производства хлебов Восточная Сибирь могла бы удовлетворить часть потребностей Дальнего Востока, что сократило бы дальние перевозки. Дефицитные по хлебу республики Средней Азии могут получать его в достаточном количестве из Западной Сибири и Казахстана по Турксибу. Что касается перевозки яровой пшеницы из указанного резервного фонда в Европейскую часть Союза, то для облегчения основной сибирской

¹ Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, Сельхозгиз, 1939, стр. 18.

железнодорожной магистрали возможно использовать водный путь: Обь, Енисей, Карское море — Архангельск.

Расширение посевов яровой пшеницы на 3 млн. га возможно осуществить в течение ближайших 2—3 лет. Вновь осваиваемые земли целесообразнее всего использовать под посевы яровой пшеницы, которую можно сеять по подготовленной для посевов целине по крайней мере два-три года подряд, получая высокие устойчивые урожаи, с тем чтобы после яровой пшеницы либо сеять другие культуры (фуражные хлеба, кормовые) либо оставить эту землю под паром, а пшеницу сеять на подготовленной для посевов вновь осваиваемой земле.

Что такое увеличение посевов яровой пшеницы вполне возможно, видно хотя бы из того факта, что за годы второй пятилетки (1933—1937) площадь пашни увеличилась на 6,5 млн. га, а посевы яровой пшеницы в этих районах увеличились на 2,3 млн. га. При распашке новых земель и расширении посевов яровой пшеницы в областях Сибири необходимо учитывать наличные земельные фонды и районы, где почвенные и климатические условия позволяют получить высокие устойчивые урожаи яровой пшеницы. Кроме того, в первые годы распашка новых земель должна проводиться прежде всего в районах населенных, а в последующие — в более отдаленных и малонаселенных. Освоение новых земель в Сибири потребует переселения сюда колхозников из малоземельных районов Европейской части СССР. В первоочередной фонд освоения включаются те земли, которые не требуют никаких дополнительных капитальных затрат на раскорчевку, осушку и т. п., так как в областях Сибири много пахотоспособных земель в виде залежей и перелогов.

Увеличение производства пшеницы в восточных районах Союза является только частью общей задачи нового подъема социалистического земледелия в этих районах, поставленной т. Андреевым в речи на совещании передовиков сельского хозяйства 17 марта 1940 г. Тов. Андреев указал, что в восточных районах можно освоить под пахоту 6—8 млн. га новых земель — залежей и перелогов — и увеличить валовые сборы зерна с 1,5 млрд. пуд. по крайней мере до 2—2,5 млрд. пуд. ежегодно¹.

Задачи, поставленные т. Андреевым, имеют исключительно важное значение в борьбе за сталинские 8 млрд. пудов ежегодного производства зерна и требуют конкретной разработки для их практического осуществления.

¹ «Правда» от 22 марта 1940 г.

Эрозия почвы и борьба с ней в условиях СССР

Эрозией почв называется процесс сноса и размывания верхних слоев почвы в результате механического стока талых и ливневых вод.

Великие русские исследователи-почвоведы В. В. Докучаев, П. А. Костычев и В. Р. Вильямс блестяще доказали, что в условиях естественной природной обстановки создается подвижное равновесие между эрозионными факторами и поверхностью. Девственные земли отличаются прочным земляным покровом и хорошей структурой почв; поэтому процесс эрозии на таких землях происходит настолько медленно, что для сельского хозяйства практического значения не имеет.

В условиях же хищнического капиталистического способа производства процесс эрозии чрезвычайно ускоряется, истощение и ограбление почвы значительно усиливается. На протяжении последних нескольких десятилетий смыв верхних наиболее плодородных слоев почвы привел к превращению некоторых плодородных районов в бесплодные заброшенные земельные участки. В настоящее время эрозия почв в капиталистических странах, и особенно в США, стала бичом сельского хозяйства. О ней пишут в книгах, журналах и газетах, о ней говорят в парламентах политические заправилы и их хозяева из Уэл-стрит.

Современное земледелие США является ярчайшим примером разрушительного действия хищнической системы капитализма на производительные силы природы. Эрозия почв, ставшая бедствием для американского народа, является следствием истощения почвы и разрушения ее структурности, вызванных усиленной хищнической обработкой почв без необходимого восстановления плодородия.

Вырубка леса, ведущая к разрушению дернового слоя, разрыхление и распыление почвы, неурегулированный выпас скота, распашка крутых склонов и другие причины — все это привело к тому, что в США в настоящее время громадные, ранее обрабатываемые земельные участки забрасываются. Так, например, по свидетельству американского ученого Лоудермилка¹ в 1935 г. в США из 706 млн. га было охвачено эрозией 476 млн. га. Темп забрасывания земельных угодий с железной закономерностью нарастает из года в год. По данным исследователя эрозии Беннета, который на протяжении десятка лет занимается этой проблемой в штате Индиана, наиболее хорошо изученном в отношении эрозии почв, за 20 лет, с 1900 по 1920 г., выбывало ежегодно вследствие эрозии 11 тыс. га земельных угодий, а за десятилетие, с 1920 по 1930 г., ежегодно выбывало 54 тыс. га.

В настоящее время в США проводится ряд противоэрозионных мероприятий; еще большее число их проектируется. Однако не только ликвидировать, но даже хотя бы заметно приостановить разрушительную силу эрозии почв до сих пор не удалось. Да и вряд ли

¹ Лоудермилк, Доклад на III конгрессе почвоведов.

удастся, ибо факты свидетельствуют, что в условиях капитализма эффективная борьба с эрозией невозможна.

Известный американский экономист Стюарт Чейз в своей книге «Богатая земля — бедная земля» говорит, что от эрозии почва теряет свое естественное плодородие, урожаи резко падают, а в районах Айво урожайность кукурузы упала в течение только одного поколения в два раза (с 50 до 25 бушелей с акра). Да это и понятно, так как вследствие эрозии, по подсчетам Беннета, «с полей США ежегодно смывается и уносится ливневыми и тальными водами в реки и моря такое количество питательных веществ из почвы, которого хватило бы на 21 год для питания всех сельскохозяйственных культур США»¹.

Разрушительные силы эрозии почв не ограничиваются областью одного земледелия. Чрезвычайно ощутительно действие эрозии на гидротехнические сооружения. Показателен пример заиления мощного водохранилища вблизи города Илк² (штат Оклахома в США) вследствие заполнения его продуктами эрозии. Это водохранилище, построенное в 1925 г. и стоившее 325 093 доллара, к 1935 г. потеряло 48% своей первоначальной емкости, несмотря на то, что в 1931 г. плотину пришлось нарастить на 2 фута. Не менее яркие факты разрушительной силы эрозии наблюдаются в дорожном строительстве и в обмелении рек. Таким образом, эрозия почв справедливо считается в США национальным бедствием.

Чтобы успешнее бороться с эрозией почв, необходимо вскрыть ее причины и принять меры, устраняющие их. Обратимся к высказываниям американских и других буржуазных ученых, пытающихся объяснить причины усиленной эрозии почв.

Наиболее смелую попытку в этом направлении сделал уже упомянутый Лоудермилк, заместитель директора службы охраны почв департамента земледелия США, на заседании III международного конгресса почвоведов в Оксфорде. Он заявил: «Американцы были проникнуты стремлением подчинить себе «дикие просторы» и в этом стремлении вырубали леса, истребляли стада бизонов, уничтожали дернину прерий и равнин запада... Найденные богатства, казавшиеся неистощимыми, породили в головах первых колонистов и последующих поколений мысль о возможности беспредельной эксплуатации почвы без учета последствий... Главной целью колониста было получить возможно большую прибыль при возможно меньшей затрате денежных средств и труда. Эта рано возникшая и прочно укоренившаяся вера в неистощимость земель и заложенных в них богатств привела к хищническому характеру приемов землепользования, что в настоящее время уже стало общепризнанной угрозой для дальнейшего благосостояния наций»³.

Это достаточно смелая постановка вопроса для представителя буржуазной науки. Но Лоудермилк, ограничиваясь констатацией хищнического характера приемов землепользования и угрозы для дальнейшего благосостояния наций, не только не видит подлинной причины истощения почвы, но даже считает возможным путем внедрения в «плановом» порядке технических мероприятий в сельскохозяйственное производство приостановить истощение почвы и процесс современной эрозии почв.

Даже официальные представители буржуазного государства вынуждены признать, подобно министру земледелия США Уолсу, что глубоко-

¹ Цит. по ст. Соболева «О распространении эрозии в Европейской части Союза ССР и мерах борьбы с нею», журн. «Почвоведение» № 7 за 1939 г., стр. 136.

² «Труды Комиссии по изучению производительных сил США», 1935 г.

³ Сборник «Борьба с эрозией почв в СССР», изд. АН СССР, 1938, стр. 9—10.

чайший кризис сельского хозяйства, массовое разорение фермеров, рост безработицы среди сельхозрабочих наряду с обогащением ничтожной кучки финансовой, промышленной и земледельческой буржуазии ведут в конечном счете к истощению почвы.

Стюарт Чейз, который анализирует состояние современного сельского хозяйства США и констатирует его упадок, неожиданно приходит к выводу: «Два мощных фактора разрушают почву — эрозия (выветривание и размывание) и истощение почвы». Но Чейз, не понимая того, что эрозия — следствие истощения почвы, ищет причины разрушения почвы не в общественных отношениях, а в области техники. Наблюдая, как сохранившиеся земли покрываются пылью и песком движущихся дюн, как быстро мелеют реки и их прозрачные воды становятся мутными и грязными, как оголяются еще недавно зеленые склоны гор и холмов, Чейз с большой силой рисует картину последствий разрушения почвы: «Посмотрите, вот они идут, мужчины, женщины и дети, многомиллионная армия с утомленными взорами и опущенными вниз глазами. Они тяжело поработали, рубили топорами, распахивали пастбища, проводили орошение в пустыне, осушали болота, мостили дороги, открывали школы и старались делать самое лучшее, что было в их силах, но почва исчерпала свое плодородие, земле теперь больше нечего делать». Этот документ, помимо воли Чейза, является обвинительным актом капиталистической системы производства. Но Чейз, не видя или не желая видеть подлинных причин разрушения почвы, не хочет видеть и выхода для многомиллионной армии трудящихся.

Поэтому глубочайшим пессимизмом пронизаны все попытки буржуазных ученых проанализировать процессы эрозии почвы и их последствия для народного хозяйства. И не удивительно, что декан одного из факультетов в США приходит к выводу, что «если человечество не сможет найти такого способа обработки почвы, который сохранил бы этот источник жизни, то настанет время, возможно не так скоро, когда люди, растратив это ценное наследие, начнут исчезать с лица земли, благодаря тем опустошениям, которые происходят по их же вине»¹.

Все попытки буржуазных ученых объяснить причины эрозии почв и упадка сельского хозяйства в капиталистических странах не имеют под собой научной базы, а поэтому неизбежно терпят крах. Объяснение же причин разрушения почв и продолжающегося упадка сельского хозяйства деятельностью людей вне времени и пространства, т. е. вне общественной формы капиталистического способа производства, лишь отвлекает от правильного и объективного понимания проблем эрозии. Не имея мужества разобраться в подлинных причинах эрозии почв в условиях капитализма, буржуазные ученые вращаются в порочном кругу и делают смехотворные попытки возложить ответственность за все последствия упадка сельского хозяйства, рост нищеты и голода среди трудящихся масс на природу.

С гениальной прозорливостью, предвидя подобные выступления буржуазных ученых, В. И. Ленин еще в июле 1901 г. в работе, направленной против Булгакова, Чернова, Геца, ревностных сторонников затасканного «закона» убывающего плодородия почв, писал: «Увеличилась не трудность производства пищи, а трудность получения пищи для рабочего — увеличилась потому, что капиталистическое развитие вздуло земельную ренту и земельную цену, концентрировало сельские хозяйства в руках крупных и мелких капиталистов, концентрировало еще больше машины, орудия, деньги, без которых

¹ Цитирую по работе Гуссака, «Борьба с поверхностными смывами почвы»

невозможно успешное производство. Объяснять эту растущую трудность существования рабочих тем, что природа сокращает свои дары,— значит становиться буржуазным апологетом»¹.

В течение последующих четырех десятилетий капиталистического развития вздутие земельной ренты и концентрация сельского хозяйства в руках крупных капиталистов и финансовых магнатов достигли невиданных размеров. Применение новейших сельскохозяйственных машин и достижений в области агрономии и агрохимии, все усиливающаяся эксплуатация рабочих — таковы методы кучки земельных магнатов и финансовой плутократии, стремящейся к получению высоких прибылей. В современном капиталистическом земледелии все мероприятия по борьбе с эрозией почв, дающие иногда временное повышение плодородия, ведут в то же время к разрушению почв. Этот закон капиталистического способа производства прекрасно сформулирован у Маркса: «Как в городской промышленности, в современном земледелии повышение производительной силы и увеличение интенсивности труда покупается ценой разрушения и истощения самой рабочей силы. И всякий прогресс в капиталистическом земледелии есть прогресс не только в искусстве подвергать рабочего ограблению, но вместе с тем и в искусстве ограбления почвы, всякий прогресс в временном повышении ее плодородия есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия... Поэтому капиталистическое производство развивает технику и комбинирование общественного процесса производства лишь таким образом, что в то же время подрывает источники всякого богатства: землю и рабочего»².

Разве капиталистические монополии на острове Цейлон, использующие на чайных плантациях достижения современной техники и агрономии, не разрушают почву? Или аргентинские скотопромышленники в погоне за получением прибылей не разрушают почву, ставя под угрозу будущие поколения людей? Природа капитализма такова, что ему нет дела до будущих поколений. Добиться сверхприбылей, несмотря ни на какие последствия — вот что лежит в основе капиталистического способа производства.

Подлинная причина разрушения почвы была с предельной ясностью вскрыта Энгельсом. «Какое было дело,— писал он,— испанским плантаторам на Кубе, выжигавшим леса на склонах гор и получившим в золе от пожара удобрение, хватавшее на одно поколение очень доходных кофейных деревьев,— какое им было дело до того, что тропические ливни потом смывали беззащитный верхний слой почвы, оставляя после себя обнаженные скалы! При теперешнем способе производства считаются — по отношению к природе, как и к обществу,— главным образом лишь с первым осязательным успехом»³.

Вот где кроется причина разрушения и истощения почвы, которые привели капиталистическое земледелие к деградации. Не случайно буржуазные ученые, анализирующие процессы эрозии почв, не могут сказать всего, ибо сказать все — значит еще и еще раз на примере распространения и усиления процессов эрозии показать трудящимся массам подлинных виновников их нищеты, голода и хронической безработицы. Вот почему в научных трактатах и больших журнальных статьях буржуазные деятели и ученые причину разрушения и истощения почвы пытаются объяснить деятельностью человеческого общества вообще, вне времени и пространства, тщательно умалчивая о

¹ Ленин, Соч., т. IV, стр. 182.

² Маркс, Капитал, Соцэжгиз, 1931, т. I, стр. 392—393.

³ Энгельс, Диалектика природы, Партиздат, 1932, стр. 59.

капиталистической системе, породившей хищническую эксплуатацию почв.

* * *

За последние шесть-восемь лет у нас появилась довольно обширная литература, освещающая распространение эрозии почвы в Советском Союзе. Работники наших научно-исследовательских институтов, тщательно изучая опыт борьбы с эрозией почвы в капиталистических странах и особенно в США, накопили большие знания об эрозии почвы в наших условиях и опыт в борьбе с нею.

Однако в литературе этой имеется ряд существенных недостатков. Во-первых, абстрактность в изучении процессов эрозии, заключающаяся в отрыве научно-исследовательских работ от практики социалистического земледелия. Во-вторых, недооценка экономического значения процессов эрозии почвы для народного хозяйства и экономической эффективности проектируемых мероприятий по борьбе с эрозией почвы. Это делает наши научные исследования и разрабатываемые мероприятия в значительной мере недоступными как для широкого круга практиков социалистического земледелия, так и для довольно большого круга наших научных работников. В-третьих, несмотря на знание иностранной и особенно американской литературы о процессах эрозии, наши научные работники почти не дают критического освещения этой литературы и критического анализа мероприятий, проектируемых в капиталистических странах. В-четвертых, нечеткий, подчас путанный и немарксистский анализ причин и условий, ускоряющих процесс эрозии почвы, также затрудняет и задерживает решительную борьбу с ней в условиях социалистического земледелия.

Достаточно проанализировать высказывания ряда научных работников, изучающих проблемы эрозии почвы, о причинах и условиях широкого распространения процессов эрозии в бывшей царской России, а также продолжающегося распространения эрозии почвы в условиях социалистических, чтобы убедиться в этом.

Например, такой крупный исследователь, как А. С. Козменко, посвятивший более 30 лет изучению эрозии и разработке мер борьбы с нею, объясняя причины распространения эрозии почвы, сводит их только к вмешательству человека в нормальный и спокойный процесс стока поверхностных вод. «Современная эрозия,—пишет он,—своим развитием обязана исключительно вмешательству человека в нормальный и спокойный процесс стока поверхностных вод, который установился после прекращения роста гидрографической сети. Это вмешательство выразилось в превращении водосборной площади, дотоле покрытой девственными лесами и травяными степями, в распаханную поверхность, что повлекло за собой усиление стока, и связанный с этим размыв отдельных элементов древней гидрографической сети»¹.

Дело не только во вмешательстве человека в процесс стока, а в причинах хищнической эксплуатации почвы. Достаточно уничтожить их, чтобы создать все условия для приостановления и ликвидации процессов эрозии. Уничтожить причины хищнической эксплуатации почвы можно лишь с уничтожением капиталистического способа производства, капиталистической системы хозяйства. Если этого не хотят сказать буржуазные ученые, то это должны сказать и доказать на практике социалистического земледелия советские ученые.

Также бесполезно и неубедительно утверждение другого автора на тему об эрозии почвы С. И. Сильвестрова. «Таким образом, будучи

¹ Ст. «Борьба с эрозией в земледельческих районах СССР» (указанный сборник, стр. 37).

в своей основе фактором физико-геологическим, эрозия в то же время является результатом хозяйственной деятельности и поэтому должна рассматриваться, как фактор природно-производственный¹.

Дело, конечно, не только в хозяйственной деятельности человека, а в том, в каких условиях, при каких производственных отношениях протекает эта хозяйственная деятельность. Правда, А. С. Козменко пытается исторически подойти к причинам и условиям развития современной эрозии, но, к сожалению, он причину подменяет следствием. Вряд ли кто станет отрицать, что в условиях бывшей царской России наибольшего развития процессы эрозии в земледелии достигли после реформы 1861 г. А. т. Козменко считает, что «условия единоличного землепользования дореволюционной России являлись главной причиной широкого развития процессов смыва и размыва на крестьянских наделных землях. Испещрявшая поля густая сеть границ землепользования служила идеальными каналами, переводившими мелкоструйчатый рассеянный сток поверхностных вод в сток громадными водными потоками, вызывавшими смыв и размыв пахотных склонов как в полосе, прилегающей к гидрографической сети, так равно и в этой последней»².

Безусловно, единоличное землепользование в дореволюционной России, с его бесчисленными межами, с отсталой, варварской агротехникой, с применением примитивных орудий труда представляло идеальные условия для усиления процессов эрозии. Но мало констатировать факты, надо их объяснить, показать причины, их породившие.

В. И. Ленин яркими бичующими словами рисует картину условий причин отсталости, дикости земледелия в дореволюционной России: «Русских крестьян господа благородные помещики «освобождали» так, что свыше пятой доли крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков. За свои, потом и кровью политые, крестьянские земли крестьяне были обязаны платить выкуп, то-есть дань вчерашним рабовладельцам. Сотни миллионов рублей этой дани крепостникам выплатили крестьяне, разоряясь все более и более. Помещики не только награбили себе крестьянской земли, не только отвели крестьянам худшую, иногда совсем негодную землю, но сплошь да рядом понаделали ловушек, то-есть так размежевали землю, что у крестьян не осталось то выпасов, то лугов, то леса, то водопоя»³.

Помещичий капиталистический произвол создал такие условия, при которых крестьяне были вынуждены распахать склоны гор и холмов и использовать малейшую возможность для выпаса скота, не задумываясь, что будет через 10—20 лет с этой землей, так как в противном случае им грозила голодная смерть. Внесением частичных улучшений в свое хозяйство помещики и кулаки не могли обеспечить прогресс земледелия во всей стране. В дореволюционной России миллионы мелких и мельчайших крестьянских хозяйств, ограбленных помещиками и кулаками, не могли и мечтать о рациональном ведении сельского хозяйства с применением многополья и новейших достижений в области агрономии и агрохимии.

Крупнейший советский почвовед акад. В. Р. Вильямс говорил: «Если бы мы мысленно поставили себе вопрос — как раньше, в царской России, возделывали поле? — то ответы были бы такие: «Во-

¹ Ст. «Борьба с эрозией в системе правильной организации территории и хозяйства колхозов» (указанный сборник, стр. 58).

² Ст. «Борьба с эрозией в земледельческих районах СССР» (указанный сборник, стр. 38—39).

³ Ленин, Соч., т. XV, стр. 109.

первых, плохо, во-вторых, очень плохо и в-третьих, попросту не возделывали»¹.

Бывшая царская Россия не могла осуществить даже немногие элементарные основы агрономической науки, тем более не могла она применить специальные противоэрозионные мероприятия. И основное средство сельскохозяйственного производства — почва — усиленно разрушалось. В хищнической капиталистической эксплуатации заключается подлинная причина разрушения почв и всех современных процессов эрозии. Поэтому объяснять причину и анализировать условия процесса эрозии почв без учета общественных отношений нельзя.

В результате помещичье-капиталистического хозяйничания социалистическому земледелию осталось только в одной европейской части СССР больше 2 млн. га так называемых овражных земель и больше 7,5 млн. га смытых почв.

Октябрьская социалистическая революция, уничтожив капиталистическую систему производства, создала все предпосылки для приостановления, а затем и ликвидации процессов эрозии почвы. С победой колхозного строя коренным образом изменился также и характер использования почвы — важнейшего источника народного богатства. Организация крупного планового социалистического земледелия обеспечивает все условия для рационального ведения сельского хозяйства. Массовое внедрение передовой техники земледелия, многопольный севооборот и широкое применение агротехнических мероприятий делают возможным не только восстановление, но и систематическое, неуклонное повышение естественного плодородия почв.

Но недооценка разрушительной силы эрозии почвы со стороны наших земельных органов, и в первую очередь Наркомзема Союза и Наркомсовхозов, привела к тому, что процессы эрозии, несмотря на ликвидацию капиталистического способа производства, все еще продолжают развиваться, создавая в отдельных областях и краях нашего Союза серьезную угрозу социалистическому земледелию. Данные о масштабах и темпах распространения эрозии почв в СССР, накопленные в настоящее время, свидетельствуют о совершенно недостаточной борьбе наркоматов земледелия, земельных органов и МТС с почвенной эрозией.

В то же время ежегодные потери земельных площадей в СССР от одного только разрастания оврагов достигают 90 тыс. га (явление это характерно преимущественно для черноземной полосы). Таким образом, в течение года только в европейской части Союза из обрабатываемых земельных угодий выбывает из строя крупнейший земледельческий район.

В результате ветровой эрозии, развевания почв и наноса на них песка ежегодно по СССР около 146 тыс. га сельскохозяйственных угодий переходит в разряд бросовых, неудобных земель.

По подсчетам проф. А. М. Панкова, во время весеннего таяния снега с возделываемых полей в СССР смывается 260 млн. т почвы в год². «Учитывая, что в пахотном горизонте основных почв СССР содержится около 2% калия, 0,1% фосфора и 0,3% азота, легко видеть, что потери питательных веществ почвы достигают внушительных цифр — калия 5 200 тыс. т, фосфора 260 тыс. т, азота 780 тыс. т»³.

Если вспомнить, что в 1938 г. в почву было внесено 3 216 300 т минеральных удобрений, станет очевидным, что за один только весен-

¹ Вильямс, ст. «Наука и Стахановцы» в газ. «Московский Большевик» от 1 августа 1939 г.

² Ст. «Проблема почвенных эрозий в СССР» (указанный сборник, стр. 29).

³ (Соболев, Материалы экспедиции по Европейской равнине СССР за 1939 г. (в рукописи).

ний сток в результате эрозии наши почвы теряют необходимые для развития растений вещества — в пять раз больше, нежели их вносятся в виде минеральных удобрений.

В результате эрозии урожай зерновых и важнейших технических культур на смытых почвах значительно снижается. Достаточно проанализировать выборочную таблицу урожая, чтобы убедиться в этом.

Таблица 1

Урожай в колхозе «Парижская Коммуна» Верхнеднепровского района УССР по данным 1937 г.¹
(в ц с га)

Название культуры	На несмытых почвах	На слабо смытых почвах (смыто 10 см)	На средне смытых почвах (смыто 25 см)	На сильно смытых почвах (смыто 40 см)
Пшеница озимая	21,2	8,0	3,6	1,6
Пшеница яровая	12,8	3,6	2,4	0,8
Рожь	12,8	6,0	2,8	1,6
Ячмень	9,2	6,8	3,2	2,4
Кукуруза	20,5	10,4	3,9	3,4
Подсолвечник	12,3	7,13	3,5	1,5

Таблица 2

Урожай на эродированных и неэродированных почвах в Крымской АССР²

Название села	Почвы	Урожай зерновых (в ц/га)		
		озимая пшеница	ячмень	овес
Конрад	Несмытые	14,2	8,5	8,5
	Смытые	8,5	5,1	7,25
Надежда	Несмытые	11,7	5,4	4,7
	Смытые	2,9	1,4	1,2
Цюрихтель	Несмытые	11,2	6,9	7,3
	Смытые	4,1	2,8	2,7

Таблица 3

Процентный состав растений на пробной площади табака (Крым)³

Земли	Урожайные растения (в %)	Неурожайные (в %)
Несмытые почвы	82	18
Смытые почвы	16	84

Однако этим не ограничивается вред, приносимый эрозией социалистическому земледелию. Засуха, этот бич для ряда районов юга и юго-востока, при борьбе с эрозией почвы могла быть в значительной

¹ «Вестник АН СССР», № 4—5, 1939, стр. 136.

² Клепичин, ст. в сб. «Эрозия почв», изд. АН СССР, 1937 г., стр. 256.

³ Там же, стр. 255—256.

степени смягчена. Напоминаем, что при одном только снеготаянии значительная часть воды стекает с полей в реки. Применение хотя бы простейших противоэрозионных мероприятий могло бы уменьшить поверхностный сток с полей и влага, впитавшись в почву, дала бы повышенный урожай.

Очень ощутительно влияние эрозии на гидротехнические сооружения нашей страны. Так, водохранилище Ак-Су в Дагестане с бетонной плотиной высотой в 12 м полностью заилено продуктами эрозии в три года, а Штеровское водохранилище на реке Миус в Донбассе за пять лет заилено продуктами эрозии на 85⁰/₁₀₀. Не менее сильная угроза существует в связи с эрозией почвы для Днепрогэса, и такая же угроза встанет в будущем перед Куйбышевским гидроузлом, если не принять своевременно надлежащих мер.

Продуктами эрозии заиливаются наши реки, затоны. Ил и песок, сносимые в реки, вынуждают затрачивать ежегодно десятки миллионов рублей на дноуглубительные работы. Например, в навигацию 1938 г. затрачено на борьбу с заилием одних только затонов около 10 млн. руб. Известны также многочисленные факты, когда вследствие эрозии разрушаются дороги, удорожается строительство новых дорог.

Вот почему игнорировать процесс эрозии почв в нашей стране дальше нельзя, и борьба с ним должна носить общегосударственный характер. В настоящее время земельные органы, и в первую очередь Наркомзем Союза и Наркомсовхозов, должны широко использовать материалы комплексного изучения процессов эрозии почв в европейской части Союза ССР, полученные в результате работ экспедиции по Европейской части СССР.

На основе этих же материалов С. С. Соболев составил три карты (масштаб — 1 : 2 500 000): 1) карта частоты эрозионного расчленения; 2) карта глубины главных местных базисов эрозии; 3) почвенно-эрозионная карта.

Карты частоты эрозионного расчленения и глубины главных местных базисов эрозии составлены впервые в мире; почвенно-эрозионная карта составлена впервые в СССР. Конкретное значение этих карт очень велико. Так, карта частоты эрозионного расчленения, показывая густоту овражно-балочной сети, даст возможность точно учесть площадь земельных угодий, нуждающихся в противоэрозионных мероприятиях; например, в Ивановской области, вблизи Владимира-Суздальского, густота овражно-балочной сети достигает 1,1 км на 1 км² и имеет широту смытых почв вдоль балок до 60 м в обе стороны; площадь сильно и средне смытых почв здесь равняется около 13⁰/₁₀₀.

Карта глубины важнейших местных базисов эрозии определяет в первую очередь интенсивность эрозионных процессов. Так, например, районы с достаточной частотой эрозионного расчленения, но с глубиной местных базисов эрозии до 50 м, значительно менее подвержены смыву почв, тогда как овражно-балочная сеть, отличающаяся меньшей расчлененностью, но с глубиной местных базисов до 200—300 м, создает угрожающее положение для земледелия в этих районах.

Из сказанного видно, какое большое значение для социалистического земледелия имеет применение этих карт. Однако они имеют и более широкое народнохозяйственное значение в целом: например, они могут быть использованы для составления гидрогеологической карты Союза, для проектирования колхозных и межрайонных дорог.

Значение почвенно-эрозионной карты заключается прежде всего в

¹ Близняк и Поляков, Инженерная гидрология, 1939, стр. 177.

том, что она позволяет выделить области с наиболее сильно смытыми почвами. В то же время эта карта дает возможность направить противоэрозионные мероприятия прежде всего в районы наиболее угрожаемые.

В настоящее время мы можем смело утверждать, что в первую очередь нуждаются в противоэрозионных мероприятиях такие области, как Орловская, Тульская, Курская и частично Рязанская, Московская, Сталинградская, правобережье Дона, правобережье Волги, Горьковская область, Чувашия, особенно Куйбышевская область. Здесь эрозия создает угрозу заиления Куйбышевского гидроузла, куда по подсчетам д-ра Полякова, если не принять мер, будет стекать, примерно, 30—40 млн. т почв ежегодно.

Наконец, эти карты показывают районы, для которых характерны сильный плоскостной смыв и развитая овражная эрозия, т. е. районы, которые нуждаются в дополнительных мероприятиях: лесонасаждения, лесополосы, простейшие гидросооружения в вершинах и руслах оврагов.

В результате работ экспедиции удалось установить следующие закономерности в распространении процессов эрозии в европейской части Союза.

1) Смытые почвы и овраги наиболее распространены вблизи старых населенных пунктов по правым крутым (обычно выпуклым) берегам реки, где масштабы эрозии почв объясняются природными условиями и методами землепользования. Поскольку у главных водных путей были расположены древние города и села, близлежащие поля подверглись большой интенсивной обработке, без применения элементарнейших противоэрозионных мероприятий. Здесь процессы эрозии особенно разрушительны потому, что на выпуклых склонах крутизна нарастает вниз по уклону, масса стекающей воды увеличивается, а глубокие местные базисы эрозии обуславливают большую скорость стекающих струй. Эти склоны преобладают в западной половине среднерусской возвышенности, в северной части Приволжской возвышенности и на междуречье Дон—Донец. При такой форме склона, длиной в 300—600 м, как правило, резко выраженный смыв почв возникает в зависимости от типа почвы и экспозиции склона:

а) на черноземах и темносерых лесных почвах на южных склонах резко выраженный смыв почв начинается при крутизне в 5° ;

б) на подзолистых почвах, на серых и светлосерых оподзоленных почвах, на южных склонах резко выраженный смыв начинается уже с 3° ; на северных склонах смыв почвы начинается при крутизне склонов на $1—2^\circ$ больше;

в) при наличии прямых склонов в Чувашии, Марийской АССР, Татарии, Приволжской возвышенности смыв почв менее распространен, а на склонах длиной 500—600 м с крутизной в 3° резкий смыв начинается, примерно, от половины склона до начала нижней трети, где смыв сменяется аккумуляцией;

г) на вогнутых склонах, характерных для средней и южной части Приволжской возвышенности, сильно смытые почвы приурочены к верхним третям склонов, останцам, где вогнутые склоны переходят в выпуклую вершину;

д) при наличии сложных террасированных, вогнуто-выпуклых, вогнутых склонов с низкими горизонтальными террасами в нижних частях, где крутизна и длина склона играют уже меньшую роль, чем характер соотношения смежных частей склонов различной крутизны (например, если склон крутизной в 10° переходит книзу в склон с крутизой в 7° , то на склоне 10° происходит смыв, а на склоне 7° —отложения; если же склон крутизой в 7° переходит книзу в склон

в 10°, то смыв почв происходит на обеих частях склона, усиливаясь книзу).

Наличие естественных террас на склонах смягчает плоскостную эрозию и оказывает меньшее влияние на овражную эрозию.

Влияние экспозиции резко сказывается там, где преобладает смыв талыми водами. Здесь смытые почвы и овраги расположены на южных склонах. В районах с ливневым характером осадков экспозиция имеет меньшее значение и северные склоны смывает так же, как и южные¹.

Следовательно, при разработке и применении противоэрозионных мероприятий нам необходимо в первую очередь иметь в виду районы, где обрабатываемые участки подвержены наиболее сильному смыву с учетом перечисленных закономерностей.

Рекомендуя противоэрозионные мероприятия, мы исходим из широкой доступности их для колхозов и совхозов, поскольку эти мероприятия не требуют больших затрат и радикальной перестройки хозяйства, не вызывают сокращения земельных площадей, занятых зерновыми культурами.

В общих чертах эти мероприятия сводятся к следующим:

1) правильная организация территории колхозов и совхозов в эродированных районах при обязательном введении правильных севооборотов. Это должно обеспечить такое расположение основных угодий, пашен, сенокоса, площади лесов, а также полей севооборота и бригадных участков, которое позволило бы при максимальном использовании земельных угодий создать наибольшую противоэрозионную устойчивость территории хозяйства в целом. В то же время при размещении полевых полос, террас и пр. необходимо создать наилучшие условия для применения агротехники и механизации сельскохозяйственного производства. При этом необходимо длинные стороны бригадных участков в колхозах и производственных клеток в совхозах располагать поперек склона, что обеспечит возможность вспашки, культивации и т. п. также поперек склона. При таком способе обработки каждая борозда, каждый валик будут служить препятствием для эрозии. Обработка почвы поперек склона повысила урожай яровой пшеницы до 75% (Донбасс) и сахарной свеклы — до 32% (опыт Украинского института социалистического земледелия в 1938 г.);

2) правильный севооборот и применение агротехнических мероприятий должны предусматривать выделение в случае необходимости наиболее эродированных участков на крутых склонах под отдельные травопольные севообороты со значительным участием в них многолетних трав, при этом снегозадержание здесь необходимо проводить с учетом рельефа, обеспечивающего не только накопление снега на полях, но и впитывание талых вод в почву; система удобрений также должна разрабатываться с учетом степени смывности почв;

3) на сильно эродированных почвах необходимо такое террасирование склонов валами с широким основанием, которые не мешали бы механизированной обработке почвы, посеву, комбайновой уборке и не сокращали бы посевную площадь. Такое террасирование прекращает сток и эрозию почвы;

4) создание полевых полос древесных и кустарниковых в районе с расчлененным рельефом с учетом защиты полей не только от суховея, но и от эрозии может приостановить процессы эрозии почвы и создать возможность регулировать сток талых и ливневых вод. В то же время должны найти широкое применение русловые насаждения (в оврагах), посев трав, одернение как для приостановления

¹ Соболев, Материалы экспедиции по Европейской равнине СССР за 1939 г.

процессов эрозии, так и для использования смытых и размытых оврагами «бросовых» земель;

5) в руслах и вершинах оврагов необходимы гидротехнические сооружения, которые должны быть просты и широко доступны для наших колхозников: а) поперечные запруды; б) лотки; в) подпорные стенки, которые быстро прекратили бы рост оврагов, особенно в том случае, когда овраги угрожают усадьбам, дорогам и прочим важным хозяйственным объектам.

Все эти противоэрозионные мероприятия намечают лишь самые общие способы борьбы с эрозией почв. Но и эти, хотя далеко не полные, мероприятия по борьбе с эрозией почв помогут нашим колхозам и совхозам в их упорной, настойчивой борьбе за 8 млрд. пуд. хлеба.

Необходима скорейшая организация серьезной и развернутой работы по противоэрозионным мероприятиям в СССР, и в первую очередь — по линии Наркомзема Союза и Наркомсовхозов.

Народный доход СССР и основная экономическая задача

XVIII съезд ВКП(б) поставил перед нашей страной задачу — догнать и перегнать передовые капиталистические страны Европы и США в экономическом отношении. Решение этой задачи даст возможность сделать СССР самой богатой страной в мире и осуществить переход от социализма к коммунизму. «Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма к второй его фазе»¹.

В связи с основной экономической задачей СССР особое значение приобретает вопрос об измерении экономической мощности СССР. При решении этого вопроса нужно исходить из следующего сталинского определения экономической мощности страны: «Экономическая мощность промышленности выражается не в объеме промышленной продукции вообще, безотносительно к населению страны, а в объеме промышленной продукции, взятом в его прямой связи с размерами потребления этой продукции на душу населения. Чем больше приходится промышленной продукции на душу населения, тем выше экономическая мощность страны, и наоборот, чем меньше приходится продукции на душу населения, тем ниже экономическая мощность страны и ее промышленности»².

Одним из сводных показателей, отражающих экономическую мощность страны, является размер народного дохода на душу населения. Народный доход (или чистая продукция) есть часть валовой продукции, которая остается за вычетом стоимости потребленных в процессе производства средств производства.

Значение народного дохода как экономического показателя огромно. Он отражает размер фондов потребления и накопления страны, т. е. количество ресурсов, которыми располагает страна для личного потребления населения и для расширения производства.

Преимущества социалистической системы обеспечивают Советскому Союзу возможность увеличивать народный доход более высокими темпами, чем это имеет место в капиталистических странах при рассмотрении основных факторов роста народного дохода.

Народный доход увеличивается, во-первых, под влиянием роста занятой рабочей силы: чем больше рабочих занято на производстве, тем большую величину продукции и народного дохода они могут произвести. В капиталистических странах значительную часть населения составляет паразитический класс, не принимающий участия в общественном труде. Так, в США в 1930 г. крупная буржуазия составляла 7,9%, а в Германии в 1933 г. — 8,0% всего населения страны. Что

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 578—579.

² Там же, стр. 578.

же касается рабочих и крестьян, то значительная часть их в силу экономических законов капитализма лишена возможности трудиться. Безработица — неизменный спутник капиталистического города, аграрное перенаселение — спутник капиталистической деревни: в США в 1937 г. было по данным АФТ. безработных 9,0 млн. человек; половина всех фермеров США, по заявлению товарища министра земледелия Тэгуэла, представляет избыточное население.

Социалистическому обществу чужды безработица и аграрное перенаселение. Плановая система организации хозяйства дает возможность рационально использовать все наличные трудовые ресурсы. В этом огромное преимущество СССР перед капиталистическими странами.

Народный доход увеличивается также за счет роста производительности труда. Чем выше производительность труда, тем больше производится продуктов, тем больше по своему физическому объему народный доход страны. И в этом отношении преимущества СССР перед капиталистическими странами огромны.

Одним из условий повышения производительности труда является постоянное совершенствование техники и орудий производства. В капиталистических странах развитие новой техники сдерживается узкими рамками капиталистических отношений. В противоположность этому социалистические производственные отношения в СССР не только не препятствуют техническому прогрессу, а, наоборот, способствуют неуклонному развитию и усовершенствованию техники производства. По уровню техники производства СССР уже догнал и перегнал капиталистические страны. Но техника сама по себе мертва. Важнейшую роль в повышении производительности труда играют люди, их отношение к работе. В капиталистических странах рабочие не заинтересованы в повышении производительности труда, ибо это ведет в конечном счете только к обогащению капиталистов. Иное дело в СССР. Здесь рабочие трудятся на себя и на свое социалистическое государство. Они кровно заинтересованы в том, чтобы дать стране как можно больше продукции. Наиболее ярким проявлением социалистического отношения к труду служит стахановское движение. За один только 1936 г. — первый год стахановского движения — производительность труда выросла в СССР на 21%. Мы отстаем еще от передовых капиталистических стран по уровню производительности труда, но далеко опередили их по темпам роста производительности. За первую пятилетку производительность труда в промышленности СССР увеличилась на 41%, за вторую пятилетку она выросла на 82%. В то же время в США часовая выработка рабочего в обрабатывающей промышленности увеличилась с 1928 по 1937 г. всего на 18,6%; часовая выработка одного рабочего в Германии повысилась по всей промышленности с 1928 по 1935 г. на 25—31%.

Наконец, фактором, способствующим быстрому росту народного дохода, является также экономия средств производства. При рациональном использовании основных и оборотных фондов сокращаются затраты прошлого труда на единицу продукта, повышается производительный общественный труд, а тем самым растет и народный доход страны.

Кооперация труда при капитализме происходит на основе чуждой рабочему собственности, расточение которой несколько не затрагивает его интересов. Отдельные капиталисты принуждают рабочих своих предприятий экономно расходовать сырье, топливо и т. д. Но в целом капиталистическая система — это система расточительства. Расточительство есть прямое следствие капиталистической анархии производства. Периодическое уничтожение огромных материальных

ценностей в годы экономических кризисов — такова характерная особенность капиталистического способа производства.

Совершенно иначе обстоит дело на наших фабриках, которые являются социалистической собственностью. Экономное расходование средств производства служит здесь предметом социалистического соревнования между рабочими, которые заинтересованы в бережном отношении к общественной собственности. Огромные преимущества СССР в рациональном использовании средств производства и повышении за счет этого народного дохода непосредственно вытекают из планового характера нашей экономики, которая не знает ни анархии, ни экономических кризисов. Плановое распределение материальных ценностей между предприятиями и отраслями народного хозяйства в целом устраняет расточительство, неизбежное в условиях капитализма.

Преимущества социалистического хозяйства перед капиталистическим определяют собой исключительно высокие темпы роста народного дохода СССР (см. табл. 1).

Таблица 1
Динамика народного дохода СССР в ценах 1926/27 г.

Г о д ы	Размер народного дохода (в млрд. руб.)	В % к предыдущ. году	В % к 1913 г.
1913	21,0	—	—
1921	8,0	—	38,1
1924/25	16,8	—	80,0
1926	21,7	—	103,3
1927	23,0	106,0	109,5
1928	25,0	108,7	119,0
1929	28,9	115,6	137,6
1930	35,0	121,1	166,7
1931	40,9	116,9	194,8
1932	45,5	111,2	216,7
1933	48,5	106,6	231,0
1934	55,8	115,1	265,7
1935	66,5	119,2	316,7
1936	86,0	131,3	409,5
1937	96,3	112,0	458,6
1938 (предв.)	105,0	109,0	500,0

Народный доход СССР в 1938 г. по сравнению с 1913 г. увеличился в пять раз. Это — огромный рост, если принять во внимание, что указанный период включает также годы империалистической и гражданской войн, годы хозяйственной разрухи, в течение которых происходило катастрофическое падение народного дохода.

В 1921 г., т. е. к концу гражданской войны, народный доход составлял всего 8 млрд. руб., или 38,1% довоенного уровня. В 1926 г. объем народного дохода СССР уже превысил уровень 1913 г. К началу первой пятилетки — 1928 г. — народный доход СССР составлял 119% по отношению к уровню 1913 г., а за годы первой пятилетки он увеличился почти в два раза. В 1932 г. народный доход СССР составил 182% по отношению к 1928 г. и 217% — к 1913 г.

Еще более быстрыми темпами увеличивался народный доход в годы второй пятилетки. В результате осуществления второго пятилетнего плана в СССР в основном построено социалистическое общество — первая фаза коммунизма. Окончательно уничтожены эксплуататорские классы. Социалистическая форма производства стала безраздельно господствовать во всех отраслях народного хозяйства страны. Удельный вес продукции социалистических предприятий в валовой

продукции промышленности составил в 1937 г. 99,8%; в сельском хозяйстве совхозы и колхозы (включая личное подсобное хозяйство колхозников) дали 98,6% валовой продукции. Товарооборот целиком сосредоточен в руках государства и кооперации.

В результате этих побед социализма к концу второй пятилетки весь народный доход СССР, за исключением незначительной его доли, производился в социалистическом хозяйстве. В 1937 г. удельный вес социалистического хозяйства в народном доходе составил 99,1%.

В течение второй пятилетки СССР успешно завершил техническую реконструкцию народного хозяйства. На этой основе быстрыми темпами росла продукция различных отраслей. Валовая продукция промышленности в 1937 г. увеличилась по сравнению с 1932 г. на 120,6%, валовая продукция сельского хозяйства — на 53,9%; объем капитальных вложений был во второй пятилетке на 172,2% выше, чем в первой пятилетке; на 109,6% увеличилась перевозка грузов по железным дорогам и на 31,9% — по речному транспорту; товарооборот вырос за годы второй пятилетки в 3 раза (на 200,4%). Благодаря бурному подъему всех отраслей народного хозяйства народный доход СССР вырос с 1932 по 1937 г. с 45,5 млрд. до 96,3 млрд. руб. (в ценах 1926/27 г.), т. е. в два с лишним раза. Главная роль в повышении народного дохода СССР за годы второй пятилетки принадлежит производительности труда.

Приводимые ниже цифры (см. табл. 2) показывают роль отдельных факторов в росте народного дохода.

Таблица 2

Факторы роста народного дохода СССР за 1935—1937 гг.

	1935	1936	1937
Народный доход СССР (в млрд. руб. в ценах 1926/1927 г.)	66,5	86,0	96,3
Рост народного дохода социалистических предприятий СССР за счет увеличения отработанного времени (в % к общей сумме прироста)	—	11,9	11,5
Рост народного дохода в социалистических предприятиях за счет повышения производительности труда и экономии на материальных затратах (в % к общей сумме прироста)	—	88,1	88,5

Таким образом с 1935 по 1937 г. народный доход, произведенный на социалистических предприятиях, увеличился почти на девять десятых за счет повышения производительности общественного труда.

Анализ динамики народного дохода СССР показывает неуклонный быстрый рост его на всех этапах социалистического строительства. Если сравнить динамику народного дохода СССР и других стран, то станет очевидным, что по темпам роста народного дохода СССР на много опередил передовые капиталистические страны (см. табл. 3).

С 1913 по 1937 г. народный доход СССР, как показывает приводимая здесь таблица, вырос в 4,6 раза. За годы двух сталинских пятилеток народный доход СССР увеличился почти в 4 раза. Посмотрим, что произошло за это время с народным доходом передовых капиталистических стран: США и Германии.

По данным «Survey of Current Business», VI. 1938 народный доход США в 1937 г. еще не достиг уровня 1929 г., составив по отношению к этому году лишь 86,2% в текущих ценах. Мы сделали пересчет народного дохода США по индексу стоимости жизни в ценах 1929 г.

Т а б л и ц а 3

Динамика народного дохода СССР, США и Германии

	1913 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
СССР											
Народный доход в млрд. руб., в ценах 1926/27 г.	21,0	25,0	28,0	35,0	40,9	45,5	48,5	55,8	66,5	83,0	96,3
В % к 1929 г. . . . . США	72,7	83,5	100	121,1	141,5	157,4	167,8	193,1	230,1	297,6	333,2
Народный доход в млн. долл. (по официальным данным), в ценах соответствующих лет	33 993	84 119	81 084	67 917	53 584	39 545	41 742	48 307	52 959	63 436	69 817
В % к 1929 г.	41,2	103,8	100	83,8	66,1	48,8	51,5	59,7	65,4	78,3	86,2
Народный доход в млн. долл., в ценах 1929 г.	—	83 701	81 084	70 307	61 520	50 829	55 805	61 030	64 139	74 830	78 979
В % к 1929 г.	—	103,2	100	86,7	75,9	62,7	68,9	75,3	79,2	92,5	97,5
Народный доход в млн. долл., без учета государственного аппарата и сферы услуг, в ценах соответствующих лет	—	—	55 879	—	—	—	25 606	—	33 388	—	45 102
В % к 1929 г.	—	—	100	—	—	—	45,8	—	50,8	—	80,7
Народный доход в млн. долл., без учета государственного аппарата и сферы услуг, в ценах 1929 г.	—	—	55 879	—	—	—	34 232	—	40 470	—	51 020
В % к 1929 г.	—	—	100	—	—	—	61,3	—	72,4	—	91,3
Германия											
Народный доход в млн. рейхсмарок в ценах соответствующего года (по официальным данным)	45 688	76 373	75 849	70 223	57 458	45 175	46 514	52 710	58 622	64 940	70 972
В % к 1928 г.	60,6	100	100,8	93,2	76,2	59,9	61,7	69,9	77,8	86,2	94,2
Народный доход в млн. рейхсмарок в ценах 1928 г. (по официальным данным)	69 323	75 373	74 812	71 928	64 041	53 824	59 704	66 028	72 301	79 128	85 985
В % к 1928 г.	92,0	100	99,3	95,4	85,0	75,4	79,3	87,5	95,9	105,0	114,1
Народный доход, без учета государственного аппарата и сферы услуг, в млрд. рейхсмарок, в ценах соответствующего года	38,6	55,5	—	—	—	32,4	31,5	—	—	44,1	48,1
В % к 1928 г.	60,6	100	—	—	—	58,4	53,8	—	—	79,5	80,7
Народный доход, без учета государственного аппарата и сферы услуг, в млрд. рейхсмарок в ценах 1928 г.	51,0	55,5	—	—	—	49,7	40,5	—	—	53,7	58,3
В % к 1928 г.	91,9	100	—	—	—	73,3	73,0	—	—	93,8	105,1

В объем народного дохода в США включается не только чистая продукция материальных отраслей производства, как это имеет место в СССР, но и доходы государственного управления, сферы услуг и т. д. Правда, последние в некоторой своей части содержат элемент чистой продукции отраслей материальной сферы производства, что усложняет приведение данных о народном доходе США в сопоставимый вид с данными о народном доходе СССР.

В целях определения народного дохода США, создаваемого в материальных отраслях производства, мы исключили из официальных данных его объеме доходы государственного управления и сферы услуг, выделенные в последних элементах чистой продукции материального производства. Так, из доходов государственного управления нами была выделена чистая продукция почты; из доходов по «сервису» — чистая продукция ресторанов, креслин, предприятий химической чистки, предприятий по ремонту автомобилей, радио, лифтов, часов и т. д.; из доходов «разных отраслей» мы вывели чистую продукцию розничной торговли (самостоятельно) и торговли продуктами. Значительная часть доходов «разных отраслей» мы исключили из расчета, так как они относятся к чистой продукции государственного управления и сферы услуг и отнесены к чистой продукции соответствующих отраслей материального производства, исключенная нами из доходов государственного управления и сферы услуг и отнесенная к чистой продукции соответствующих отраслей материального производства, равняется 1 572 млн. долл. Кроме того, к чистой продукции соответствующих отраслей материального производства, равняется 1 572 млн. долл. Кроме того, к чистой продукции соответствующих отраслей материального производства, равняется 1 572 млн. долл. Кроме того, к чистой продукции соответствующих отраслей материального производства, равняется 1 572 млн. долл.

Официальные данные о народном доходе США взяты: за 1918 и 1928 гг. из книги King'a «The National Income and Its Purchasing Power», 1930, p. 74; за 1929—1935 гг. — из «National Income in the U. S.», Washington 1936; за 1936—1937 гг. из «Statistisches Jahrbuch für das deutsche Reich», 1938. За народный доход Германии без учета государственного аппарата и сферы услуг, в ценах 1928 г., принят исчисленный Берлинским конъюнктурным институтом объем потребления и накопления вещественных благ (см. «Wochenbericht» Nr. 4, 1939). Перевод объема потребления и накопления в текущие цены произведен по индексу стоимости жизни.

Включая Саарскую область.

Оказалось, что в неизменных ценах народный доход США в 1937 г. стоит ниже уровня 1929 г., составляя по отношению к этому году 97,5%.

Если мы обратимся далее к динамике чистой продукции материальных отраслей производства, которая является показателем, сопоставимым с народным доходом СССР, то увидим, что фактически рост народного дохода США был еще меньшим. Здесь мы сталкиваемся с очень интересным явлением, характерным для динамики народного дохода капиталистических стран в годы кризиса и депрессии особого рода. Оказывается, что в капиталистических странах падение народного дохода, создаваемого в материальных отраслях производства, в годы кризиса было значительно большим, а рост его в годы депрессии особого рода был значительно меньшим, чем можно судить об этом на основе официальных данных, включающих наряду с чистой продукцией материального производства также и производные доходы. Так, по официальным данным департамента торговли, народный доход США в 1933 г. составлял по отношению к уровню 1929 г. 51,5%, а в 1935 г.—65,4%. Сравнивая с этими цифрами данные о динамике народного дохода, создаваемого в материальной сфере производства, мы видим, что в 1933 г. народный доход США составлял по отношению к уровню 1929 г. только 45,8%, а в 1935 г.—59,8%. Расхождение между динамикой народного дохода США с учетом государственного аппарата и сферы услуг и динамикой чистой продукции материальных отраслей производства показывает, что за годы кризиса так называемые производные доходы, получаемые лицами, занятыми в государственном аппарате и сфере услуг, доходы рантье и всякого рода финансовых дельцов сократились значительно меньше, чем чистая продукция материальных отраслей производства.

Эти структурные сдвиги в народном доходе США, происшедшие после 1929 г., наглядно видны даже при грубом расчете удельного веса чистой продукции материальных отраслей производства в общем объеме народного дохода, с учетом государственного аппарата и сферы услуг. Мы произвели такой расчет на основе данных, опубликованных в «Survey of Current Business» VI. 1938. В итоге получили следующие цифры (см. табл. 4):

Таблица 4

Удельный вес чистой продукции материальных отраслей производства и производных доходов в народном доходе США

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Удельный вес чистой продукции материальных отраслей производства	64,0	60,6	56,0	49,7	55,0	56,6	58,0	58,7	59,7
Удельный вес производных доходов	26,0	39,4	44,0	50,3	45	43,4	42,0	41,3	40,3

Как видно из приведенной таблицы, начиная с 1930 г. удельный вес чистой продукции материальных отраслей производства в народном доходе США снижается и достигает наименьшего размера в последний год мирового экономического кризиса 1929—1932 гг. В годы особой депрессии удельный вес чистой продукции материальных отраслей производства повышается, однако вплоть до 1937 г. он не дости-

гает уровня предкризисного периода. В противоположность этому удельный вес производных доходов в общем объеме народного дохода США значительно повышается в годы кризиса и несколько снижается в период депрессии особого рода. Повышение удельного веса производных доходов объясняется тем, что они в значительной своей части включают фиксированные доходы (доходы государственных служащих, ренты и т. д.), которые менее подвержены колебаниям под действием хозяйственных конъюнктур, нежели чистая продукция материального производства.

Учитывая эти особенности в движении народного дохода США, мы приблизительно исчислили объем чистой продукции материальных отраслей производства в 1937 г. По нашим расчетам, он равняется примерно 51 млрд. долл. (в ценах 1929 г.), или 91,3% по отношению к уровню 1929 г. Таким образом, и в 1937 г. народный доход США без учета производных доходов еще не достиг уровня 1929 г.

Аналогичную картину мы наблюдаем, рассматривая динамику народного дохода Германии. По официальным данным, народный доход Германии (в ценах 1928 г.) вырос в 1937 г. по сравнению с 1928 г. на 14,1%. Однако в народном доходе Германии, так же как и в США после 1929 г., повышается удельный вес производных доходов (см. табл. 5).

Таблица 5

Удельный вес чистой продукции материальных отраслей производства и производных доходов в народном доходе Германии

	1928 г.	1932 г.	1933 г.	1936 г.	1937 г.
Удельный вес чистой продукции материальных отраслей производства	73,6	71,7	67,7	67,9	67,8
Удельный вес производства доходов	26,4	28,3	32,3	32,1	32,2

Особенностью движения народного дохода Германии, как можно судить по приведенной таблице, является то, что удельный вес производных доходов, повысившийся за годы кризиса, не обнаруживает тенденции к снижению в годы депрессии особого рода; он остается стабильным вплоть до 1937 г.

Народный доход Германии за вычетом производных доходов увеличился в 1937 г. по сравнению с 1928 г. всего на 5%, т. е. почти остался стабильным.

Итак, в то время как народный доход СССР вырос за период с 1929 по 1937 г. в 3,3 раза, народный доход двух передовых капиталистических стран оказался в одном случае ниже уровня 1929 г., а в другом — немногим выше этого уровня. Темпы роста народного дохода СССР беспримерны. Ни одна капиталистическая страна не знала такого быстрого роста народного дохода. Известно, что в царской России он в предвоенный период возрастал более высокими темпами, чем в старых капиталистических странах Европы. Между тем за 13 лет (с 1900 по 1913 г.) народный доход царской России, по исчислениям буржуазного экономиста Прокоповича, увеличился по своему физическому объему всего на 39,4%¹. В США наиболее быстрым темпом народный доход возрастал в период с 1880 до 1890 г. Однако

¹ «Опыт исчисления народного дохода 50 губ. Европейской России в 1900—1913 гг.», под ред. Прокоповича, стр. 68.

за это десятилетие он вырос всего в два раза: с 7,9 млрд. долл. (в ценах 1913 г.) до 15,0 млрд. долл., в то время как народный доход СССР увеличился за десятилетие — с 1928 по 1938 г. — в четыре с лишним раза.

Высокие темпы роста народного дохода СССР наглядно показывают преимущества социалистической системы хозяйства перед капиталистической, историческую неизбежность победы социализма над капитализмом.

На Первом всесоюзном совещании стахановцев товарищ Сталин сказал: «Почему капитализм разбил и преодолел феодализм?.. Потому, что он сделал общество более богатым. Почему может, должен и обязательно победит социализм капиталистическую систему хозяйства? Потому, что он может дать более высокие образцы труда, более высокую производительность труда, чем капиталистическая система хозяйства. Потому, что он может дать обществу больше продуктов и может сделать общество более богатым, чем капиталистическая система хозяйства»¹.

В 1937 г. капиталистические страны вступили в полосу нового экономического кризиса. В это время наша страна, успешно завершив вторую пятилетку, приступила к осуществлению грандиозной программы третьего пятилетнего плана. «...СССР вступил в третьем пятилетии в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму...»².

Темпы роста народного дохода в третьей пятилетке остаются по-прежнему высокими. В 1942 г. объем народного дохода СССР должен составить свыше 173 млрд. руб. (в ценах 1926/27 г.). Таким образом, за годы третьей пятилетки народный доход СССР будет увеличен в 1,8 раза. За первый год третьей пятилетки он вырос на 8,7 млрд. руб. (в ценах 1926/27 г.), или на 9⁰%, составив 105 млрд. руб.

Рост народного дохода в третьей пятилетке должен обеспечить высокие темпы накопления в народном хозяйстве, укрепление обороноспособности страны, создание необходимых государственных резервов, а также повышение в полтора-два раза материального уровня трудящихся СССР.

В свете решения основной экономической задачи СССР особое значение приобретает вопрос о производстве народного дохода на душу населения в сравнении с передовыми капиталистическими странами.

В царской России (в границах СССР) в 1913 г. при 139 млн. населения сумма народного дохода была ниже, чем в Германии, население которой составляло 67 млн. человек. Народный доход России в 1913 г. был равен примерно 14 млрд. руб.³, а народный доход Германии, по приблизительным подсчетам, составлял в это время около 34 млрд. марок в ценах 1913 г. Эти цифры как нельзя лучше характеризуют отсталость и бедность царской России по сравнению с передовыми капиталистическими странами.

В СССР за годы социалистического строительства народный доход неизмеримо вырос. В 1938 г. он превысил довоенный уровень ровно в пять раз.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 494.

² Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюция XVIII съезда ВКП(б), стр. 11.

³ Перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 гг., Госплан СССР, 1928, стр. 12.

Таблица 6

Народный доход СССР, США и Германии в млрд. руб., в ценах 1926/27 г.¹

Страны	Годы	Народный доход	В % к народному доходу СССР
СССР	1937	96,3	100,0
США	1929	206,8	214,7
Германия	1937	51,5	53,5

Как показывает таблица 6, в 1937 г. народный доход СССР почти в два раза превосходил народный доход Германии за тот же год и составлял немногим меньше половины народного дохода США в 1929 г.

Увеличилось за эти годы производство народного дохода СССР и на душу населения. В царской России в 1913 г. народный доход на душу населения составлял 151 руб., а в СССР в 1938 г.—616 руб., т. е. в четыре раза больше.

Характерно, что в ряде передовых капиталистических стран производство народного дохода на душу населения за это время не увеличилось. В Германии, например, по официальным данным, народный доход на душу населения только в 1937 г. достиг уровня 1913 г. В Англии, по данным буржуазного экономиста Прокоповича, рост народного дохода на душу населения приостановился еще задолго до мировой войны, около 1900 г. Как и полагается буржуазному экономисту, Прокопович объясняет прекращение роста народного дохода в капиталистических странах «истощением естественных богатств». «Оправдались,—пишет он,—пессимистические предсказания Мальтуса, Рикардо и Милля, что истощение природных богатств и убывающая производительность последовательных затрат труда и капитала в сельском хозяйстве должны привести в конце концов, несмотря на весь рост технических знаний и национального капитала, к остановке в росте народного дохода и затем его падению»². В действительности же основная причина замедления темпа, а в ряде случаев даже приостановки роста народного дохода в капиталистических странах не в истощении природных богатств, а в превращении капиталистической системы организации производства из прогрессивной в регрессивную. И не случайно замедление роста народного дохода в старых капиталистических странах совпадает с периодом их вступления в эпоху империализма, в эпоху загнивающего капитализма. Именно с этого момента факторы, противодействующие росту народного дохода, достигают такой силы, которая делает невозможным сохранение прежних темпов роста народного дохода. К этим факторам относятся увеличение безработицы и непроизводительного населения, замедление технического прогресса и роста производительности труда, постоянно возрастающее расточительство материальных ценностей, в особенности во время экономических кризисов и империалистических войн. Темп роста народного дохода в капиталистических странах все более и более замедляется.

¹ Настоящий расчет произведен нами на основе данных об уровне цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства в СССР, США и Германии. На основе этих данных мы перевели в единые цены чистую продукцию промышленности и сельского хозяйства. Чистая продукция остальных отраслей народного хозяйства переведена в единые цены путем деления чистой продукции каждой отрасли на средневзвешенный индекс цен продукции промышленности и сельского хозяйства.

² Прокопович, Народный доход западноевропейских стран, Госуд. изд-во, 1930, стр. 48.

Однако по сравнению с передовыми капиталистическими странами СССР еще значительно отстает по душевым нормам производства народного дохода (см. табл. 7).

Таблица 7

Производство народного дохода на душу населения в СССР, США и Германии

Страны	Годы	В неизменных рублях на одного человека	В % к СССР
СССР	1937	566	100
США	1929	1 702	300,7
Германия	1937	760	134,3

Как видим, в 1937 г. в СССР приходилось на душу населения в 1,3 раза меньше народного дохода, чем в Германии, и в 3 раза меньше, чем в США в 1929 г.

Наша страна имеет все возможности для того, чтобы догнать и перегнать передовые капиталистические страны по душевым нормам производства народного дохода в ближайшие 10—15 лет. Когда будет разрешена эта задача, СССР станет самой богатой страной в мире. Тем самым будет создана крепкая основа для перехода от распределения по труду к распределению по потребностям, для перехода от социализма к коммунизму.

А. МАЛЫШЕВ

На статистическом фронте¹

Разработка актуальнейших для практики социалистического строительства проблем статистики требует, чтобы были разрешены основные методологические вопросы: 1) о так называемой «статистической закономерности», 2) о законе больших чисел, 3) о количестве и качестве в статистике, о средних и о группировках, 4) о статистически организованном учете и 5) об историчности статистической науки. Без разработки этих важнейших основ статистической науки, без правильного, марксистско-ленинского освещения их трудно разрешать частные проблемы статистики. На этих пяти основных общеметодологических вопросах статистической теории мы и хотим остановиться в нашей статье.

* * *

Идеалистические извращения в теории статистики заключались, в частности, в том, что так называемая «статистическая закономерность» изображалась как абстрактный закон чисел, выражаемый в «вечных» математических формулах. Под этот «закон» пытались подгонять живую действительность.

Материальным же объектом статистической науки являются реальные массовые закономерности природы и общества. Эти закономерности выступают как преобладающие элементы в массе явлений при возможном (но не обязательном) взаимопогашении случайных отклонений. Например, на производстве рабочие осваивают и перевыполняют нормы. Этого нельзя обнаружить на одном-двух примерах, но это становится ясным, когда мы берем данные о выработке тысячи и более рабочих нескольких заводов.

Законы природы и общества, не обнаруживающиеся в единичном явлении, а вскрывающиеся в массе явлений, как прочное и постоянное, изучаются при помощи статистики, свойственными ей методами. Но это не особый закон чисел. Это — соответственные экономические, социальные (для общества), физические, химические и пр. (для природы) законы, которые обнаруживаются не методом логической абстракции, не методом анализа состава одного элемента или связи двух элементов, а путем анализа массовых явлений и процессов.

---

¹ От редакции: Редакция вводит на страницах журнала специальный раздел, посвященный теоретическим проблемам экономической статистики. Редакция приглашает экономистов и статистиков присылать статьи для этого отдела, в частности просит высказаться по проблемам, затронутым автором настоящей статьи.

Попытка конструировать абстрактную, оторванную от реальной жизни, особую статистическую закономерность вытекает из непонимания того, что социалистическая, плановая экономика по-иному отражается и в статистике. Объектом буржуазной статистики является капиталистическое стихийное хозяйство, а объектом советской статистики — социалистическое, плановое. Но советская статистика отличается от буржуазной не только этим, а и самым содержанием категорий статистики.

Например, в буржуазном обществе для характеристики корреляционных связей в статистике достаточно (как и в алгебре, когда анализируется зависимость результата от одного фактора при наличии ряда факторов) принять все факторы влияния, кроме исследуемого, за постоянную величину, потому что в стихийном процессе влияние всех факторов действительно элиминируется.

В социалистическом обществе при исследовании влияния одного фактора на общий результат (например, при анализе влияния глубины вспашки на урожайность) нужно элиминировать значение всех других факторов путем определения их средних значимостей для всех случаев. Полученные реальные средние и следует принимать за данные.

Мы привели только один пример изменения природы категорий статистики, но таких примеров можно привести много.

Указанная нами трактовка объекта статистической науки ничего общего не имеет с идеалистической «статистической закономерностью», которая до последнего времени проповедывалась в литературе. Только на базе приведенной выше материалистической трактовки объекта статистики — массовой закономерности — может плодотворно развиваться советская статистическая наука.

Вопрос об объекте статистики обойден как в новом издании учебника Ястремского и Боярского, так и в только что вышедшем учебнике «Курс общей теории статистики» проф. Некраш (Госпланиздат, 1939 г.). Отсутствует в этих работах и критика так называемой «статистической закономерности». Это свидетельствует о недопустимой для советских ученых боязни по-новому ставить основные методологические вопросы в области статистики. Ряд работников до сих пор стоит на ошибочных позициях.

В учебнике «Курс общей теории статистики» проф. Некраш, не определив материального содержания объекта статистики, невольно скатывается по существу к идеалистической трактовке предмета статистики, определяя его как «весь круг операций, связанных с получением обобщающих количественных показателей для характеристики закона, лежащего в основе множества индивидуальных проявлений какого-либо единого материального процесса» (стр. 15). Для того, чтобы ярче подчеркнуть, что проф. Некраш определяет предмет статистики, исходя из задач, которые ставит субъект, проводящий статистическое наблюдение, а не из материального содержания объекта его, достаточно привести следующее положение автора: «...для статистического учета характерно, что он особенное внимание уделяет тем случаям, когда непосредственное прямое, количественное обобщение качественных особенностей явления невозможно» (там же, разрядка моя.— А. М.).

Если сегодня открыто не пропагандируется идеалистическая «статистическая закономерность» как абстрактный закон чисел и цифр, то в литературе мы еще встречаем идеалистическое толкование отдельных категорий статистики. Это получает свое выражение в стохастической, формально-математической трактовке закона больших чисел; в идеалистической трактовке средних; в разрыве между учетом и

статистикой и в «надисторическом» толковании категорий статистики.

* * *

Одним из многих орудий научного статистического познания действия законов, обнаруживающихся в массе явлений, служит закон больших чисел. Однако совершенно неправильно считать, что действие этого закона осуществляется лишь в таких массовых совокупностях, где происходит взаимопогашение случайных отклонений. Такая трактовка суживает поле действия закона больших чисел, так как в планируемых процессах, как правило, нет взаимопогашающихся отклонений, нет ни равенства отклонений в обе стороны, ни равнозначности этих отклонений.

В самом деле, в таком, например, массовом процессе советской действительности, как борьба миллионов людей за перевыполнение плана, нельзя считать стахановца отклонением от «среднего» рабочего. Тем более нельзя считать, что работа стахановцев «взаимно погашается» бездельем незначительной категории людей, которые лодырничают и занимаются рвачеством. Возьмем среднее выполнение плана по какой-нибудь отрасли народного хозяйства. Это несомненно массовый процесс. Анализируя выполнение плана, мы обнаружим ряд предприятий, перевыполнивших его; здесь развито стахановское движение. В то же время некоторые предприятия не выполнили плана. Что же, исходя из стохастической трактовки закона больших чисел, надо считать, что вторая группа предприятий состоит из лодырей? Разве для плановой советской социалистической экономики закономерно это так называемое «отклонение» вниз от выполнения плана, т. е. его невыполнение? По стохастической трактовке закона больших чисел выходит, что как закономерно стахановское движение, дающее ряду предприятий возможность перевыполнять план, так закономерно и невыполнение его некоторыми предприятиями, а в среднем, мол, план будет выполнен или даже перевыполнен.

Толкование закона больших чисел как закона взаимопогашения отклонений наиболее ярко сформулировано в следующем положении: «Суть закона больших чисел заключается в том, что в средней величине взаимно погашаются случайные отклонения по мере увеличения их количества»¹.

Но из такого понимания вытекает, что как закономерно отклонение от плана вверх, так закономерно отклонение и вниз. А это карикатура на социализм. Для нашего общества характерно равенство передовых. Невыполнение плана одними является не выражением законного отклонения, уравновешивающего перевыполнение его другими, а нарушением закона, вытекающим из плохой работы, из наличия пережитков старого общества и пр. Антиленинская трактовка закона больших чисел исходит из «статистической закономерности» как надисторического закона чисел и цифр. Как и все законы, закон больших чисел в разных условиях проявляется по-разному. В условиях капитализма он проявляется лишь при взаимопогашении случайных отклонений, но в качественном отношении равнозначных. В социалистической же экономике для закона больших чисел вовсе не обязательно взаимопогашение отклонений. По этому закону подавляющая часть единиц совокупности характеризует направление развития всей совокупности. Эта подавляющая, часто все возрастающая, часть

¹ Проф. Ястребский, проф. Боярский и др., Курс теории статистики, изд. Союзгосгучста, 1938, стр. 438.

элементов совокупности обнаруживает закон планового социалистического развития. Так, например, из данных, характеризующих работу большинства рабочих, мы обнаруживаем, что в советской действительности закономерно происходит процесс освоения техники рабочими и, следовательно, выполнение и перевыполнение норм. Другой пример: на основании цифровых данных о развитии животноводства в большинстве колхозов мы можем говорить о росте общественного животноводства в колхозах; по росту выработки трудодней в большинстве колхозов обнаруживается как закономерность процесс непрерывного укрепления социализма в деревне. Данные обратного порядка не являются законом для советской экономики, они свидетельствуют о наших недоделках. Выявление недостатков необходимо для того, чтобы были быстро приняты меры к их ликвидации.

Из приведенных примеров видно, что эти так называемые «отклонения» вовсе не являются законными отклонениями. Рост стахановского движения закономерен для социализма, а отдельные пережитки старого общества (неорганизованность, лодырничество и пр.) не характерны для нашего строя.

Очевидно, только неразработанностью вопроса о действии закона больших чисел в социалистической экономике можно объяснить то, что у нас проводится очень много сплошных обследований, громоздких и дорого стоящих, и в то же время осуществляется чрезвычайно мало выборочных обследований.

Математические формулы закона больших чисел — важнейший математический инструмент, пользоваться которым дозволено любой науке. Однако закон больших чисел не может быть основой статистики. Никто не спорит о том, что математика применима в статистике. Вопрос только в том, чтобы не превратить статистику в систему математических формул, под которые подгоняется реальная жизнь. Это будет уже разновидностью идеализма, с которой надо бороться.

Авторы учебника «Курс теории статистики» и в последнем издании (1938 г.) никак не могут расстаться с идеализмом. Внешне отвергая идеалистическую «статистическую закономерность», они все же протаскивают ее сквозь все категории статистики. Правда, главные категории статистики строятся в этом издании учебника уже без закона больших чисел. Наблюдения, группировки, средние, являющиеся, по мнению авторов, главным в статистике, а также индексы — все излагается ими до закона больших чисел. Только выборочный метод, вариационные ряды, измерение связи и ряды динамики излагаются авторами после главы о законе больших чисел. Но авторы, как и все сторонники стохастической теории, продолжают утверждать, что основой, сердцевинной советской статистики является стохастически трактуемый закон больших чисел. Это — завуалированная проповедь универсальной, все подчиняющей себе, абстрактной, оторванной от реальной жизни «статистической закономерности».

Стохастическая трактовка закона больших чисел лишает советскую статистику возможности использовать этот закон в полной мере. Он может быть поставлен на службу советской статистике только как закон, вскрывающий преобладающие явления в анализируемом реальном процессе. Но и при этих условиях закон больших чисел не становится основой советской статистики, а является лишь одним из средств познания действительности как закон, объективно действующий в ряде ее процессов.

* * *

Марксистско-ленинская диалектика признает единство количества и качества и переход одного в другое. А в некоторых работах по теории статистики количество оторвано от качества. Так, например, по

мнению тт. Ястремского и Боярского, статистика изучает только количественную сторону процессов, а изучение качества они считают делом науки соответствующей отрасли знания (например, политической экономии, если речь идет об экономических проблемах). «...Статистика,— пишут тт. Ястремский и Боярский,— которая характеризует изучаемые объекты с помощью количественных показателей, имеет дело с количеством...» (стр. 31). Тов. Некраш также пишет: «Задачу количественного обобщения, задачу количественной формулировки закона и берет на себя статистический учет» (стр. 14).

Это противоречит установкам Ленина, противоречит марксистско-ленинской диалектике. Только стоя на антимарксистских позициях отрывая качества от количества, можно пренебрежительно относиться к группировкам — к этому статистическому выражению качества.

Что такое группировки в статистике? Это — важнейшая специфическая категория ленинской статистики. Группировки являются статистическим выражением качества. Именно группировки в статистике в сочетании с количественными показателями, в том числе и средними, представляют диалектическое единство количества и качества. Группировки дают возможность изучить и отобразить переход одного качества в другое. Ленин писал: «Должны быть выделены особенно подробно разные типы хозяйств переходных от целостного натурального земледелия к продаже рабочей силы (т. наз. «промыслы», состоящие в продаже рабочей силы), — а равно и к покупке ее»¹.

Это ленинское положение о том, что необходимо тщательно улавливать переход количества в качество и одного качества в другое, несомненно, остается важнейшим методологическим принципом. Это высказывание Ленина говорит о единстве количественного и качественного анализа в статистике. Недаром Ленин придавал такое большое значение группировкам. «Без разносторонних и рационально составленных групповых и комбинационных таблиц,— писал он,— богатейшие подворные данные прямо-таки пропадут. В этом — наибольшая опасность современной статистики, которая все чаще и чаще страдает за последнее время некоторым, я бы сказал, «статистическим кретинизмом», за деревьями исчезает лес, за грудами цифр исчезают экономические типы и явления, типы, которые могут выступить только при разносторонне и рационально составляемых групповых и комбинационных таблицах»².

Товарищ Сталин также указывал, что необходимо корректировать средние данные по районам.

В своем замечательном докладе на XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин напомнил, что тов. Немчинов на основе определенной группировки данных вскрыл особо важное качество совхозно-колхозного производства — его высокую товарность. Анализируя при помощи динамических таблиц данные о развитии промышленности и сельского хозяйства в стране, товарищ Сталин дает качественную характеристику экономического процесса в СССР, вскрывая гибель частного хозяйства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Всем этим еще раз демонстрируется единство качественного и количественного анализа в марксистской статистике.

Сочетание группировок и цифровых показателей является одной из форм выражения единства количества и качества в статистике. Другой формой выражения этого единства является то, что сами качественные процессы могут быть отображены в статистике количественными показателями.

¹ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 184—185.

² Там же, стр. 184.

Для того, чтобы закончить рассмотрение вопроса о единстве количества и качества в статистике, необходимо разобраться в характере средних и методологии их исчисления в советской статистике. Средние величины в советской экономике, в соответствии с иным осуществлением закона больших чисел в ней, выступают как результативные или плановые средние. По преобладающей массе элементов эти средние характеризуют общую закономерность развития хозяйства или степень достижения передовых показателей. Для полной характеристики массовых процессов, осуществляющихся в советской экономике, надо средние показатели дополнять индивидуальными, прежде всего передовыми, отображающими направление развития нашей страны, а также и показателями, вскрывающими отсталые участки.

Авторы стохастической теории утверждают, что средняя является основным звеном статистики. Чтобы как-то связать концы с концами, тт. Ястремский и Боярский вынуждены рекомендовать изучать отклонения не от самого плана, а лишь от степени его выполнения. Они пишут: «Наконец, надо категорически предостеречь против понимания действия закона больших чисел в нашем хозяйстве, как «закона» взаимного погашения отклонений от плана... Взаимно погашаются отнюдь не отклонения от плана, а отклонения от средней степени его выполнения» (стр. 446, подчеркнuto мной.— А. М.). Но кому нужно измерять отклонения от средней степени выполнения плана? На что может ориентировать нас «изучение» отклонения от средней степени выполнения плана? При таком «методе» план перестает быть объектом статистики, его выполнение не контролируется, отклонения от плана как вверх, так и вниз, признаются равнозначными и возводятся в закон.

В статистической литературе распространено утверждение, что средняя выражает «определяющее свойство» изучаемой совокупности. Но ведь это зависит от задач анализа. Средняя может отобразить то или иное свойство, смотря по тому, какая задача преследуется анализом. Почему же «определяющее» значение приписывается тому, а не иному свойству? Ведь реально может быть, и очень часто бывает, что «определяющим» является свойство, не отображенное данной средней. Поэтому недопустимо характеризовать среднюю в условиях социализма как выражение «определяющего свойства» изучаемой совокупности или процесса. Такая характеристика средней ориентирует не на достижение передовых показателей в экономике страны, а на среднюю степень их достижения. Утверждение, что средняя является выражением определяющего свойства процесса или совокупности, вытекает непосредственно из стохастической характеристики природы средних, по которой случайные отклонения взаимно погашаются, а свойство, определяющее процесс, получает свое выражение в средней. Но ведь такая средняя характерна для стихийного хозяйства. В условиях буржуазного хозяйства статистическая средняя непосредственно выражает действие его экономических законов, которые осуществляются как слепо действующая средняя. В СССР средняя выражает лишь степень осуществления закономерности и таким образом является одним из показателей (а не основным), характеризующих развитие экономики социализма.

Марксистское применение средних при анализе любых явлений возможно только в сочетании с группировками. Последние создают реальную основу для получения научно обоснованных средних.

Средняя в социалистическом обществе, характеризуя степень достижения передовых показателей, далеко еще не вскрывает всех ресурсов и возможностей развития. Известно, например, что в целом по СССР каждый колхозник выработал в 1932 г. в среднем 118 трудо-

дней, в 1934 г.—166 трудодней, а в 1938 г.—уже 194 трудодня. Эти показатели в общих чертах отражают массовый процесс укрепления и роста социализма в деревне. Однако возможные ресурсы дальнейшего мощного развития социализма на селе ярко вскрываются при разбивке на группы данных о выработке колхозниками трудодней. В группировке необходимо показать прежде всего минимальную выработку — до 50 и от 50 до 100 трудодней, а также самую высокую — в 300, 400 и более трудодней. Без такого дополнения средней статистический анализ не дал бы полной картины и не вооружал бы нас на дальнейшую борьбу за повышение зажиточности колхозов и укрепление колхозного строя.

Другой пример. С 1932 по 1939 г. число животноводческих ферм в колхозах выросло с 63,6 тыс. до 406,3 тыс. единиц. В среднем по СССР в 1939 г. каждый колхоз имел более 1,7 животноводческих ферм, что составляет рост по сравнению с 1932 г. более чем в 5 раз. Но помимо средних надо было учесть, что к началу 1939 г. лишь 223 тыс. колхозов, т. е. лишь 92%, имели животноводческие фермы, а остальные 8% их вовсе не имели. Надо было учесть также, что эти 8% колхозов есть такая средняя величина, которая по отдельным областям дифференцируется. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 июля 1939 г. указывалось: «...в Киргизской ССР не имеют вовсе никаких животноводческих ферм 45% всех колхозов, в Таджикской ССР — 62%, в Рязанской области — 17%, в Актюбинской области — 13%, в Кировской области — 11%, в Горьковской области — 10%». Размеры ферм также дифференцированы: «Имеют меньше 10 коров в ферме 50% колхозов Воронежской области, 50% — Орловской области, 50% — Рязанской области, 46% — Московской области, 45% — Ярославской области, 43% — Горьковской области, 38% — Калининской области и 21% — Вологодской области»¹. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР показывает далее, что соотношение между общественным стадом и личным в разных районах различно, что общие размеры ферм и их направление также неодинаковы.

Только наличие таких дифференцированных показателей дало возможность Советскому правительству и Центральному Комитету партии сделать действенные выводы. В этом постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР наиболее ярко нашла свое выражение сталинская теория корректирования средних данными по районам.

Статистика должна не только изучать явления, но и подсказывать пути борьбы за дальнейшее укрепление социализма, за построение коммунизма. Это тем более необходимо сейчас, когда решается гигантская историческая задача: догнать и перегнать передовые капиталистические страны в экономическом отношении. Но недостаточно вывести средние показатели, характеризующие нашу относительную экономическую отсталость. Нужно выявить передовые показатели производительности труда, равнение на которые ускорит разрешение исторической задачи, поставленной товарищем Сталиным.

Некоторые работники теоретического статистического фронта, например, т. Боярский, характеризуют среднюю как отображение «уравненной», а не реальной совокупности и ее элементов. Не говоря уже о том, что с точки зрения технических приемов, применяемых в статистике, незачем производить «уравнение» средних, сведение реальной совокупности и ее элементов к «уравненным» является неправильным. Средняя должна отображать реальную совокупность и реальные элементы этой совокупности. По мнению же т. Боярского, средняя

¹ «Правда» от 9 июля 1939 г.

должна отражать только коллектив, а не характерные свойства членов коллектива. Так, например, ошибку Кетле т. Боярский видит в том, что Кетле, распространяя свойства средней не на совокупность, а на каждого члена ее (см. стр. 155—156 «Курса теории статистики»), пытался получить «среднего человека». Для этого он относил количество убийц к каждой тысяче человек и заявлял, что в каждом человеке заложена способность к убийству. Как всякий поймет, это буржуазное извращение вытекает из отсутствия у Кетле научной методологии. Выводить средние можно только при помощи правильных группировок, т. е. путем научного отграничения качественно однородных совокупностей. Совершенно очевидно, что нельзя смешивать убийц с нормальными людьми.

Средняя является выражением действительной реальности лишь тогда, когда она характеризует не только совокупность, но и элементы этой совокупности, когда она тяготеет к основным характерным свойствам элементов совокупности. Реальное значение придается средней именно группировками в статистике. Отгораживая качественно одни совокупности от других, объединяя однородные индивидуумы в совокупности, группировки дают возможность в средних отражать действительные свойства коллектива и основные реальные свойства индивидуумов этого коллектива. Маркс писал: «средняя величина всегда существует лишь как средняя многих различных индивидуальных величин одного и того же вида».

Существующие утверждения о том, что средняя отображает лишь совокупность «уравненных» членов, есть не что иное, как пропаганда идеалистически сконструированной средней. Именно о такой средней говорит т. Боярский, когда предлагает выводить среднюю заработную плату 6 рабочих не из суммы фактически получаемых ими заработных плат, а из суммы предварительно уравненных заработных плат (см. стр. 141 «Курса теории статистики»).

Отрыв средних от группировок неизбежно приводит к подмене реальных элементов заранее уравненными, сводящими индивидуальные качественные различия к «единым» количественным показателям. Это есть следствие отрицания единства количества и качества в статистике, забвение марксистской методологии.

* * *

До сего времени в некоторых работах совершенно неверно, антимарксистски трактуется вопрос о соотношении между учетом и статистикой. Ошибки идут по линии механистического отрыва статистики от учета. Статистика толкуется как одна из сторон учета. Работники теоретического фронта статистики не вскрыли организующей роли статистики в учете, не разработали теории статистически организованного учета, как важнейшей характеристики методологических основ народнохозяйственного учета в СССР.

Одной из главных особенностей советской статистики является ее организующая роль во всей системе народнохозяйственного учета. Статистика в народнохозяйственном учете — не «сторона», а основной стержень, организующий для анализа все учетные показатели. Без этого снижается, а иногда и вовсе теряется познавательная ценность разобщенных учетных данных.

Единство всех видов народнохозяйственного учета в СССР экономически и политически обусловлено тем, что в стране господствует социалистическая собственность на средства и орудия производства, а руководство хозяйством осуществляется в плановом порядке. Методологически это единство обеспечивается статистикой, которая включает данные бухгалтерского, оперативного и статистического учета в

единую систему народнохозяйственного учета. «Учет без статистики ни шагу не двинется вперед» — говорит товарищ Сталин.

ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 16/V 1934 г. «О статистике животноводства и дискуссии в «Правде» указал ЦУНХУ, что крупным недостатком в его работе является отсутствие статистически-организованного учета. Это указание ЦК ВКП(б) имеет большое принципиальное значение для правильной постановки всей статистической работы в СССР.

* * *

Ряд статистических работ страдает крупным пороком — антиисторичностью. Это проявляется в том, что почти ни в одном учебнике не дается истории статистики, а все категории ее строятся надисторически. Отсутствует обобщение богатого опыта как дореволюционной, так и советской статистики. И в этом отношении советские статистики должны учиться у Ленина. Критически относясь к прошлому, Ленин умел выделять лучшее даже в буржуазной статистике. Наиболее ярко это видно из его высказываний о земской статистике. Владимир Ильич писал: «Русские земские статистики, особенно «доброе старое», дореволюционного времени, снискали себе право на уважение тем, что относились к предмету своих занятий не рутинно, не с одним фискальным или казенно-административным, а с известным научным интересом. Они едва ли не раньше других статистиков заметили недостаточность одной группировки хозяйств по количеству земли и ввели другие приемы группировки: по посеву, по количеству рабочего скота, по употреблению наемного труда и т. п. К сожалению, раздробленный и несистематичный характер работ нашей земской статистики, которая всегда бывала, так сказать, оазисом в пустыне крепостнической темноты, бюрократической рутинности и всяческой тупой канцелярщины, обусловили то, что прочных результатов ни для русской ни для европейской экономической науки создать не удалось»¹.

В другом месте Ленин писал: «Насколько правительственная немецкая статистика выше правительственной русской по широте и полноте, единообразию и точности сведений, быстроте их обработки и опубликования, — настолько наша земская статистика выше европейских частичных анкет и исследований по замечательной полноте отдельных данных и детализации их обработки»².

Особенно важно обобщение опыта истории советской статистики. На различных этапах социалистического строительства происходила организационная перестройка системы государственного учета и статистики. Победа колхозного строя вызвала необходимость укрепить государственный учет, создать систему всеобъемлющего государственного учета и контроля над выполнением плана. ЦСУ было реорганизовано в ЦУНХУ. Развитие социализма, укрепление его, расширение сферы непосредственного планирования требовали усиления оперативной связи между учетом и планированием. 10 марта 1932 г. СНК СССР утвердил положение, по которому указывалось, что ЦУНХУ является органом централизованного руководства народнохозяйственным учетом в СССР. Враги народа, пробравшиеся в свое время в некоторые звенья системы народнохозяйственного учета и к руководству ЦУНХУ, пытались оторвать учет от планирования. Для этого они стремились организационно обособиться от плановой системы; учет строился по иному кругу объектов и показателей, нежели планирование.

¹ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 610.

² Там же, т. IV, стр. 266.

Между тем построение социализма в СССР требовало усиления непосредственного планового руководства хозяйством во всех его звеньях и, в связи с этим, лучшей постановки учета, тесно связанного с плановой системой. Продолжая реорганизацию учетно-статистических органов в стране в направлении, обеспечивающем единство плана и учета, СНК СССР постановлением от 14 февраля 1939 г. преобразовал ЦУНХУ в Управление Госплана СССР.

Так система государственного учета и статистики прошла путь от ЦСУ (работа которого была приурочена к условиям, когда в стране преобладало мелкотоварное хозяйство) до современного ЦУНХУ с разветвленной сетью статистических органов. Эта перестройка системы государственного учета и статистики должно излагается некоторыми преподавателями как организационная чехарда, как серия сплошных извращений. Объясняется это отсутствием марксистски разработанной истории статистики.

Все извращения в теории статистики, о которых мы говорили выше, ведут свое начало от тезиса об отмирании статистики при социализме.

Пора покончить с извращениями на теоретическом статистическом фронте. Надо начать работать над вопросами народнохозяйственного учета. Мы не отвергаем «общей теории статистики», но считаем неправильным начинать создание курса статистики с общей теории, а потом переходить к отраслевым. Наоборот, нужно создать курс теории народнохозяйственного учета и отраслевых статистик, а затем уже подойти к курсу общей теории статистики.

Дискуссии, прошедшие в ЦУНХУ, в Московском Доме Ученых, выявили наиболее острые, актуальные вопросы статистики. Теперь мы должны заняться разработкой как частных, так и общеметодологических вопросов теории статистики. Этим вопросам должна уделить внимание и Академия наук СССР. Надо выработать определенные положения, которые легли бы в основу теории советской статистики.

Особенно важно освоить огромный материал по статистике, имеющийся в работах Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, а также в решениях партии и правительства.

В 1934 г. тов. Черменский издал хрестоматию «Статистика в работах Ленина». В хрестоматии есть ряд недостатков, но все же автор и редактор т. Смит проделали полезную работу, так как хрестоматия помогает широким кругам овладевать ленинскими указаниями по статистике.

Необходимо, чтобы ЦУНХУ Госплана при СНК СССР покончило с беспечным отношением к разработке вопросов теории статистики, ибо только этим можно объяснить то, что решение правительства, обязывавшее ЦУНХУ к 1 августа 1939 г. выпустить учебник по народнохозяйственному учету, не выполнено.

ЦУНХУ и его местные органы начали борьбу за оперативность статистики и учета. Но нужна еще значительная работа органов народхозучета, особенно по налаживанию оперативности учета, по сокращению и упрощению отчетности. Необходимо перестроить статистическую работу, поднять теорию статистики до уровня передовой науки, оплодотворяющей практику, отвечающей требованиям периода постепенного перехода от социализма к коммунизму.

О преподавании статистики в экономических вузах¹

Статистика имеет огромное значение в экономическом образовании и в подготовке экономистов. Нельзя быть образованным экономистом, не владея полностью статистическим методом. Квалифицированный экономист, плановик, организатор хозяйства в своей практической работе повседневно сталкиваются с необходимостью применять те или другие статистические приемы при анализе отчетных данных и при обработке полученных материалов. В экономических вузах статистика — одна из профилирующих дисциплин.

Как экономист Ленин широко пользовался в своих работах статистическим методом и даже начал писать труд о статистике («Социология и статистика»).

Статистика имеет значение и как общеобразовательный предмет. Поэтому нетерпимо, когда советская молодежь с законченным средним образованием не имеет достаточной подготовки для того, чтобы разбираться в статистических показателях, содержащихся в важнейших правительственных и партийных документах (доклады на съездах партии, пятилетние планы и т. д.).

По свидетельству Н. К. Крупской, В. И. Ленин придавал статистике огромное значение. Он считал, что необходимо ввести преподавание статистики в школах.

Тов. Молотов в докладе на XVIII съезде ВКП(б) указал, что необходимо готовить оканчивающих среднюю школу к практической работе. Можно надеяться, что в скором времени указание В. И. Ленина о преподавании статистики в средней школе будет реализовано. Несомненно также, что в ближайшее время статистика займет надлежащее место и в учебных планах экономических и специальных вузов.

В этой связи возникает вопрос о методах преподавания статистики в специальных, например, сельскохозяйственных или технических, вузах и об объеме преподавания статистики в экономических вузах. Естественно, что в различного рода высших учебных заведениях отдельным темам курса общей теории статистики уделяется больше или меньше внимания.

В специальных промышленных и сельскохозяйственных вузах преподавание статистики не может не иметь в виду методов обработки экспериментальных данных (результатов лабораторного анализа, например по качеству продукции, и результатов полевых и вегетационных опытов). В экономических вузах особое внимание, естественно, должно быть уделено проблеме статистико-экономического анализа, т. е. вопросам группировок, классификаций, табличному методу, индексам и т. д. На экономических факультетах специальных сельскохозяйственных и промышленных вузов курс общей теории статистики должен быть построен с учетом в первую очередь задач статистико-экономического анализа, но значительное место необходимо отвести в

¹ Основные положения настоящей статьи рассмотрены по докладу автора и одобрены конференцией по улучшению преподавания статистики в экономических вузах, происходившей 28 марта — 4 апреля 1940 г., созванной ВКВШ и ЦУНХУ СССР.

программе и статистическим методам обработки результатов экспериментальных исследований.

Наиболее существенным недостатком преподавания статистики в экономических вузах является то, что громадный практический опыт системы народнохозяйственного учета и статистических аппаратов ведомств остается теоретически необобщенным. Теория статистики серьезно отстает от нужд и задач практики народнохозяйственного учета.

Для того, чтобы улучшить преподавание статистики в экономических вузах, необходимо преодолеть существующий разрыв между статистической теорией и практикой. Богатая практика советской статистики должна получить в курсе общей теории статистики теоретическое обобщение и осмысление. Следует всегда помнить слова Энгельса, который говорил: до сих пор хвастались тем, что производство обязано науке, но наука еще большим обязана производству.

В советской практике получает огромное развитие отраслевая статистика. Нигде в мире нет столь детально и углубленно организованной статистики промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта и т. д., как в Советском Союзе.

Система народнохозяйственного учета как статистически организованного учета полностью сложилась. Практика организации народнохозяйственного учета ставит перед теорией статистики ряд синтетических проблем. В частности, на первый план выдвигается проблема народнохозяйственного баланса и единой системы показателей народнохозяйственного учета.

В настоящее время уже может быть сформулирован ряд положений, обобщающих опыт отраслевых статистик (промышленной, сельскохозяйственной, кредитной и т. д.). Возникает вопрос о взаимоотношении между курсами отраслевой статистики, общим курсом народнохозяйственного учета и курсом общей теории статистики. В частности, высказывают даже положение о том, что в экономических вузах вместо курса общей теории статистики должен быть лишь курс теории народнохозяйственного учета, обобщающий и синтезирующий основные положения, разрабатываемые отдельными курсами отраслевой статистики. Такая постановка вопроса неправильна. Статистика имеет дело не только с экономическими, но и с биологическими, физическими и другими процессами и явлениями. Основная задача курса общей теории статистики — изложить в отчетливой, связанной, понятной форме, в логически простых и последовательных положениях такую теорию обработки данных наблюдения и отчетности, которая позволила бы выявить основные закономерности и тенденции, свойственные изучаемым процессам и явлениям.

Преподавание статистики в экономических вузах должно обобщать современную богатую практику народнохозяйственного учета. Изучающий статистику должен знать:

- а) каковы принципы статистически организованного учета;
- б) как применяется метод средних чисел в экономическом анализе;
- в) какие статистические характеристики наиболее эффективны с точки зрения анализа выполнения народнохозяйственного плана;
- г) как используются «ряды динамики», «индексы» и т. д. в советской конъюнктурной статистике.

В порядке обобщения практики народнохозяйственного учета как статистически организованного учета в курсе общей теории статистики следует излагать систему основных положений, синтезирующих опыт отраслевых статистик. Только в институтах народнохозяйственного учета может быть введен специальный курс теории народнохо-

зяйственного учета, трактующий синтетические проблемы экономической статистики как системы народнохозяйственного баланса.

В курсах отраслевых статистик, в сущности говоря, развернуто излагаются две проблемы: а) организации статистического наблюдения и б) применения — в конкретных условиях той или другой отрасли народного хозяйства — методов и приемов общей теории статистики. К сожалению, курсы отраслевых статистик, например «Курс промышленной статистики» Д. В. Савинского, в основном ограничиваются изложением вопросов, связанных с первой проблемой, и почти не касаются второй проблемы. При этом, излагая вопросы статистики, связанные с первой проблемой, авторы соответственных учебников не пытаются обобщить практику народнохозяйственного учета как своеобразного счета по категориям.

Известный русский статистик сороковых годов Д. П. Журавский дал прекрасное определение задач статистики в применении к отдельным отраслям народного хозяйства. В своей работе «Об источниках употребления статистических сведений» (Киев, 1846) он писал: «Статистика может быть определена, как наука категорического вычисления. Ей подлежат все тела, существа, силы и явления, факты, мысли и т. п., которые могут быть разделены и подразделены на однородные, на одновидные части и сосчитаны по каждому роду и виду отдельно».

В этом определении правильно подмечена особенность статистики как науки о мере, причем под мерой подразумевается «качественно определенное количество».

В статистике количество тесно связано с определенным качеством. В связи с этим в курсе общей теории статистики имеет огромное значение система положений о приемах построения учетных показателей и о счете по категориям.

В курсе теории статистики изложение темы «статистическое наблюдение» не может быть ограничено вопросами о способах и видах наблюдения, о формах организации его и об органах, проводящих наблюдение. В этой теме необходимо рассматривать принципы регистрации изучаемых признаков и явлений, а также приемы построения соответственных показателей как метода «отграничения» качества и как счета по категориям.

Положения, вытекающие из определения статистики как своеобразного счета по категориям, должны найти отражение также при изложении тем: «группировки», «табличный метод», «метод относительных чисел» и «метод средних чисел».

Советский курс общей теории статистики следует излагать как теорию метода средних чисел во всех его проявлениях. Любой раздел курса общей теории статистики необходимо излагать с точки зрения углубленной трактовки метода средних чисел, причем эта трактовка должна полностью соответствовать положениям, характеризующим ленинско-сталинский этап развития статистической науки.

В нашей текущей экономической литературе имеется очень мало работ, рассматривающих метод средних чисел как орудие социально-экономического анализа. Широкий круг экономистов совершенно недостаточно использует работы Маркса, Ленина, Сталина, которые неоднократно высказывались по вопросу о методе средних чисел как научном методе, о средней массовой закономерности и о законе больших чисел.

Метод средних чисел — одно из самых могущественных орудий социально-экономического познания. В. И. Ленин, анализируя состояние капиталистического земледелия по материалам американских цензов и германских сельскохозяйственных переписей, писал: «...сколько

путаницы и фальши вносит в вопрос такая статистика, которая смешивает в... группе хозяйств, имеющих до 2 гектаров земли, миллионы пролетариев без лошади, без крупного скота, с одним огородом или клочком картофельного поля, и тысячи крупных хозяев, капиталистов, ведущих на 1—2 десятинах крупное скотоводческое или огородное и т. п. предприятие». «Социально-экономическая статистика — одно из самых могущественных орудий социального познания — превращается таким образом в уродство, в статистику ради статистики, в игру»¹.

Ленин предостерегал экономистов от использования общих «огульных» средних и настаивал на использовании групповых средних. Товарищ Сталин также указывал: «...метод средних чисел, не корректируемый данными по районам, не есть научный метод»².

В курсе общей теории статистики тема «метод средних чисел» должна излагаться как теория групповых («корректируемых») средних. Только в этом случае трактовка метода средних чисел будет соответствовать следующим основным положениям ленинско-сталинского этапа развития статистической науки:

а) Метод средних чисел рассматривается не как метод общих, «огульных» средних, а как метод групповых («корректируемых») средних.

б) Метод средних величин рассматривается как метод, позволяющий путем свертывания, уравнивания вариаций внутри той или другой группы объектов выделить вариацию групповых средних, обусловленную изменением существенных признаков, положенных в основание группировки. Вариация групповых средних, таким образом, рассматривается как вариация, обусловленная изменением тех определяющих обстоятельств, которые нашли отражение в группировочных признаках. Следовательно, средние величины нельзя излагать лишь как характеристику вариационного ряда, дающего распределение объектов и элементов по одному, изолированно взятому признаку, так как мы в этом последнем случае неизбежно скатимся на путь «огульных» средних.

в) Единственно правильной является такая трактовка теории средних чисел, которая синтезирует два основных статистических приема — метод средних чисел и метод группировок. При этом исходным положением для статистической науки является положение Ленина, рассматриваемое им как элемент диалектики: «...от сосуществования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей»³.

г) Путь от сосуществования к каузальности и от одной формы связи к другой идет через изучение вариации как особой формы движения, свойственной процессам сосуществования объектов и элементов.

Метод средних чисел призван выявлять не общую устойчивость каких-либо характеристик изучаемых процессов, а, наоборот, условия, вызывающие их колеблемость и изменчивость. Таким образом, метод средних чисел вскрывает закономерности, выявляющиеся через особую форму движения — вариацию. В этом смысле вариация есть предмет статистики, как науки.

Энгельс писал, что науки классифицируются по формам движения, ими изучаемым. Следовательно, статистика, имеющая свой объект, является в полном смысле слова наукой.

¹ Ленинский сборник XIX, стр. 367, 368.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 256.

³ Ленинский сборник IX, стр. 277.

Метод средних чисел позволяет подойти к изучению социально-экономических явлений «...не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями»¹.

Общая «огульная» средняя это — тощая абстракция, так как она характеризует явление при какой-то, неопределенной для исследователя, совокупности причин и условий. «Корректированная» средняя позволяет выделить из этой совокупности одну или несколько причин и характеризовать явление при определенных условиях, положенных в основание группировки.

Метод средних чисел, основанный на использовании «корректированных» средних, есть «...способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного»².

Физические и биологические науки развивались на основе широкого использования эксперимента. При изучении экономических явлений об экспериментировании в большинстве случаев не может быть и речи. Рассматривая социально-экономический процесс, исследователь, как правило, не имеет в своем распоряжении условий, которые он может контролировать, т. е. произвольно изменять. Сила же, познавательная мощь эксперимента состоит в возможности сознательно и произвольно изменять контролируемый признак и оставлять в неизменном виде остальные причины и условия.

Исследователь, лишенный возможности произвольно изменять те или другие условия, в которых протекают изучаемые явления, может при помощи группировки объектов, произведенной на основе тех или других признаков, проследить сопутствующие этой группировке изменения в значении и размерах других интересующих его признаков. Отказываясь от изолированного изучения признаков и свойств объектов, исследователь имеет возможность методом средних чисел анализировать совокупность причин или условий, определяющих уровень изучаемого явления.

В. И. Ленин придавал огромное значение использованию метода группировок. Он писал, что обработка собранных данных «должна дать как можно больше, как можно рациональнее и детальнее составленных групповых и комбинационных таблиц для отдельного изучения всех наметившихся — или намечающихся (это не менее важно) — в жизни типов хозяйств»³.

Ленин предостерегал против «статистического кретинизма», когда за горами цифр «исчезают экономические типы явлений...»⁴. Ленин писал, что сборники, которые содержат массу чрезвычайно богатых, ценных и новых данных, но «...не подытоженных, не сведенных вместе, не сгруппированных, не комбинированных»⁵, имеют ничтожную, почти нулевую научную ценность. Из этого мы должны исходить при преподавании статистики в экономических вузах, излагая тему «метод средних чисел».

Основанием для применения метода средних чисел в экономических явлениях служит наличие в объективной действительности средней массовой закономерности. К проблеме средней массовой закономерности неоднократно возвращались и Маркс и Ленин. Ленин писал: «...в обществе разрозненных товаропроизводителей, связанных лишь

¹ Маркс, К критике политической экономии, 1933, Введение, стр. 26.

² Там же.

³ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 184.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 186.

рынком, закономерность не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности, при взаимопогашении индивидуальных отклонений в ту или другую сторону»¹.

Анализируя цену как меновое отношение, типичное для капиталистического хозяйства, мы,—указывает Ленин,—«...неизбежно поднимаемся от случайного и единичного к устойчивому и массовому, от цены к стоимости»².

Маркс характеризовал капиталистический метод производства как такой, «...при котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос только как слепо действующий закон средних чисел»³.

Отдельные представители статистической физики полагают, что в физических явлениях закон может реализоваться только через беспорядок в молекулах и атомах. Они неправильно утверждают, что причиной порядка и закона в массе является беспорядок в элементах. Известный физик Планк, например, считает, что принцип элементарного беспорядка — главный нерв статистики.

Совершенно ясно, что при таком определении своеобразия статистического метода последнему нет места в экономических исследованиях советского хозяйства. В условиях планового хозяйства почти не существует средней массовой закономерности, основанной на стихийно-случайном процессе, на беспорядке в элементах, на атомистическом строении хозяйства.

Необходимо строго различать среднюю массовую закономерность как автоматический регулятор тех или других процессов (как это имеет место, например, в условиях капиталистической экономики) от средней массовой закономерности, позволяющей выступить типичским, характерным чертам того или иного экономического процесса. Неправомерно поэтому отождествлять среднюю массовую закономерность с закономерностью стихийно-случайного процесса.

Одним из центральных научных положений теории статистики является закон больших (средних) чисел. Закон больших чисел утверждает, что основные закономерности и тенденции, свойственные данному типу процесса, проявляются, если отдельные индивидуальные элементы этих процессов или явлений рассматривать в достаточно большом их числе. В частности они проявляются в виде закономерно изменяющихся скорректированных средних. Последние характеризуют вариацию, обусловленную существенными обстоятельствами и моментами, определяющими и регулируемыми ход изучаемого процесса. Эти закономерности выявляются в силу взаимного погашения отклонений, вызванных массой прочих «несущественных» обстоятельств и моментов.

Математическая сторона закона больших чисел не может быть сведена только к принципу взаимной независимости явлений и равной возможности их проявления. Работы русских математиков — Чебышева, Маркова, Ляпунова, Бернштейна и др. — устанавливают, что закон больших чисел распространяем и на зависимые явления. Перед советской статистикой стоит задача еще глубже обосновать распространение действия закона больших чисел на зависимые явления и регулируемые процессы, имеющие место в советском плановом хозяйстве.

Для того, чтобы изучающий статистику в экономическом вузе получил представление об основаниях, позволяющих распространить закон больших чисел на регулируемые процессы, необходимо про-

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 21.

² Там же, т. XVII, стр. 274.

³ Маркс, Капитал, Партиздат, 1935, т. I, стр. 56.

дять тему «закон больших (средних) чисел» обязательно в конце курса, так как эта тема должна базироваться на понятии о статистическом методе изучения зависимости между явлениями (корреляция).

Закон больших (средних) чисел следует излагать так, чтобы учащийся умел на основе этого закона оценивать статистические характеристики, эмпирически им вычисленные, путем сопоставления этих характеристик, например, с ошибкой репрезентативности, получающейся при распространении выборочных данных на всю генеральную совокупность. Студент должен усвоить, что при оценке достоверности необходимо учитывать колеблемость и взаимную несогласованность полученных данных. Чем согласованнее полученные при статистическом наблюдении данные, тем достовернее основанные на них выводы.

Для того чтобы такого рода положения были ясны учащимся, необходимо включить в программу курса общей теории статистики элементы дисперсионного анализа, т. е. анализа вариаций. Анализ вариаций дает возможность наглядно показать, как образуется «остаточная» вариация, определяющая величину средней ошибки при данном числе наблюдений. Эта остаточная вариация получается путем вычитания из общей вариации той ее части, которая вызвана существенными для данного явления условиями.

Такая трактовка закона больших чисел и достоверности статистических величин обоснована требованием диалектического метода, по которому:

«а) В противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как случайное скопление предметов, явлений, оторванных друг от друга, изолированных друг от друга и не зависящих друг от друга,— а как связанное, единое целое, где предметы, явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обуславливают друг друга».

Любое явление «может быть понято и обосновано, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от окружающих его явлений»¹.

В преподавании статистики в экономических вузах большое значение приобретает вопрос о взаимоотношении между статистикой и математикой. При построении курса нельзя ориентироваться на образованных математиков и игнорировать интересы не-математиков. Но нельзя излагать курс статистики в полном отрыве от математических интерпретаций статистических методов. И в экономических вузах недопустимо преподавание статистики без достаточного освещения актуальных вопросов теории математической статистики. Однако при этом преподаватели должны иметь в виду не столько математические интерпретации изучаемых методов, сколько логическую трактовку основных положений теории математической статистики.

Курс математики в экономических вузах должен быть подчинен интересам преподавания статистики, в частности в нем должны быть значительно больше развиты такие разделы, как теория сочетаний, теория вероятностей и теория аналитических кривых.

Курс статистики в экономических вузах следует заканчивать темой «аналитические показатели». В этой теме должно быть отражено обобщение опыта отраслевой статистики. В практике промышленных, сельскохозяйственных, торговых, транспортных и других предприятий накопилось достаточно большое количество аналитических приемов, требующих обобщения и теоретического осмысливания.

В советской статистике созданы специальные приемы анализа производительности труда, себестоимости, динамики урожайности, про-

¹ История ВКП(б), стр. 101.

дуктивности животных, производительности машин и оборудования и т. д. Все эти аналитические приемы и показатели должны быть обобщены и принципиально обоснованы при изложении заключительной темы курса — «аналитические показатели».

Основной дефект современного преподавания статистики состоит в том, что у учащегося получается представление об этой науке как о сумме каких-то взаимно не связанных приемов и методов. На самом же деле теория статистики представляет логическое развитие нескольких основных положений в их взаимной связи (счет по категориям, анализ вариаций как формы движения, метод средних чисел).

Преподавание статистики в советских вузах крайне затруднено тем, что нет единой трактовки основных вопросов статистической теории, нет стандартной терминологии, символики. Такое положение обусловлено отсутствием стандартного учебника по теории статистики, а также тем, что Советский Союз не имеет в течение последних 10 лет журнала, посвященного вопросам теории статистической науки.

В связи с этим Комитету по делам высшей школы следовало бы объявить конкурс на стандартный учебник по общей теории статистики. Необходимо также издание специального, выходящего хотя бы один раз в квартал, журнала «Проблемы советской статистики».

Не менее необходимо организовать специальный методологический центр в виде Статистического института. Создание при Институте экономики АН СССР сектора экономической статистики можно рассматривать как первый шаг, подготовляющий осуществление этих мероприятий. Подготовительной мерой можно считать также организацию при секторе экономической статистики Института экономики специальной комиссии по установлению стандартной терминологии и символики в советской статистической науке.

Проф. И. БАК

Экономические воззрения М. В. Ломоносова

(К 175-летию со дня смерти)

В Ломоносове нас прежде всего поражает многообразие его деятельности, разносторонность научных интересов, энциклопедизм знаний, универсальность гения.

Пушкин говорит, что Ломоносов не только «создал первый русский университет, он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом»¹. В эту характеристику весьма существенную поправку внес Плеханов, который отметил, что «не все факультеты этого университета работали с одинаковым прилежанием и с равным успехом». Считая призванием Ломоносова естествознание, в котором «он был глубок и оригинален», Плеханов находит, что общественно-политические взгляды и мысли Ломоносова «не были ни глубоки ни оригинальны»².

Несомненно, что Ломоносов-естествоиспытатель, задолго до Лавуазье и Роберта Майера сформулировавший закон сохранения и превращения вещества, Ломоносов-основоположник физической химии стоит неизмеримо выше Ломоносова-обществоведа. Но все же анализ экономических взглядов Ломоносова представляет большой интерес. И не только потому, что это взгляды великого человека.

Экономические воззрения Ломоносова заслуживают внимательного изучения и потому, что сам Ломоносов все свои работы в области естествознания, географии и т. д. рассматривал прежде всего с точки зрения развития производительных сил родной страны.

Для экономистов, для историков изучение высказываний Ломоносова по экономическим вопросам представляет особый интерес также потому, что в этих взглядах и суждениях нашли яркое преломление условия и задачи экономического развития, обстановка классовой и внутриклассовой борьбы в России середины XVIII в.

Детство Ломоносова протекало в царствование Петра I. Для Ломоносова Петр всегда оставался идеалом государственного деятеля и государя, величайшим человеком эпохи. Он говорил: «ежели человека, богу подобного, по нашему понятию найти надобно, кроме Петра Великого необретаю»³.

Несомненно, что Петр разрешил основные задачи, продиктованные предшествовавшим развитием России. Рост производительных сил и усиление торговых отношений со странами Западной Европы требовали выхода к Балтийскому морю, укрепления военной мощи России, развития промышленности, экономических и административных

¹ Пушкин, Полн. собр. соч., изд. 4-е, т. VI, 1936, стр. 198.

² Плеханов, История русской общественной мысли, 1918, т. II, стр. 203.

³ Ломоносов, Соч., изд. Академии Наук, 1898, т. IV, стр. 368.

реформ, распространения европейской культуры и просвещения. Осуществляя все это, Петр I создавал и укреплял «национальное государство помещиков и торговцев»¹. В противном случае России грозило превращение в колонию западноевропейских государств. Вот почему Маркс в «Разоблачениях дипломатической истории XVIII века» пишет, что Петр в этом отношении сделал то, что, по крайней мере, было абсолютно необходимым для естественного развития своей страны².

Ломоносов считал главной задачей своей жизни, руководящей идеей своей деятельности — «защитить труд Петра Великого».

* * *

Все свои научные работы Ломоносов связывает с развитием производительных сил родной страны:

О вы счастливыя науки!
Прилежно простирайте руки
И взор до самых дальних мест.
Пройдите землю и пучину
И степи и глубокий лес.

В земное недро ты Химия
Проникни взора остротой,
И что содержит в нем Россия
Драги сокровища открой³.

В своей работе «Первые основания металлургии, или рудных дел» Ломоносов ставит перед геологией задачу — везде обнаружить «минералы, в обществе потребные, которых промыслы могут принести не последнюю прибыль»⁴.

Экономическая направленность географических работ Ломоносова подчеркивается терминами, которые он впервые в России ввел в научный оборот: «экономическая география», «экономическая ландкарта». По его мнению, география, как и картографические работы, должна быть «соединенной с знанием государственной экономии»⁵.

Ломоносов выдвигал проект (утвержденный Елизаветой) составления «экономического лексикона российских продуктов и показания внутреннего и внешнего оных сообщений с принадлежащими к тому ландкартами». Этим проектом Ломоносов отвечал на назревшую, в условиях развития внутреннего и внешнего рынка, потребность в справочном руководстве для купечества и торгующего дворянства.

Метод работы, избранный Ломоносовым, сводился к тому, чтобы «собрать имена всех Российских товаров», производимых в сельском хозяйстве («натурою») и в промышленности («искусством»). Источниками для составления такого «алфавита» послужат: «1) лексиконы Российские... 2) тарифы пошлинные, 3) материалы, кои по подрядам ставятся...». В отношении каждого продукта нужно «приписывать места, где каждый продукт родился или производится с его количеством и добротой, на том ли самом месте исходит, или для распродажи в другие города развозится, и каким путем; по чему продается»⁶.

¹ Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, 1938, стр. 3.

² Marx, Revelations of the Diplomatic History of the Eighteenth Century («Free Press», 1857, № 34, p. 265).

³ Ломоносов, Соч., изд. Академии Наук, т. I, 1891, стр. 218—219.

⁴ Там же, изд. Академии Наук СССР, т. VII, 1934, стр. 261.

⁵ «В правительствующий Сенат от коллежского советника и профессора М. Ломоносова отношение» («Материалы для биографии Ломоносова. Собраны экстраординарным академиком Билярским», СПб, 1865). В дальнейшем, при ссылках на эту работу будем указывать кратко: Билярский, Материалы.

⁶ Ломоносов, Краткое расположение собираемого экономического лексикона Российских продуктов (Билярский, Материалы, стр. 611—613).

Для получения этих сведений Ломоносов составил анкету из «тридцати запросных пунктов», которая была разослана на места. Кроме того, он предлагал использовать для этой цели лиц, производящих переписи (ревизии) населения¹.

Работа была начата во второй половине 1763 года. Ломоносов лично осуществил первый этап этой работы; он составил «Реестр Российским продуктам, натуральным и рукодельным... по алфавиту»². Из «репорта», который подал (после смерти Ломоносова) «в Канцелярию Академии Наук... тоя же Академии Наук... студент Илья Аврамов», узнаем, что Аврамов «в бытность... при покойном» составлял «экстракты по Географическим известиям, присылаемым из Российских городов; ...приводил по алфавиту собираемая известия для Экономического Лексикона»³. Болезнь и смерть помешали Ломоносову довести до конца составление «Экономического Лексикона».

Из географических работ Ломоносова большой экономический интерес представляет его исследование об отыскании пути через Северный Ледовитый океан в Индию, имеющее целью установить торговый путь из Архангельска в Тихий океан. Ломоносов широко привлекает археологические, географические, физические и химические данные для доказательства возможности прохождения этим путем. Он дает анализ экономических результатов использования для сообщений со странами Востока северовосточного прохода (вдоль северных берегов Сибири), сравнительно с северозападным проходом (вдоль северных берегов Америки), который «хотя и есть, да тесен, труден, бесполезен и всегда опасен». Он указывает, что Россия, «простираясь по великой обширности матерой земли, и только почти одну пристань у города Архангельского, и ту из недавних времен, имея», наталкивается на безмерные трудности «купеческого сообщения с восточными народами»⁴ и что «все сии трудности прекращены быть могут морским северным ходом»⁵.

От теоретических изысканий северовосточного прохода Ломоносов перешел к практическому осуществлению этой идеи. Он составил подробный план в виде «Примерной инструкции морским командующим офицерам, отправляющимся к поискам пути на Восток Северным Сибирским океаном»⁶.

Но этот проект значительно превышал возможности эпохи, когда жил и творил Ломоносов, и вообще возможности дореволюционной России. Замечательные идеи Ломоносова осуществлены лишь в наше время. XVIII съезд партии решил: «Превратить к концу третьей пятилетки Северный Морской Путь в нормально действующую водную магистраль, обеспечивающую планомерную связь с Дальним Востоком»⁷.

В научном творчестве Ломоносова огромную роль играет мысль об освоении родного ему Севера, об использовании богатств его поверх-

¹ Ломоносов, Мнение о употреблении нынешних ревизии в пользу географии Российской и сочиняющагося новаго Атласа (Ламанский, Ломоносов и Петербургская Академия Наук, Материалы, 1865, стр. 127—128).

² Приведено в приложении № 19 к сборнику материалов, составленному Будиловичем, Ломоносов как натуралист и филолог, 1869, стр. 23—25.

³ Ламанский, Материалы, стр. 141—142.

⁴ Ломоносов, Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию (Собр. соч., т. VII, изд. Академии Наук СССР, 1934, стр. 288).

⁵ Там же, стр. 289.

⁶ «Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова», изд. Гидрографического департамента, СПб, 1854, стр. XXIX—XLVII.

⁷ XVIII съезд ВКП(б), Стенографический отчет, Резолюция по докладу тов. Молотова, стр. 658.

ности и недр. С. М. Киров говорил ленинградским большевикам, привлекая их внимание к Северу: «Еще Ломоносов в свое время звал на Север посмотреть, что там делается... Я думаю, что все наши просвещенные организации, начиная с Академии наук, и все практические работники должны последовать примеру Ломоносова и действительно глазами и руками прощупать все, что имеется в этом богатом и обширном крае»¹.

Завершение одного из циклов теоретических работ по любимой им химии Ломоносов видит в организации фабрики «делания цветных стекол, из них бисеру, пронизок и стеклярусу и всяких галантерейных вещей и уборов»². В письме к Шувалову (4 января 1755 г.) Ломоносов говорит, что организацией этой фабрики завершаются «все мои великие Химические труды, в которых я три года упражнялся...»³. В сенатском указе «о позволении Профессору Ломоносову завести фабрику» в Усть-Рудице, составленном на основании челобитной Ломоносова, изложены экономические мотивы организации фабрики. Указ Сената отмечает, что «он Ломоносов... может на своей фабрике, когда она учредится, делать помянутых товаров, не токмо требуемое здесь количество, но и со временем так размножить, что и за море оные отпускать можно будет...». Возможность же экспорта этих товаров определяется сравнительной дешевизной, которая, в свою очередь, обусловлена тем, что «принадлежащие к сему делу главные материалы здесь дешевле заморского, и в таком довольстве, что оных знатное количество отпускают в другие государства...»⁴.

Ломоносов — замечательный образец ученого, сознательно направляющего все свое научное творчество на развитие производительных сил.

* * *

Преклоняясь перед Петром I, Ломоносов не замечал, что создание и укрепление «национального государства помещиков и торговцев» происходило «за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»⁵.

Невольно возникает вопрос, как это совмещалось с классовым происхождением «архангельского мужика» Ломоносова?

Предки Ломоносова и его семья были «государственными крестьянами». При широком территориальном распространении к началу XVIII в. власти помещиков-крепостников их руки не дотянулись до далеких и неплодородных земель Севера⁶. По образному выражению Плеханова, Ломоносов «был, именно, архангельским мужиком, мужиком-поморцем, не носившим крепостного ошейника»⁷. Этим объясняется, по мнению Плеханова, дух независимости крестьян-поморцев и одновременно отсутствие у них стремления к потрясению основ. «Ровно ничего похожего на склонность к потрясению каких-либо основ не заметно и во взглядах Ломоносова», — добавляет Плеханов⁸.

¹ Киров, На историческом рубеже между первым и вторым пятилетним планом (Доклад на объединенной IV Ленинградской областной и городской конференции ВКП(б) в январе 1932 г.), Партиздат, 1932, стр. 23.

² Доношение Ломоносова в Канцелярию Академии Наук от 22 мая 1753 г. (Биллярский, Материалы, стр. 207—208).

³ Биллярский, Материалы, стр. 281.

⁴ Указ Правительствующего Сената 14 декабря 1752 г. (Биллярский, Материалы, стр. 182). Подробнее см. у Сидорова, Усть-Рудицкая фабрика М. В. Ломоносова («Известия Академии Наук СССР, Отделение общественных наук», 1937, № 1).

⁵ Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, 1938, стр. 3.

⁶ Семевский, Правительство, общество и народ в истории крестьянского вопроса, 1911, стр. 3.

⁷ Плеханов, История русской общественной мысли, т. II, 1918, стр. 200.

⁸ Там же.

Объяснение, даваемое Плехановым, правильно, но не достаточно. У Ломоносова не было склонности к потрясению основ крепостнического строя также и потому, что в его время крепостнические отношения еще недостаточно резко ощущались как тормоз развития производительных сил. На крепостном труде росла русская промышленность первой половины XVIII в. Лишь с конца XVIII в. крепостнические отношения явственно становятся путями развития производительных сил. Крепостнические отношения, явившиеся впоследствии основной причиной застоя и упадка Урала как центра металлургической промышленности России, содействовали подъему Урала в начале XVIII в. «Во время оно крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе»¹.

Таким образом Ломоносов не знал гнета «крепостного ошейника» и не видел, да и не мог в то время еще ясно видеть, регрессивной роли крепостничества в развитии хозяйства России.

Более того, свою фабрику в Усть-Рудице Ломоносов считал возможным построить исключительно на принудительном труде прикрепленных к ней крестьян. Сенатский указ, составленный на основе «челобитной» Ломоносова, определяет: «...крестьянам быть при той фабрике вечно и никуда их не отлучать, ибо наемными людьми за новостью той фабрики в совершенство привести не можно...»².

Основные задачи России того времени — развитие производительных сил и установление торговых связей со странами Западной Европы, распространение просвещения, политическое укрепление — Ломоносов стремился разрешить в рамках феодально-крепостнической системы.

* * *

В своей деятельности Ломоносов должен был найти опору в современном ему обществе. Какова же была классовая ориентация Ломоносова? В какой классовой группировке он видел продолжателей дела Петра, реальную прогрессивную силу для того времени?

Ответ на этот вопрос дают анализ экономического развития и характеристика классовой борьбы в России XVIII в.

В России конца XVII—XVIII вв. при огромном распространении крепостничества не было условий для создания кадров «свободных» рабочих в больших количествах и в быстрый срок. Мануфактурное производство основывалось и росло на крепостном труде. В качестве организатора мануфактур в России в первой половине XVIII в. выступал не только купеческий капитал, как то было в Западной Европе, но и само государство и дворяне-помещики, владевшие огромным числом крепостных рабочих рук.

При Петре I, в конце XVII и в первой четверти XVIII в., в качестве организатора мануфактурного производства выступало само государство и купечество. При преемниках Петра, в связи с усилением влияния дворянства, главенствующую роль в организации мануфактур начинают играть дворяне-помещики. Дворяне добиваются даже прямого запрета купцам покупать крестьян для своих мануфактур (указ 1762 г.).

При преемниках Петра у верхушки дворянства сосредоточиваются огромные богатства. Источники первоначального накопления в России XVIII в. находятся, главным образом, в руках дворянства (колониальный грабёж, войны и казенные поставки, откупа и монополии и т. д.)³.

¹ Ленин, Соч., т. III, стр. 376.

² Указ Сената от 14 декабря 1752 г. (Бялярский, Материалы, стр. 182).

³ Об источниках первоначального накопления в России XVIII в. см. у проф. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. I, 1939, стр. 337 и сл.

Дворянство все более стремится закрепить за собою монополию на эксплуатацию крепостного труда не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности. С середины XVIII в. дворяне начинают вытеснять купцов и организовывать новые мануфактуры, главным образом в отраслях промышленности, основанных на сельскохозяйственном сырье, источником которого было хозяйство помещика-крепостника, и в отраслях промышленности, обслуживавших спрос казны (суконное, полотняное, писчебумажное и другие производства, металлургия, металлообработка и т. д.). Основной центр металлургии и металлообработывающей промышленности России XVIII в.—Урал, работавший по заказам казны и на экспорт,—состоял, главным образом, из заводов, принадлежавших казне и дворянству.

Но не весь дворянско-помещичий класс занимался грюндерством. Крупные предприниматели встречались преимущественно среди вельмож, т. е. среди феодальной знати, группировавшейся при дворе. Основная же масса дворянства, а также остальная часть феодальной знати считала занятие промышленностью и торговлей «недворянским делом», «недостойным дворянина».

В то же время ряд представителей буржуазной верхушки добивается различными путями дворянства для получения свободы промышленной деятельности.

Естественно, что экономические интересы внутри дворянского класса не были одинаковыми. Часть дворянства, вовлеченная в промышленные и торговые дела, была яркой сторонницей меркантилизма. Основная же масса дворянства, наоборот, хотела подешевле получить из-за границы предметы потребления, хотела, чтобы крепостные поменьше несли податей и повинностей в пользу развивающейся промышленности, на военные нужды государства и т. д., чтобы побольше брать с них в свою пользу. Один из идеологов этой группы, поэт Сумароков, резко осуждая «мануфактуры и протчия вымыслы», писал, что «Россия паче всего на зёмледелие уповати должна».

Большинство вельмож из родовой знати и основная масса дворянства выступали в лице своих представителей против меркантилистской политики правительства. Под их давлением императрица Анна Ивановна пошла на отказ от установленных Петром I меркантилистских начал во внешнеторговой политике. Она утвердила таможенный тариф 1731 г., снижавший таможенные ставки и открывавший широкий доступ в Россию иностранным изделиям в ущерб развитию отечественной промышленности. Эта группа, субъективно враждебно относившаяся к промышленной деятельности, объективно боролась против промышленного развития России.

С особой силой борьба внутри дворянского класса разгорается по мере того, как часть вельмож, во главе с близкими к трону Елизаветы Шуваловыми и Воронцовыми, начинает усиленно заниматься промышленными и торговыми делами, т. е. к 50-м и 60-м годам XVIII в.

Таким образом, наряду с основным антагонистическим противоречием эпохи — классовой борьбой между крестьянством и дворянско-помещичьим классом в целом, видевшим в «мужике» своего главного врага, выступавшим единым фронтом против крестьянства (это особенно проявилось во время крестьянской войны Пугачева), — шла борьба между отдельными группами внутри дворянско-помещичьего класса.

Русская буржуазия была тогда еще слаба экономически, малокультурна, политическое ее значение было ничтожно.

В этих условиях группа, возглавлявшаяся Шуваловыми и Воронцовыми, была влиятельной силой, насаждавшей мануфактуры, объективно борющейся за промышленное развитие России при поддержке меркантилистской политики правительства.

Отсюда становится понятным, почему Ломоносов — горячий патриот, страстный поборник экономического и культурного развития России, убежденный последователь Петра I — опирался главным образом на группу вельмож-предпринимателей и стал близок ко двору Елизаветы. В этой группе он видел, в условиях того времени, реальную прогрессивную силу. А двор Елизаветы был тогда своеобразным средоточием науки и искусства. Фактически при дворе состояла в виде подсобного учреждения и Академия Наук. Связав свою деятельность с группой близких к трону вельмож-предпринимателей, Ломоносов неизбежно испытывал влияние интересов и идеологии этой группы.

Все это создавало благоприятную почву для восприятия и пропаганды Ломоносовым общественно-политических идей, игравших огромную роль в современной ему Западной Европе («просвещенный абсолютизм», меркантилизм).

Но это не было механическим восприятием. Ломоносов и в области общественно-политических взглядов не был просто учеником западных учителей. Он брал из западноевропейской общественной мысли то, что соответствовало его основным общественно-политическим симпатиям и убеждениям, сложившимся на основе экономического развития России, в связи с классовой и внутриклассовой борьбой второй трети XVIII в. И даже заимствованные таким путем идеи Ломоносов перерабатывал в соответствии с особенностями, присущими, по его мнению, приложению этих идей в условиях тогдашней России.

В политике это была идея просвещенного абсолютизма. Она была особенно близка Ломоносову, видевшему в лице Петра I идеал «просвещенного монарха».

В области экономики Ломоносов стоял за меркантилистскую политику, т. е. за активное вмешательство государства в хозяйственную жизнь, особенно в смысле содействия развитию торговли (главным образом, внешней) и промышленности. Эту меркантилистскую политику должен был осуществлять «просвещенный монарх». Для Ломоносова образцом монарха-меркантилиста был Петр I.

* * *

Ломоносов считал основным экономическим источником «благополучия, славы и цветущего состояния государств» внешнюю торговлю — «взаимное сообщение внутренних избытков с отдаленными народами через купечество»¹. О том значении, какое придавал Ломоносов развитию промышленности, не приходится распространяться. Вся его деятельность посвящена, в конечном счете, развитию «искусств», т. е. промышленных производств.

Для эпохи первоначального накопления капитала и мануфактурного периода развития промышленного производства внутри феодальной системы меркантилистская политика имела прогрессивный характер. Маркс подчеркивал значение меркантилизма как средства «...ускоренного создания условий капиталистического способа производства»².

Но особенно большое значение имела политика меркантилизма для отсталых стран с молодой промышленностью. Для них меркантилизм был не только средством конкурентной борьбы, но одновременно и средством борьбы с отсталостью. «Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости»³.

¹ Ломоносов, Собр. соч., т. VII, изд. Академии Наук СССР, 1934, стр. 287.

² Маркс, Капитал, т. III, 1936, стр. 691.

³ Сталин, Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б), 1937, стр. 5—6.

Особенностью Ломоносова-меркантилиста является то, что он уделял большое внимание развитию не только промышленности и торговли, которые представляли для него главный, основной интерес, но и сельского хозяйства. Современные же Ломоносову западноевропейские меркантилисты, как правило, не уделяли внимания сельскому хозяйству.

Отношение Ломоносова к развитию сельского хозяйства являлось отражением политики величайшего русского меркантилиста, Петра I, уделявшего внимание, хотя и не главное, развитию производительных сил в сельском хозяйстве (косьба хлеба вместо уборки его серпами, введение новых культур, преимущественно для вывоза — табак, виноград, лекарственные травы, развитие новых пород скота и т. д.). Роль сельского хозяйства в меркантилистских взглядах Петра I и, особенно, Ломоносова вытекала из условий экономического развития России.

Начавшийся при Петре I рост промышленности и торговли сказался и на сельском хозяйстве. Помещики-дворяне начинают усиленно заниматься своим хозяйством. Увеличивается площадь барской запашки за счет крестьянской. Растут конские заводы, разводятся «плодовитые» сады, делаются опыты искусственного разведения рыбы, идет рубка леса, переработка в спирт хлеба, увеличивается количество скота; открывается Дворянский заемный банк, поставивший себе задачу — содействовать хозяйственной деятельности помещиков. Все это вело к развитию крупных помещичьих «экономий», требовавших приложения огромного и все возрастающего числа рабочих рук, т. е. расширения и усиления эксплуатации труда крепостных крестьян.

В 1747 г. Ломоносов перевел с немецкого сочинение под названием «Лифляндская экономия», которое представляло собою руководство по организации и технике крупной помещичьей экономии¹.

Автор этого сочинения отстаивает трехпольную систему, «чтобы было, где скоту пастись»². Интересна рекомендация способов расширения посевных площадей, применяемых в Голландии: «Ежели токмо воду отвести или поперешными каналами... пособить..., на оных можно пашню иметь. Из болот Голандцы и Фрисландцы зделали плодородныя пашни»³. Автор подчеркивает значение и необходимость планирования работ в помещичьей экономии: «В том очень много состоит, чтобы все в пристойное время делать»⁴. От крестьян автор «Лифляндской экономии» требует одного — упорного и добросовестного труда в пользу помещика: «Земледелец не должен быть ленивец»⁵.

Он призывает помещиков «прилежно заказывать, чтобы богатые мужики никоим образом убогих земель неотнимали, господской зем-

¹ «Лифляндская экономия. Переведена с немецкого на российский язык химии Профессором Михайлой Ломоносовым; в Санкт-Петербурге 1747 года. С подлинной списан в 1760 году из дому Господ Баронов Черкасовых».

Эта рукопись объемом в 117 листов (234 страницы) имеется в СССР в единственном экземпляре (подлинник 1747 г. пропал) в Отделе Рукописей Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина; еще не опубликована. Хотя эта работа является переводом, а не оригинальным трудом Ломоносова, нужно предположить, что ее содержание соответствовало взглядам Ломоносова, иначе он ее не перевел бы или, по крайней мере, сопроводил перевод своими примечаниями. Анализ текста наводит на мысль, что перевод достаточно вольный. Проверить это мы не имеем возможности в виду отсутствия немецкого оригинала. Предполагаемая вольность перевода служит добавочным подтверждением того, что текст работы в общем соответствовал воззрениям Ломоносова в области сельского хозяйства, тем более что концепция «Лифляндской экономии» не расходится с высказываниями Ломоносова в его оригинальных трудах.

² «Лифляндская экономия», ч. I, гл. IV, «О усадьбе», л. 19.

³ Там же, ч. 2, гл. I, «О разности земель», л. 28.

⁴ Там же, ч. I, гл. I, «О должности крестьянской вообще», л. 4.

⁵ Там же, л. 2.

ли некасались, ...с соседями бы дружно жили»¹. Стремление устроить счастливую жизнь и установить социальный мир в пределах крепостнического строя характерно не только для автора «Лифляндской экономии». Оно характерно и для переводчика — Ломоносова, — высказывавшего такие же суждения в своих оригинальных работах.

Так, Ломоносов восхваляет проведенную Петром I «ревизию» населения: «Превратил премудрый Герой вред в пользу, ленность в прилежание, раззорителей в защитников, когда исчислил подданных множество, утвердил каждого на своем жилище, наложил легкую, но известную подать, чрез что умножилось и учинилось известное количество казенных внутренних доходов, умножилось прилежание»². Ломоносов не замечал темных сторон петровской реформы. «Ревизия» была проведена для расширения и углубления крепостничества и введения подушного обложения, резко увеличившего налоговое бремя сравнительно с существовавшим до того подворным обложением. Вряд ли поэтому можно говорить о существенных различиях во взглядах на труд между автором «Лифляндской экономии» и Ломоносовым.

Значение, которое придавал Ломоносов развитию сельского хозяйства, особенно подчеркивается его проектом под названием «Мнение о учреждении Государственной Коллегии (сельскаго) земскаго домостройства»³. Задачи «Коллегии» не ограничены лишь заботами о развитии земледелия. Она должна заботиться также «о лесах», «о дорогах и каналах», изучать и развивать «деревенския ремесленныя дела». Большое внимание «Коллегия» должна уделять выявлению экспортных ресурсов: «Смотреть о внутренних (изобилии) избытках в государстве». Первая задача «Коллегии» — изучать иностранную сельскохозяйственную литературу и выяснять возможности ее использования для нужд сельского хозяйства в России: «Читать сочинения и рассуждать». С другой стороны, «Коллегия» должна получать возможно больше предложений и проектов от лиц, занимающихся сельским хозяйством. Поэтому должно быть дано «позволение, чтоб подавали всякие люди о экономии».

Для установления постоянной связи с периферией «Коллегия» имеет сеть корреспондентов «по всем провинциям». Но в качестве корреспондентов должны быть уже не «всякие люди», а «из дворян, из управителей государственных и дворцовых деревень». В качестве опытной базы «Коллегия» имеет участок с различными почвами, «гдеб разныя места были, гористыя и сухыя, болотистыя и глинистыя и луговыя». Этот опытный участок должен обрабатываться трудом приписных «здесь в близости деревни и крестьян».

Ломоносов в своем «проекте» отражал идеи, носившиеся в воздухе, обусловленные развитием товарности помещичьего хозяйства. Через несколько лет Сиверс указывал Екатерине II на необходимость организации сельскохозяйственного общества. В 1765 г., в год смерти Ломоносова, Екатерина II утвердила представленный придворным библиотечкарем И. И. Таубертом «План Патриотического Общества для поощрения в России земледельства и экономии»⁴. Так возникло «Вольное Экономическое Общество», сыгравшее значительную роль в

¹ «Лифляндская экономия», ч. 1, тл. 1, л. 2.

² «Слово Похвальное Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года» (Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомилова, т. IV, 1898, стр. 380).

³ См. сборник материалов «Ломоносов как писатель», составленный Будяловичем, стр. 313—314.

⁴ «История Императорского Вольного Экономического Общества с 1765 до 1865 года, составленная по поручению Общества секретарем его А. И. Ходневым», СПб, 1865, стр. 2.

развитии русской экономической мысли и просуществовавшее до 1917 года.

Хотя Ломоносов мыслил свою «Коллегию» как государственный орган, а не как «вольное» общество, тем не менее содержание деятельности и функции «Вольного Экономического Общества» в основном совпадают с ломоносовским проектом.

«Мнение» набросано, повидимому, в 1759 г., так как в нем упоминается «о экономических ведомостях», проект издания которых подан был Ломоносовым в том же году¹. Таким образом, Ломоносову принадлежит идея издания в России экономической газеты — «Внутренних Российских Ведомостей», «которые бы в государственной экономии и частных людей приносили пользу отечеству сообщением знания о внутреннем состоянии государства, в чем где избыток или недостаток: например, плодородия хлеба или недороду, о вывозе или привозах товаров или припасов и о многих других вещах подобных, как для известия во всех в государстве присутственных местах, так и для знания частным людям, торгами и промыслами пропитание себе имеющим». «Ведомости» должны были обслуживать все отрасли народного хозяйства. Поэтому их издание Ломоносов предполагал организовать не при Коллегии сельского домостроительства, а при Академии Наук.

Ломоносова не интересовала экономическая теория, его совершенно не трогали происходившие в это время в Западной Европе споры (точнее, их теоретическая сторона) между меркантилистами и физиократами. Зато его живо интересовала экономическая практика.

* * *

Экономические воззрения Ломоносова нашли выражение в письме его к И. И. Шувалову от 1 ноября 1761 г.²

Ломоносов сообщает, что «все оныя по разным временам замеченныя порознь мысли подведены быть могут, как мне кажется, под следующие главы: 1) О размножении и сохранении Российскаго народа. 2) О истреблении праздности. 3) О исправлении нравов и о большом народе просвещении. 4) О исправлении земледелия. 5) О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств. 6) О лучших пользах купечества. 7) О лучшей Государственной Экономии. 8) О сохранении военного искусства во время долговременнаго мира»³.

Мы не располагаем достаточными данными для решения вопроса, были ли эти «главы» написаны Ломоносовым и пропали для потомства, или же они остались лишь названиями предполагавшихся работ. В систематическом изложении (в том же письме к Шувалову) представлена лишь первая «глава» — «О размножении и сохранении Российскаго народа». Эту главу Ломоносов считал наиболее важной, «самым главным делом», так как «величество, могущество и богатство всего Государства» заключено в многочисленном трудоспособном населении, а не в обширной, но малонаселенной территории — «в обширности тщетной без обитателей...»⁴.

¹ Билярский, Материалы, стр. 392. Этот проект, отражавший развитие «Всероссийского рынка», все же не был реализован ни при жизни Ломоносова, ни в ближайшие годы после его смерти. И в этом отношении Ломоносов стоял выше своих современников, видел дальше их.

² Ломоносов, О размножении и сохранении Российскаго народа («Русская старина», 1873, октябрь, стр. 566).

³ Там же.

⁴ Там же.

Ломоносов в этом письме, адресованном влиятельному елизаветинскому вельможе, ставит вопрос, глубоко волновавший государей, государственных деятелей и писателей XVIII в. в Западной Европе. Развивавшееся здесь мануфактурное производство требовало приложения огромного числа рабочих рук. Гибель значительных масс населения в результате войн, религиозных гонений, голода, эпидемий, болезней, детской смертности придавала жгучий характер этой теме. В Западной Европе появляются ученые трактаты, предлагающие различные меры для сохранения и размножения населения, вплоть до разрешения многоженства, внебрачных связей и т. д.

Огромные малозаселенные пространства России, естественно, возбуждали интерес Ломоносова к изучению путей сохранения и увеличения народонаселения, к ознакомлению с западноевропейской литературой по этим вопросам. В личной библиотеке Ломоносова находилась книга Bell — Von den Quellen der Bevölkerung¹; он несомненно, читал сочинения популярного в то время в России немецкого экономиста Юсти, занимавшегося этими вопросами.

Подтолкнуть Ломоносова к изложению его взглядов на политику народонаселения, которой он давно интересовался, могло приближение третьей ревизии населения; как раз в ноябре 1761 г. было издано предписание о подаче «ревизских сказок».

Ломоносов, излагая мероприятия по размножению и сохранению русского народа, обосновывает их заимствованным у своего учителя Вольфа основным принципом эвдемнистической философии — достижением общего счастья и естественным правом каждого человека на счастье. Ломоносов говорит о своих «мыслях» по этому вопросу как о «простирающихся к приращению общей пользы»².

Ломоносов считал, что осуществить эти «мысли» должно просвещенное абсолютистское государство путем административных мер, причем это должно быть проведено без нарушения основ крепостнического строя. Соединение этих взаимоисключающих идей привело к глубокой внутренней противоречивости рассуждений Ломоносова «о размножении и сохранении Российского народа».

Он восстает против того, что «приращению народа вредно»³. Ломоносов требует запрещения обычая («особливо по деревням»), по которому «малых ребят, к супружеской должности неспособных, женят на девках взрослых»⁴ или «когда мужчина в престарелых летах женится на очень молодой девушке»⁵. Он требует также запрещения насильственных браков: «Ибо где любви нет, ненадежно и плодородие»⁶. Но неравные и особенно насильственные браки неразрывно связаны с крепостным строем, предоставлявшим помещику право распоряжаться браками крестьян.

Осуществление права на брак по любви было объективно направлено против крепостного строя. Для оценки взглядов Ломоносова необходимо учесть, что свою записку он составил накануне дарования дворянству «вольностей» при Петре III и Екатерине II, накануне периода, когда крепостное право достигло кульминационного пункта развития.

Ломоносов требовал, чтобы было запрещено мужчинам до 50, а женщинам до 45 лет постригаться в монашество. Требование Ломо-

¹ См. список книг личной библиотеки Ломоносова в сборнике Будяловича «Ломоносов как писатель», стр. 268.

² Письмо к Шувалову от 1 ноября 1761 г. («Русская старина», стр. 566). Подчеркнуто мной — И. Б.

³ Там же, стр. 567.

⁴ Там же, стр. 566.

⁵ Там же, стр. 567.

⁶ Там же, стр. 569.

носова «запретить клобук» до достижения определенного возраста¹ было смелым выступлением, особенно если принять во внимание отрицательное отношение к Ломоносову со стороны влиятельного тогда духовенства.

Рассмотрев условия, препятствующие «размножению», Ломоносов переходит к тому, что вредно с точки зрения «сохранения» русского народа.

В первую очередь он останавливается на судьбе незаконнорожденных. Ломоносов говорит о необходимости «учредить народные богоделенные дома для невозбранного зазорных детей приему», где бы их впоследствии обучали «ремесленным делам» и «художествам». (Через два года, в 1763 г., был издан указ Екатерины II об учреждении в Москве Воспитательного дома). Ломоносов дает резкую критику состоянию медицины и выдвигает проект организации врачебного и фармацевтического дела в России². Он восстает против самоистощения во время постов и обжорства на пасхе и масляной, говоря, что заповеди требуют любить «господа бога твоего всем сердцем (сиречь не кишками)»³. Ломоносов говорит о целесообразности с точки зрения здравоохранения изменить календарь праздников и постов. Он считает, что «исправлению сего недостатка ужасныя обстоят препятствія»⁴, но Ломоносов верит во всеислие административного приказа.

Ломоносов останавливается на том влиянии, которое оказывают на смертность населения «моровые язвы, пожары, потопления, морозы»⁵. Но он ничего не говорит об огромной смертности трудящихся масс во время голодов. А ведь письмо к Шувалову писалось через каких-нибудь 10 лет после ужасающего голода 1748—1749 годов.

«Не малый ущерб причиняется народу, — по мнению Ломоносова, — убийствами, кои бывают в драках и от разбойников». Он не замечает основной причины роста числа «разбойников», коренившейся в побегах крестьян, разоряемых растущим крепостным гнетом. Он предлагает чисто полицейские меры для борьбы с «разбойниками». Прав был Радищев, когда говорил, что Ломоносов «не всегда проницателен в суждениях»⁶.

Гораздо более интересны высказывания Ломоносова об эмиграции и иммиграции. Бегство крестьян от гнета крепостничества за границу к середине XVIII в. приняло массовый характер. Совершенно ясно, что эти побеги были особенно распространены в районах, прилегающих к границе. Особенно усилились побеги в Польшу: польские помещики обещали всякие льготы беглецам, чтобы потом закабалить их и подвергнуть еще более тяжелой эксплуатации, чем та, от которой они бежали.

Ломоносов говорит об огромных размерах, которые приняли эти побеги уже во второй трети XVIII в. Он пишет, что «с пограничных мест уходят люди в чужие государства, а особливо в Польшу, и тем лишается подданных Российская корона». С этой точки зрения Ломоносов образно называет беглецов «живыми покойниками». Он правильно в данном случае определял причины этого явления: «Побеги бывают более от помещичьих отягощений и солдатских наборов»⁷.

¹ Письмо к Шувалову от 1 ноября 1761 г. («Русская старина», стр. 569). -

² «Русская старина», стр. 569—571.

³ Там же, стр. 575.

⁴ Там же, стр. 576.

⁵ Там же, стр. 577.

⁶ Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, 1938, стр. 338.

⁷ «Русская старина», стр. 579. См. подробнее у Сухоплюева, Взгляды Ломоносова на политику народонаселения (Ломоносовский сборник, изд. Академии Наук, СПб, 1911).

Это явление приняло столь угрожающие размеры, что даже Ломоносов, убежденный во всеисилии государственной власти, считал невозможным на этот раз бороться полицейскими мерами. Но он не предлагает никаких мер, затрагивающих крепостнический строй. Он предлагает «пограничных... жителей облегчить податями и снять солдатские наборы, расположив их по всему государству».

Восполнить убыль от эмиграции Ломоносов предлагал посредством иммиграции: «Место беглецов за границу удобно наполнить можно приемом иностранных...»¹. Интересно сопоставить с этим противоположное мнение прожектера допетровской Руси Юрия Крижанича, считавшего, что «луче есть, да земля стоит пуста, неже да будет обсеелена чужим народом»².

Иммиграция в эпоху Ломоносова приняла довольно широкий характер. В царствование Елизаветы на Украине поселилось около 60 тысяч сербов, а при Екатерине II немецкая колонизация некоторых районов юговосточной Украины так разрослась, что «недоставало рабочих людей, леса и других материалов для скорой постройки им домов»³. Ломоносов высказывал идею, распространенную тогда главным образом среди вельмож-предпринимателей.

Ломоносов считал, что от осуществления его предложений «на каждый год может произойти приращение Российского народа больше против прежнего до полумиллиона душ». Впрочем, Ломоносов тут же добросовестно предупреждает, что эта цифра крайне неточна, так как она получена «одною догадкою».

* * *

Ломоносов субъективно не посягал на основы крепостнического порядка. Он думал об «исправлении неисправ» в рамках этого строя. Но его требования устранения некоторых «неисправ», неразрывно связанных с крепостническими отношениями, объективно были направлены против крепостного строя.

В своей деятельности Ломоносов опирался на передовые слои дворянства и, отчасти, на молодую российскую буржуазию, видя в них прогрессивную силу, движущую хозяйство и культуру родной страны.

Вся научная и общественно-политическая деятельность Ломоносова направлена по пути, начатому Петром I, по пути развития производительных сил и торговли России. Деятельность Ломоносова объективно была направлена на разложение феодально-крепостнического строя, на создание предпосылок капиталистического развития России.

Ломоносов, с точки зрения условий, в которых протекала его деятельность, вырисовывается как крупнейшая прогрессивная сила.

¹ «Русская старина», стр. 579.

² Рукопись Юрия Крижанича помещена в приложении № 4 к журналу «Русская беседа» за 1859 г. под названием, данным редакцией журнала, — «Русское государство в половине XVII в. Рукопись времен царя Алексея Михайловича», стр. 105.

³ Соловьев, История России с древнейших времен, т. XXVII, 1877, стр. 33.

Д. РОЗЕНБЕРГ

Возникновение простого товарного производства и закон его движения

(Окончание¹)

Стоимость и меновая стоимость. Мы ознакомились с характером труда, определяющим стоимость товара, и выяснили факторы, определяющие количественную сторону стоимости. В результате мы пришли к выводу, что стоимость есть не что иное, как овеществленный в товаре абстрактный труд, а величина стоимости определяется общественно-необходимым количеством абстрактного труда. Однако, общественно-необходимое количество абстрактного труда, затраченного на производство товара, не может быть выражено непосредственно в определенном количестве часов: противоречие между общественным и частным характером труда порождает антитезу товарного производства; в связи с этим нет и не может быть общественного органа, который учитывал бы количество общественного труда, затрачиваемого на производство товара. Поэтому стоимость товара может быть определена лишь приблизительно и притом окольным путем: посредством приравнивания одного товара к другому в бесчисленных меновых сделках, совершаемых многочисленными товаропроизводителями. Меновая стоимость, таким образом, есть форма проявления стоимости. В развитом товарном хозяйстве стоимость товаров выражается не в любом другом товаре, а в товаре, служащем деньгами.

«Каждый знает,—говорит Маркс,—если он даже ничего более не знает,—что товары обладают общей формой стоимости, резко контрастирующей с пестрыми натуральными формами их потребительных стоимостей, а именно: обладают денежной формой стоимости. Нам предстоит здесь исследовать вопрос, который буржуазная политическая экономия даже не пыталась поставить,—именно показать возникновение этой денежной формы, т. е. проследить развитие того выражения стоимости, каким является отношение стоимостей товаров, от его простейшей, наиболее скромной формы и вплоть до ослепительной денежной формы»².

Проследить развитие форм стоимости — значит воспроизвести картину развития обмена, начиная с его зародышевых форм и кончая возникновением денег. Этот путь уже проделан нами, и мы должны здесь лишь коротко воспроизвести важнейшие этапы этого пути в той мере, в какой это необходимо для понимания процесса развития форм стоимости.

Но прежде выясним, что такое форма стоимости. Нужно помнить, что обмен и товар возникли раньше денег. Это видно из всего на-

¹ Начало статьи см. в журн. «Проблемы экономики» № 3, 1940.

² Маркс, Капитал, Соцэктгиз, 1931, т. I, стр. 12.

шего изложения: обмен возник как непосредственный, т. е. без посредства денег, как обмен одной потребительной стоимости на другую. Деньги есть результат развития товара и обмена. Поэтому оставим пока деньги в стороне и рассмотрим обмен так, как он возник, т. е. как непосредственный обмен в его наиболее простой форме.

Предположим, что 10 аршин холста обмениваются на 1 сюртук. Ткач потратил определенное количество труда (общественно-необходимого) на производство 10 аршин холста и создал стоимость определенной величины. Но до обмена стоимость холста не была отделена от его потребительной стоимости — холст, как и всякий товар, имеет потребительную стоимость и стоимость. В обмене же стоимость холста воплотилась в сюртуке: ткач произвел холст, но холст он обменял на сюртук, следовательно, созданная им в холсте стоимость представлена теперь в сюртуке. Она отделилась от потребительной стоимости холста и получила отдельную форму существования. Этой формой стал сюртук.

На первый взгляд может показаться, что мы слишком мудствуем, говоря, что стоимость холста отделилась от него и воплотилась в сюртуке. Но если бы мы спросили ткача, какова стоимость 10 аршин холста, он сказал бы, что она равна одному сюртуку, т. е. стоимость холста он называет сюртуком. Следовательно, мы лишь анализируем то, что происходит в обмене: отдавая свой товар в обмен на другой, товаропроизводитель стоимость своего товара получает в этом другом товаре.

Выражение стоимости одного товара в другом товаре происходит при обмене. Вне обмена сюртук есть просто сюртук, при обмене же холст он становится выражением стоимости последнего.

Тот товар, который выражает свою стоимость в другом товаре, находится, как говорит Маркс, в относительной форме стоимости, а второй товар, в котором эта стоимость и выражена, находится в эквивалентной форме. В нашем примере холст находится в относительной форме стоимости, а сюртук — в эквивалентной форме, так как в этом обмене сюртук представлен как воплощение стоимости.

Из всего сказанного следует, что никак нельзя смешивать стоимость с формой стоимости. Стоимость холста создана была тогда, когда был произведен холст; стоимость товара создается в производстве вместе с его потребительной стоимостью. Холст, поскольку он произведен как товар, является одновременно и потребительной стоимостью и стоимостью. Но в обмен на сюртук стоимость холста получила иной, отличный от холста вид — вид сюртука. Или: сюртук стал формой стоимости холста.

Без стоимости нет и меновой стоимости: 10 аршин холста приравниваются к 1 сюртуку лишь потому, что холст и сюртук как продукты человеческого труда имеют стоимость. С другой стороны, именно при обмене стоимость товаров реализуется, что имеет решающее значение для товаропроизводителя. Без реализации стоимости, происходящей в форме меновой стоимости, теряется весь смысл производства товаров и, следовательно, производства стоимости. Вопрос о том, будет ли стоимость реализована, получит ли стоимость холста вид сюртука — это для ткача, как и для всякого товаропроизводителя, вопрос жизни и смерти.

Развитие форм стоимости. Обмен впервые возник как случайный. Форму стоимости, которая получается при таком обмене, Маркс называет простой, единичной, случайной. В обмен вовлечены всего два товара, и совершается такой обмен от случая к случаю. Появились у охотничьего, скажем, племени лишние звериные шкуры, а у племени, изготовлявшего стрелы, завелись лишние стрелы.

Происходит обмен шкур на стрелы: шкуры выражают свою стоимость в стрелах, а стрелы становятся в данном единичном и случайном обмене формой стоимости шкур.

Но уже в простой форме стоимости заложено начало, которое получает дальнейшее развитие с развертыванием обмена. Стоимость, созданная трудом, выражается не прямо, не в трудовых единицах, не в трудовых часах или рабочих днях, а косвенно, через другую вещь. Вследствие этого стоимость товара выступает и представляется как свойство вещи, которое измеряется другой вещью, наподобие того, как измеряется, скажем, длина комнаты метром. Но за измерением длины комнаты метром не скрываются никакие отношения людей — здесь выражено лишь отношение двух величин: комнаты и того, что называется метром. За выражением же стоимости шкуры в стрелах и измерением величины этой стоимости числом стрел скрывается отношение владельцев шкур и стрел. А это отношение есть производственное: владельцы шкур и стрел работали — пусть пока случайно — друг на друга. Следовательно, начало, заложенное уже в простой форме стоимости, сводится к тому, что отношения людей начинают выражаться через отношения вещей.

Развертывание обмена, обусловленное развитием производительных сил, выражается в том, что в обмен начинает вовлекаться много продуктов труда: топоры, стрелы, скот, дичь и т. д. Тогда стоимость шкуры уже получает разные выражения, т. е. разные формы, отличные от шкуры; в обмене на стрелы она получает форму стрел, в обмене на топоры или дичь — форму топоров или дичи. Такую форму стоимости Маркс называет развернутой или развитой.

Здесь налицо дальнейшее развертывание товарных отношений и развитие самой стоимости как категории товарного производства. Но по мере развития обмена все сильнее и сильнее дает себя чувствовать противоположность потребительной стоимости и стоимости. Стоимость шкуры может быть выражена в развернутой форме стоимости в любом товаре; однако потребительная стоимость шкуры часто мешает этому. Проиллюстрирую это на нашем примере: владелец шкуры хочет обменять ее на стрелы, но владелец стрел не нуждается в такой потребительной стоимости как шкура. Хотя объекты для обмена имеются — шкура и стрелы, обмен все же не может состояться. В этих-то практических затруднениях и дает себя чувствовать противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью товара.

Преодолеваются эти затруднения — но отнюдь не противоположность между стоимостью и потребительной стоимостью — лишь тогда, когда из всех товаров выделяется один как наиболее ходкий, наиболее распространенный, в котором все другие товары выражают свою стоимость и который в силу этого становится формой стоимости всех товаров. Эту форму стоимости Маркс называет всеобщей формой стоимости.

Особенность всеобщей формы стоимости заключается в следующем. Во-первых, она является формой стоимости не того или иного товара, а всех товаров или всего, товарного мира. Во-вторых, раньше любой товар мог стать формой стоимости другого товара; теперь же формой стоимости всех товаров является только один товар, который выделился из всех товаров. Наконец, в-третьих, всеобщая форма стоимости есть результат действия всех товаропроизводителей, она — продукт исключительно общественный, а потому и выражает собою наиболее полно общественную связь товаропроизводителей.

«Обмен товаров,— пишет Ленин,— выражает связь между отдельными производителями при посредстве рынка. Деньги означают,

что эта связь становится все теснее, неразрывно соединяя всю хозяйственную жизнь отдельных производителей в одно целое»¹. Всеобщая форма стоимости свидетельствует о том, что между отдельными производителями «связь становится все теснее». Правда, всеобщая форма стоимости — это еще не денежная форма стоимости, но принципиально она уже не отличается от последней.

С появлением всеобщей формы стоимости меняется характер обмена. Владелец шкуры, которому нужны стрелы, обменивает ее сначала на скот (скот стал одним из первых товаров, всеобщей формой стоимости), а затем за скот покупает стрелы. Обмен из непосредственного превращается в обмен, который совершается при посредстве третьего товара, ставшего всеобщим эквивалентом и всеобщей формой стоимости. Обмен товаров разбивается на два акта — на продажу и куплю. Обменивая шкуру на скот, владелец шкуры продает ее — это первый акт обмена; во втором акте он за скот покупает нужные ему стрелы или другой товар.

Каждый старается иметь побольше того товара, который стал всеобщим эквивалентом, так как имея его можно купить любой товар. А потому производители спешат превратить разные продукты труда во всеобщий эквивалент. Особенно это усиливается, когда всеобщим эквивалентом становится благородный металл (серебро и золото), т. е. когда совершается переход от всеобщей формы к денежной форме стоимости.

Итак, исторический процесс развития формы стоимости начинается с простой формы и заканчивается появлением денежной. Решающим в этом процессе является, как мы видели, возникновение всеобщей формы стоимости. Однако развитие формы стоимости достигает своего наивысшего пункта развития лишь тогда, когда появляются металлические деньги. До этого роль всеобщего эквивалента закреплялась за тем или иным товаром ненадолго, и это закрепление имело местный характер. В разных местах разные товары выполняли роль денег; благородный металл на определенной ступени развития товарного производства и обращения стал единственным эквивалентом, везде и всюду заменившим другие товары в роли денег. Все товары по отношению к благородному металлу находятся в относительной форме стоимости, т. е. выражают свою стоимость исключительно в благородном металле, и благородный металл находится в эквивалентной форме и является единственным всеобщим эквивалентом.

Движение товарного производства и закон стоимости. То, что происходит на рынке, на первый взгляд противоречит тому, чему учит политическая экономия: здесь определяют стоимость товаров не трудом, а деньгами; точнее, на рынке интересуются ценами и, говоря о стоимости товаров, имеют в виду их цены. Но по существу никакого противоречия тут нет.

Что такое цены? Цены есть не что иное, как денежное выражение стоимости, или — что одно и то же — денежная форма стоимости. Выражение — одна пара обуви стоит 5 рублей, означает, что на производство пары обуви общественно-необходимого абстрактного труда затрачено столько, сколько на производство той части серебра или золота, которая заключена в 5 рублях. Участники обмена могут, конечно, не иметь ни малейшего представления об общественно-необходимом труде, но, приравнивая разные товары к соответственным количествам денег, они, не сознавая этого, приводят частный и конкретный труд к абстрактно-общественному, а индивидуальный труд — к общественно-необходимому.

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 351.

Стоимость проявляется и выражается в ценах субъективно, помимо воли и сознания людей. Только вульгарные буржуазные экономисты рассматривают стоимость как субъективное отношение, как отношение человека к вещи, как выражение оценки той или иной вещи в зависимости от ее полезности и редкости.

Хотя цены есть не что иное, как выражение стоимости, но они с ней, за редкими исключениями, не совпадают. Товарное хозяйство — анархическая система хозяйства. Поэтому товаров на рынке бывает то больше, чем их можно купить, то меньше. В первом случае цены падают, во втором — поднимаются; словом, цены то поднимаются, то опускаются. Но движение цен — не произвольное движение, оно подчинено определенному закону — закону стоимости.

Цены колеблются вокруг стоимости, не совпадая с ней. Но подъем цен выше стоимости не может быть длительным, как не может быть длительным и падение цен ниже стоимости; длительный подъем цен неизбежно приводит к их снижению, и обратно — длительное падение цен с такой же неизбежностью приводит к их повышению. Мы уже выяснили, что высокие цены стимулируют расширение производства, а низкие цены заставляют сузить его. Допустим, что цены на обувь поднимаются выше ее стоимости; тогда производство обуви становится выгодным и привлекает к себе больше производителей, т. е. значительная часть общественного труда затрачивается на обувное дело. А так как расширение производства совершается стихийно (ведь никто не знает, насколько следует расширить производство обуви), то в результате получается, что предложение обуви превышает спрос и цены опускаются ниже стоимости. Низкие цены, т. е. цены ниже стоимости, будут действовать в обратном направлении.

Итак, цены не могут оторваться от стоимости; они могут только колебаться вокруг нее. А это значит, что закон стоимости направляет движение цен.

Но это лишь одна сторона дела. Присмотримся к другим сторонам действия закона стоимости.

В движении цен находит также свое выражение и тот факт, что величина стоимости обратно пропорциональна производительности труда. Длительное повышение или понижение цен обусловлено изменением в производительности труда. Повышение производительности труда, снижая стоимость товара, снижает и его цену; наоборот, понижение производительности труда повышает его цену.

Таким образом, налицо два вида движения цен: 1) их колебание вокруг стоимости, 2) их падение или повышение в результате повышения или падения самой стоимости. И то и другое изменение цен направляет закон стоимости.

Однако роль закона стоимости не исчерпывается тем, что он управляет движением цен. Он является также законом движения товарного хозяйства. На основе закона стоимости происходят развитие производительных сил, разложение простого товарного производства, рост капиталистических отношений.

В самом деле, возьмем простое товарное хозяйство мелких производителей: — крестьян и ремесленников. Это еще не капиталистическое хозяйство, но на основе присущих ему внутренних закономерностей, на основе закона стоимости оно неизбежно разлагается. Разложение простого товарного хозяйства в определенных исторических условиях приводит к возникновению капиталистических отношений. Среди мелких товаропроизводителей происходит ожесточенная конкуренция, в которой побеждает тот, кто производит дешевле; а дешевле производит тот, у кого выше техника, а, следовательно, производительность труда.

Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» с замечательной ясностью и глубиной показал возникновение и рост капиталистических отношений из простого товарного производства. Подводя итог статистическим данным о разложении крестьянского хозяйства в дореволюционной России, он писал: «Строй общественно-экономических отношений в крестьянстве (земледельческом и общинном) показывает нам наличие всех тех противоречий, которые свойственны всякому товарному хозяйству и всякому капитализму: конкуренцию, борьбу за хозяйственную самостоятельность, перебивание земли (покупаемой и арендуемой), сосредоточение производства в руках меньшинства, выталкивание большинства в ряды пролетариата, эксплуатацию его со стороны меньшинства торговым капиталом и наймом батраков. Нет ни одного экономического явления в крестьянстве, которое бы не имело этой, специфически свойственной капиталистическому строю, противоречивой формы, т.-е. которое не выражало бы борьбы и розни интересов, не означало плюс для одних и минус для других»¹.

В этой борьбе побеждают те, кто затрачивает меньше труда на производство товаров, у кого стоимость их ниже.

Касаясь вопроса об общественно-необходимом времени, мы приводили статистические данные, из которых явствовало, что более зажиточные, кулацкие группы крестьянства сосредоточивали у себя больше сельскохозяйственного инвентаря, скота и т. д. Это давало им громадное преимущество в конкурентной борьбе и вело к разорению и закабалению основной массы крестьянства. Этот вывод подтверждается данными о применении машин в сельском хозяйстве дореволюционной России.

Результатом введения машин в условиях товарного производства является, во-первых, рост производительности труда и, следовательно, снижение стоимости товара и, во-вторых, все большее сосредоточение производства в руках кулачества за счет разорения середняков и бедняков. «Введение машин,—говорит Ленин,—с одной стороны, требует значительных размеров капитала и потому доступно только крупным хозяевам; с другой стороны, машина окупается только при громадном количестве обрабатываемого продукта...»².

Ленин приводит в качестве примера крупное хозяйство, которое применяет одновременно сотни жатвенных машин: конные молотилки на 4—8 лошадей, которые требуют от 14 до 23 и более рабочих разных возрастов, паровые молотилки — от 50 до 70 рабочих и т. д.

Все это говорит о том, что машина — это могучее средство повышения производительности труда и, следовательно, снижения стоимости товара — доступна в капиталистическом обществе лишь помещикам и кулачеству: «Систематическое употребление машин в сельском хозяйстве,—по словам Ленина,—с такой же неумолимостью вытесняет патриархального «среднего» крестьянина, с какой паровой ткацкий станок вытесняет ручного ткача-кустаря»³.

О последствиях введения ткацкого станка мы уже говорили.

Промышленный переворот по своим опустошительным последствиям для мелких производителей можно сравнить с нашестием неприятельской армии, разоряющей и опустошающей завоеванную страну. Но последняя действует военной силой, а промышленный переворот действует на основе закона стоимости, согласно которому величина стоимости товаров определяется общественно-необходимым рабочим временем.

¹ Ленин, Соч., т. III, стр. 124—125.

² Там же, стр. 171.

³ Там же, стр. 170—171.

Товарный фетишизм и его тайна. Все изложенное о товаре, стоимости, форме стоимости и законе стоимости вполне подготовило нас к пониманию этой тайны. Мы уже отмечали, что стоимость, созданная трудом товаропроизводителя, выступает как свойство самой вещи.

На самом деле за меновой стоимостью товаров скрываются отношения товаропроизводителей, обменивающихся продуктами своего труда. Отношения людей — товаропроизводителей — выражаются в форме отношения вещей — товаров. Больше того, только в этой вещной форме они и могут выражаться. Это объективный факт, обусловленный товарным производством. Хотя товаропроизводители производят в обществе и для общества и в этом смысле труд их носит общественный характер уже в самом процессе производства, однако этот общественный характер труда проявляется лишь в обмене одного товара на другой, т. е. при посредстве вещей.

Общественный характер труда товаропроизводителей, существующий на основе общественного разделения труда, оказывается скрытым. На поверхности товарного хозяйства видно лишь, что товары обмениваются один на другой и тот, кто имеет одни товары, может взамен их получить другие, будто товары сами по себе, как вещи, обладают свойством обмениваемости.

Величина стоимости товаров определяется общественно-необходимым рабочим временем. Но опять-таки в мире товаров, на рынке, величина стоимости одного товара измеряется другим товаром, тем, который дают за первый товар. А с появлением денег величина стоимости товаров измеряется тем количеством денег, за которое их покупают. Общественно-необходимое количество абстрактного труда, затраченное на производство товара, замаскировано и имеет вид денег.

Отношения вещей, выражая и в то же время маскируя отношения людей, господствуют над людьми. Не люди управляют вещами и их отношениями, а, наоборот, вещи и их отношения решают судьбу людей. Мы только что ознакомились с проявлениями закона стоимости. Он проявляется, по выражению Маркса, наподобие того, как проявляется закон всеобщего тяготения, когда на голову человека обрушивается дом.

Закон стоимости господствует над товаропроизводителями как закон цены, как закон отношения вещей. Приходит товаропроизводитель на рынок в надежде реализовать стоимость своего товара и приобрести на вырученные деньги нужные ему средства существования и хозяйственные предметы. Но нередко случается, что на его товар либо вовсе нет покупателя, либо продать его можно по крайне низкой цене. И товаропроизводитель уходит с рынка, продав свой товар себе в убыток; если же такие казусы повторяются несколько раз, он окажется окончательно разоренным.

Товары, выражая и маскируя отношения людей, приобретают особую силу — управления судьбами товаропроизводителей. Это и придает товарам фетишистический характер, который обусловлен особенностями труда товаропроизводителей. «Этот фетишистический характер товарного мира, — говорит Маркс, — порождается, как уже показал предшествующий анализ, своеобразным общественным характером труда, производящего товары»¹.

С превращением простого товарного производства в капиталистическое и с развитием последнего товарный фетишизм усиливается и приобретает новые черты. В противоречии простого товарного про-

¹ Маркс, Капитал, Соцэкгиз, 1931, т. I, стр. 32.

изводства, в своеобразном общественном характере труда, производящего товары, заложен зародыш всех противоречий капитализма. Точно так же в фетишистическом характере простого товарного производства заложен фетишистический характер всех капиталистических отношений. Товарный фетишизм, как и товарное хозяйство, есть исторически преходящее явление. Как мы видели, корни его кроются в товарном производстве, основанном на частной собственности на средства производства, на противоречии между общественным и частным трудом.

Товарный фетишизм исчезает с уничтожением товарно-капиталистической системы. Он уже исчез на одной шестой части земного шара — в нашем социалистическом государстве, в СССР.

По поводу союза свободных людей Маркс писал: «При этом условии рабочее время играло бы двоякую роль. Его общественно планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта. Общественные отношения людей к их работам и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении»¹.

У нас в СССР рабочее время действительно играет эту двоякую роль: во-первых, общественно планомерное распределение между разными отраслями хозяйства «устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями»; во-вторых, оно служит у нас «мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта».

Припомним неоднократное указание товарища Сталина, что при социализме осуществляется положение — от каждого по способностям и каждому по труду. Труд рабочего, колхозника и других трудящихся, занятых в социалистическом хозяйстве, служа мерой индивидуального участия в совокупном труде, служит тем самым и мерой потребления. Таким образом, общественные отношения граждан нашей страны остаются «прозрачно ясными, как в производстве, так и в распределении».

III

Теория трудовой стоимости до Маркса

Закон стоимости по Энгельсу стал действовать задолго до возникновения капиталистического способа производства. Товарообмен между мелкими производителями города и деревни совершался приблизительно в соответствии с количеством труда, которое затрачивалось на производство ремесленных изделий и сельскохозяйственных продуктов. Но в докапиталистических формациях отсутствовали условия для того, чтобы открыть закон стоимости и теоретически его формулировать.

В античном мире теоретическая мысль (особенно в области философии) достигла значительного развития, но развивалась она на базе рабовладельческих отношений. Как буржуазные идеологи считают буржуазные отношения естественными и вечными, так идеологи античного мира считали естественными и вечными рабовладельческие

¹ Маркс, Капитал, Соцэжгиз, 1931, т. I, стр. 37.

отношения. Даже такой гигант научной мысли, как Аристотель, хотя и открыл, что при обмене одного товара на другой их приравнивают друг к другу, не мог подняться до понимания того, что за равенством различных продуктов труда скрывается равенство различных видов труда, «...так как греческое общество покоилось на рабском труде и, следовательно, имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил»¹. На таком «естественном базисе» не могло быть открыто равенство труда, заключенного в товарах, а без этого определения нет и не может быть теории трудовой стоимости.

Не было почвы для этой теории и при феодализме, также имевшем «своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил». Однако феодально зависимый крестьянин и ремесленник уже не рассматривались как вещи, как орудия труда, отличающиеся от других орудий труда лишь способностью членораздельной речи. Поэтому закон стоимости, господствовавший в товарообмене между городом и деревней, уже находит некоторое выражение (правда, как в кривом зеркале) в канонической теории «справедливых цен». Согласно этой теории цены товаров должны регулироваться (свободных цен, как правило, не существовало) так, чтобы с одной стороны принимались во внимание трудовые затраты на производимые товары, а с другой — общественное положение владельца товара. Трудовой «принцип» дополняется с о с л о в н ы м: «справедливые цены» должны быть вознаграждением за труд, потраченный на производство товара, но в то же время труд представителей разных сословий и разных групп внутри них должен по-разному оцениваться. Мысль о равенстве всех видов труда, овеществленного в товаре, еще отсутствует, — отсутствует и теория трудовой стоимости.

Впервые общественные условия для теории трудовой стоимости появились с возникновением капиталистического способа производства. Начало этой теории положил английский экономист XVII в. Вильям Петти (1623—1687 гг.). Как учит Маркс, «...тайна выражения стоимости может быть расшифрована ...лишь в таком обществе, где товарная форма есть общая форма продукта труда, а следовательно, отношение людей друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением»². В XVII в. английское общество достигло этого уровня развития, и его идеолог является основоположником теории трудовой стоимости.

Петти различал естественную и рыночную цены и предметом своих исследований сделал первую. Он считал, что естественной ценой одного бушеля хлеба является такое количество серебра, на производство и доставку которого истрачено столько же труда, сколько на производство и доставку бушеля хлеба. Петти еще не проводил различия между стоимостью и ее денежным выражением, т. е. ценой: естественная цена хлеба им рассматривалась и как стоимость хлеба и как цена его. Но он уже исходил из равенства труда, заключенного в разных товарах, — и это составляет крупнейшую его заслугу.

Дальнейшее развитие теория трудовой стоимости получила у Смита и особенно у Рикардо.

Провозгласив, что источником богатства является труд, Адам Смит (1723—1790 гг.) поднял теорию трудовой стоимости на новую ступень: меновая стоимость товаров определяется трудом, поскольку эти товары созданы трудом. Отсюда Смит делал важный вывод: прибыль и рента как нетрудовые доходы являются вычетами из продукта труда.

¹ Маркс, Капитал, Соцэкгиз, 1931, т. I, стр. 21.

² Там же.

работника. Смит уже не смешивал меновой стоимости товаров с денежным ее выражением — ценой. Но, сделав крупный шаг вперед, Смит сделал и не менее значительный шаг назад. Он с самого начала внес путаницу тем, что меновую стоимость товаров определял то трудом, затраченным на их производство, то трудом, который на них покупается. В дальнейших своих исследованиях Смит незаметно для себя переключался на новые позиции, противоположные исходным. Переходя от таких простых категорий, как товар, меновая стоимость, деньги, к более сложным категориям, какими являются прибыль, заработная плата, рента, Смит заявил, что на перечисленные доходы разлагается меновая стоимость товаров, т. е. одна часть ее осядет в кармане капиталиста в виде прибыли, другая возмещает расход на заработную плату, третью получает землевладелец в виде ренты. Но тут же допустил крупную ошибку, утверждая, что поскольку меновая стоимость товаров разлагается на доходы, она из них и складывается. А это уже означает, что меновая стоимость товаров представляет собою лишь сумму трех названных доходов; следовательно, она определяется не трудом, а этими доходами. Такой разрыв в теории трудовой стоимости Смит объяснял так: до появления капитала и частной собственности на землю (такое состояние общества он называет первобытным) меновая стоимость товаров определялась трудом; после их появления она стала определяться доходами. Но это объяснение свидетельствует лишь о том, что Смит, выдвинув ряд правильных положений, не смог развить их в должном направлении и применить к сложной капиталистической действительности, а потому вынужден был заявить, что они верны лишь в «до-адамово время».

Заслуга Давида Рикардо (1772—1823 гг.) прежде всего в том, что он рассматривает определение стоимости рабочим временем как основу буржуазной системы хозяйства и ставит задачу — согласовать все экономические категории с этой основой. Исходя из такой установки, Рикардо, в противоположность Смигу, доказывает, что закон стоимости продолжает действовать и после появления капитала и земельной собственности и что именно на основе этого закона происходит распад меновой стоимости товаров на заработную плату, прибыль и ренту. Короче — и в развитом буржуазном обществе стоимость определяется трудом, а не доходами.

Рикардо также доказал, что нельзя отождествлять труд, покупаемый на товар, с трудом, овеществленным в нем; труд, который рабочий отчуждает капиталисту в обмен на заработную плату, больше того труда, который овеществлен в этой заработной плате. Кроме того он доказал, что меновая стоимость товара определяется только трудом, затраченным на его производство, а отнюдь не трудом, покупаемым на него.

Таким образом, теория трудовой стоимости до Маркса разрабатывалась на протяжении около полутора веков, начиная с Вильяма Петти и кончая Давидом Рикардо. Ее предистория относится к еще более отдаленной эпохе — к эпохе Аристотеля, который впервые пытался расшифровать «тайну выражения стоимости». Он этой «тайны», как мы видели, не раскрыл, но своим учением о том, что обмен товаров предполагает их равенство, поставил перед наукой определенную проблему — искать причины этого равенства.

Научную буржуазную политическую экономию, начатую Петти и завершенную Рикардо, Маркс называет классической, так как она в известной мере (в какой ей удалось развить теорию трудовой стоимости) вскрыла «физиологию буржуазного общества» (ее строение и

внутренние связи). Подняв на большую высоту теорию трудовой стоимости, Рикардо поднял на значительную высоту политическую экономию вообще.

Но теория трудовой стоимости до Маркса — даже в наиболее развитом ее виде, т. е. у Рикардо — страдала крупнейшими недочетами, мешавшими ей стать подлинной научной теорией. На ней прежде всего лежала печать ограниченности буржуазного кругозора. Буржуазные мыслители, даже наиболее добросовестные и прогрессивные, были убеждены в том, что буржуазный способ производства является единственно естественным и нормальным. Поэтому и законы буржуазной системы хозяйства они рассматривают как естественные, а не как исторические, присущие лишь одной экономической формации — капиталистической. Это сказалось и на теории трудовой стоимости: товарную форму продукта труда классическая политическая экономия рассматривает как естественную; естественным она считает и то, что труд создает стоимость; наконец, естественным для нее является и закон стоимости.

Такова неверная, антиисторическая методология буржуазной классической политической экономии и ее теории трудовой стоимости. А это в свою очередь повлияло на содержание и характер исследования. Приняв товарную форму продукта труда как естественную, классики уже не исследовали этой формы, даже не ставили вопроса — при каких условиях она возникла и при каких должна исчезнуть. Точно так же они не исследовали, при каких условиях и в силу чего труд создает стоимость; поэтому они не вскрыли и не могли вскрыть «двойной характер заключающегося в товарах труда». Следовательно, они не вскрыли и не могли вскрыть противоречия между общественным и частным характером труда товарного производства. Противоречие товарного производства, выраженное в товаре, являющемся одновременно продуктом и частным и общественным трудом, осталось вне поля их зрения.

Анализ классиков носит количественный характер, а не качественный. Их интересует величина стоимости и чем она определяется, почему товары обмениваются в такой пропорции, а не иной; но они не исследуют стоимость как форму выражения производственных отношений товаропроизводителей. И закон стоимости их интересует в той мере, в какой им регулируются колебания и движения цен; но закон стоимости как специфический закон движения капитализма опять-таки остался вне их поля зрения.

Ленин считал одним из источников марксизма английскую классическую политическую экономию. Это полностью применимо и к теории трудовой стоимости английских классиков: она один из источников марксистской теории стоимости. Выделив научные элементы теории классиков, Маркс коренным образом их переработал, освободил политическую экономию от буржуазной ограниченности кругозора и создал новую, подлинно научную теорию. Эта теория вскрыла природу товара как единства противоположностей и «формы экономической клеточки» буржуазного общества, в которой в зародыше уже заложены все противоречия этого общества. Она вскрыла «двойной характер заключающегося в товарах труда», обусловленный тем, что этот труд является и частным и общественным. Она дала исчерпывающий анализ формы стоимости и разгадку сущности денег. Она вскрыла производственные отношения людей, скрывающиеся за отношениями вещей, и тайну товарного фетишизма. Она, наконец, доказала, что закон стоимости есть специфический закон товарного производства.

IV

Вульгарные «теории» стоимости

Еще в эпоху Рикардо представители вульгарной экономии стали противопоставлять ему свои «теории» стоимости. С того времени их накопилось бесчисленное множество, и нет никакого смысла в детальном рассмотрении каждой из них в отдельности; притом многие из них повторяют друг друга, лишь варьируя и комбинируя одни и те же мотивы и «основания». Рассмотрим только важнейшие направления, по которым движется вульгарная экономия в вопросе о стоимости.

Спрос и предложение. Повседневные наблюдения показывают, что цены постоянно колеблются, то вверх, то вниз, в силу изменения отношений между спросом на товары и предложением их. Когда спрос превышает предложение, цены поднимаются; когда же он ниже предложения, цены падают. Отсюда делается вывод, что меновая стоимость товаров определяется отношением спроса и предложения.

Во-первых, эти «теоретики» подменяют стоимость товаров их рыночной ценой, считая, что под влиянием изменения спроса и предложения меняется и та и другая. Фактически это означает полный отказ от стоимости как особой категории: на самом деле, если стоимость, как и цена, каждый раз определяется спросом и предложением, то между ними нет никакого различия, и эта категория совершенно излишня. Некоторые современные буржуазные экономисты изгнали, как увидим, категорию стоимости из политической экономии, но первые вульгаризаторы еще не шли так далеко, ограничиваясь ссылкой на спрос и предложение, якобы являющиеся регуляторами цены и стоимости товаров.

Во-вторых, «теория» спроса-предложения не дает ответа на вопрос: чем определяется цена и стоимость товаров в том случае, когда спрос и предложение совпадают. Правда, такой случай довольно редок, но научная теория стоимости должна исходить именно из этого случая, так как анализ его дает ключ к пониманию самого процесса колебания рыночных цен. Цены то поднимаются вверх, то опускаются вниз, но спрашивается: выше чего они поднимаются и ниже чего они опускаются? Поэтому прежде всего следует выяснить, чем определяется стоимость и ее денежное выражение, т. е. цена, при совпадении спроса и предложения, а затем исследовать отклонения от этой цены вверх и вниз. Так поступил еще Вильям Петти, который открыл, что стоимость, названная им естественной ценой, определяется трудом. «Теоретики» же спроса-предложения подменили исследование того, вокруг чего происходят колебания рыночных цен, описанием механизма этих колебаний.

В-третьих, «теория» спроса-предложения заставляет возвращаться в заколдованном кругу. Верно, что изменения в спросе и предложении вызывают изменения в ценах. Но не менее верно и обратное — изменения в ценах вызывают изменения в спросе и предложении. Подъем товарных цен, с одной стороны, стимулирует расширение производства, а с другой — суживает спрос: чем дороже тот или иной продукт, тем менее он доступен широким массам. Падение цен влечет за собой сокращение производства и расширение спроса. По этому тезису — отношением спроса и предложения определяются стоимость и цены товаров — можно противопоставить противоположный тезис — уровнем стоимости и цен определяются спрос и предложение. Это и есть не что иное, как вращение в заколдованном кругу.

Издержки производства. Производство товара требует расходов — на сырье и вспомогательные материалы, на орудия труда и содержание, как выражаются буржуазные экономисты, работника. Все эти расходы называются издержками производства. Они-то, как уверяют представители так называемой теории издержек производства, и определяют стоимость товаров. Скажем, стоимость обуви определяется расходами на все, что необходимо для производства обуви. Если ее продажная цена будет ниже этих издержек, то сапожник разорится; если же она будет выше их, то производство обуви расширится, и превышение предложения над спросом снизит цены до уровня, определяемого издержками производства.

Не будем забегать вперед и доказывать, что капиталистический предприниматель — в нашем примере владелец обувной фабрики — не может продавать товары по цене, равной издержкам производства, так как такая продажа ему никакой прибыли не даст и предпринимательство окажется для него совершенно бессмысленным делом. Прибыль — категория капиталистического производства, а мы пока находимся, так сказать, в мире простых товаропроизводителей. Поэтому, не касаясь проблемы прибыли, рассмотрим вопрос в общей форме: можно ли стоимость товаров определить издержками их производства. Ясно, что и эта «теория» вращается в заколдованном кругу.

Что такое издержки производства? Сумма стоимостей, израсходованных на все, что необходимо для производства данного товара. Следовательно, «теория» издержек производства определяет стоимость... стоимостью.

Верно лишь то, что стоимость того или иного товара зависит еще от стоимости средств его производства; но отсюда следует, что стоимость товара определяется не только тем трудом, который непосредственно потрачен на его производство, но и трудом, овеществленным в средствах производства. Этому учил еще Рикардо, а Маркс, развив это положение, показал, как одновременно происходят два процесса: процесс производства новой стоимости абстрактным трудом и процесс перенесения стоимости со средств производства на готовый продукт конкретным трудом (это будет детально рассмотрено при анализе капиталистического производства как производства прибавочной стоимости).

Полезность и редкость. Еще современник Рикардо, представитель вульгарной экономии француз Сэй (1767—1832 гг.), утверждал, что стоимость товаров зависит от их полезности, которой она определяется. Завязалась полемика между Рикардо и Сэем. Рикардо установил, что, во-первых, нельзя смешивать потребительную стоимость с меновой, так как полезность образует потребительную стоимость, но не меновую; во-вторых, что есть вещи с высокой потребительной стоимостью, но не имеющие меновой стоимости — вода, воздух и т. п.; и, в-третьих, что никак нельзя утверждать, будто чем полезнее вещь, тем выше ее меновая стоимость. Фунт золота дороже фунта железа примерно в две тысячи раз; следует ли отсюда, что золото во столько же раз полезнее железа? Конечно, нет.

Сэй и его сторонники не сдавались: они даже выдвинули контробвинение, будто Рикардо не считается с таким решающим фактом, как полезность. Это же обвинение было брошено и Марксу немецким экономистом Вагнером в рецензии на «Капитал». Этот «темный муж», по выражению Маркса, утверждал, что Маркс якобы игнорирует потребительную стоимость товаров. Все это — сплошная демагогия, да еще помноженная на невежество. Именно Маркс впервые всесторонне исследовал товар как единство противоположностей —

потребительной стоимости и стоимости; он же вскрыл ту роль, которую потребительная стоимость играет в буржуазном обществе как носительница меновой стоимости. Рикардо также не игнорировал потребительной стоимости, но он справедливо указывал, что хотя она и является условием обмена (вещи, не имеющие потребительной стоимости, не могут быть объектом обмена), тем не менее она не может служить определением меновой стоимости.

Аргументы Рикардо против определения меновой стоимости товаров их полезностью настолько убедительны, что с ними нельзя было не считаться; тогда для спасения «теории» полезности выдвинули новый момент — редкость. Меновая стоимость товаров определяется их полезностью и редкостью. Поэтому вода, воздух, солнечная теплота, хотя и имеют высокую потребительную стоимость, все же не имеют меновой стоимости, так как они находятся в большом изобилии. Золото дороже железа также потому, что оно более редкий металл, чем железо. Выход из затруднений, конечно, был мнимый. Даже с точки зрения буржуазных экономистов, которые рассматривают стоимость исключительно с количественной стороны, т. е. интересуются лишь меновым отношением товаров, нельзя величину стоимости вывести из таких двух факторов, как редкость и полезность. Во-первых, их невозможно свести к единой определенной величине. Во-вторых, одна вещь более полезна или реже встречается, чем другая, но это есть то, что качественно отличает одну вещь от другой, а отнюдь не количественно. Следовательно, вывести меновое отношение этих двух металлов из их отношения редкости и полезности никак нельзя.

Предельная полезность. По «теории» предельной полезности редкость и полезность хозяйственных благ (Бем-Баверк и его единомышленники свои исследования начинают с благ вообще) сами по себе еще не создают ценности: последнюю создает индивид своей оценкой этих благ, своим отношением к ним. Следовательно, ценность есть выражение отношения человека к хозяйственным благам. Вопрос, таким образом, переносится в другую область — из политической экономии в психологию, науку о душевных переживаниях человека и о мотивах его поведения. При таком понимании ценности вопрос о ней сводится к выяснению того, чем руководятся и из чего исходят отдельные индивиды в своих оценках хозяйственных благ.

Возьмем такое благо, как хлеб. Полезность его весьма высокая, высока ли и его ценность? На это Бем-Баверк отвечает: индивид в оценке хлеба (это применимо и к другим благам) исходит не из полезности хлеба вообще, а из полезности того определенного количества хлеба, которое находится в его распоряжении. Допустим, что в распоряжении индивида имеются пять мешков зерна: один предназначен для его собственного питания, другой — для прокорма скота, третий — для гонки спирта, четвертый для запаса, а пятый может быть роздан друзьям и даже нищим. Полезность первого мешка наиболее высокая, второго — ниже, а полезность последнего мешка — самая низкая. Так получается градация или шкала полезностей одного и того же блага. Как же будет определяться ценность отдельного мешка хлеба? Ценность его, по Бему, будет определяться полезностью последнего мешка, т. е. того мешка хлеба, который имеет наименьшую полезность. Эту наименьшую полезность Бем назвал предельной полезностью, почему его «теория» ценности и названа «теорией» предельной полезности. Почему полезность последнего мешка хлеба определяет ценность и других мешков? Если владелец нескольких мешков хлеба продаст один мешок, то он откажет-

ся от удовлетворения наименее важной для него потребности из числа тех, которые могут быть удовлетворены хлебом. В нашем примере, лишившись одного из пяти мешков зерна, владелец их откажется от раздачи хлеба друзьям или нищим. Поэтому, пока у него есть пять мешков зерна, ценность каждого из них определяется полезностью пятого мешка; когда же у него останутся четыре мешка, ценность каждого мешка определится полезностью четвертого мешка и т. д.

После длительных суждений мы пришли к довольно скудному и незатейливому выводу: ценность хлеба зависит от его количества, или, что одно и то же, от степени редкости его. Всем известно, что хлеб в урожайный год дешев, а в неурожайный — дорог. Но обыкновенные смертные, говоря о дорогом или дешевом хлебе, имеют в виду его цены, устанавливаемые на рынке. Бем же цены превратил в ценность, а ценность — в явление психологическое, присущее человеку, при каких бы условиях он ни жил. Однако и вульгарная политическая экономия не может ограничиться психологическими изысканиями — в них она ищет лишь точки опоры и оправдания того, что происходит в капиталистическом мире, особенно на рынке. И Бем после длительных странствований по пустыням, где он изучает психологию оценок разных благ пустынниками, возвращается на капиталистический рынок. Последуем и мы за ним.

На рынок и покупатели и продавцы приходят со своими оценками тех благ, которые одни продают, а другие покупают. Проиллюстрируем это опять на хлебе. Одним покупателям нужен хлеб для питания, другим — для спирта, следовательно, первые готовы платить за хлеб самые высокие цены, вторые — только умеренные. Среди продавцов хлеба находятся также такие, которые вывезли хлеб, предназначенный для раздачи бедным; но есть и такие, которым хлеб нужен для более насущной потребности — например, как корм для скота, а продают они его, потому что хотят приобрести еще более ценную вещь. Первые продавцы могут продать хлеб дешево, вторые не могут. Происходит борьба как между покупателями, так и между продавцами; результатом конкуренции является то, что Бем называет объективной ценностью.

Субъективная ценность есть отношение индивида к своим хозяйственным благам, а объективная ценность — отношение субъективных ценностей, устанавливаемое на рынке в результате конкуренции. Опять приходится констатировать, что гора родила мышь: объективная ценность Бема не что иное как рыночная цена и, как результат, с одной стороны, борьбы между покупателями, а с другой — между продавцами, она не представляет никакой загадки. Все мудрствования насчет субъективной ценности не только ничего не дают для понимания образования рыночных цен, но совершенно запутывают простой и ясный вопрос.

«Теория» предельной полезности справедливо названа ее противниками теорией предельной бесполезности. Она бесполезна, так как не разрешила ни одной экономической задачи. Отказываясь от действительной основы всей политической экономии — определения стоимости рабочим временем, авторы предельной полезности сооружают мнимую основу в виде субъективной ценности.

Цены без стоимости. Возложенные буржуазией на субъективистов надежды, что они покончат с теорией Маркса, конечно не оправдались. Наоборот, в ленинизме марксистская политическая экономия получила дальнейшее развитие. Неудачу Бема и К^о вынуждены были признать и видные буржуазные экономисты; но не отказавшись от субъективизма, они пытались соединить «теорию»

субъективной ценности с теорией трудовой стоимости. Среди русских экономистов особенно усердствовал в этом направлении бывший «легальный марксист» Туган-Барановский. Это было своего рода попыткой убить теорию трудовой стоимости... иудиным поцелуем: трудовой принцип уже не так плох, но он односторонен, а потому его следует сочетать с «принципом» предельной полезности. Как из рога изобилия посыпались всевозможные «опыты» с целью соединения несоединимого. Но для настоящего времени характерными являются не эти попытки, а полный отказ от какой бы то ни было теории стоимости или ценности.

Эти «радикалы» рассуждают так: цена — явление реальное, стоимость — лишь метафизическая сущность. А потому политической экономии, как науке позитивной, не следует заниматься метафизикой. Один французский экономист даже назвал стоимость «паразитическим элементом в экономической теории». Не станем спорить с «остроумным» французом, скажем лишь, что в отношении вульгарных «теорий» стоимости он вполне прав: ничего, как мы видели, не объясняя, они действительно ни к чему.

Итак, после долгих и тщетных попыток создать такую теорию стоимости, которую можно было бы противопоставить теории трудовой стоимости, буржуазные экономисты расписались в своем полном бессилии и кинули клич: долой стоимость, будем изучать только рыночные цены. При этом они становятся в позу победителей: мы, мол, покончили со всякой метафизикой, в том числе и со стоимостью.

Об этом новейшем достижении вульгарной экономии еще в 1913 г. (тогда оно уже стало прокладывать себе путь) оповестил русских читателей другой бывший «легальный марксист» Струве в своей книге «Хозяйство и цена». Всячески издеваясь над стоимостью и называя ее фантомом, Струве уверяет своих читателей, что «никакой общей субстанции и никакого равенства, предсуществующего обмену, нет и быть не может. Совершенно ясно, что с этой точки зрения (с точки зрения пресловутого эмпиризма.— Д. Р.) ценность вовсе не управляет ценами»¹.

Достойную отповедь этот апологет капитализма получил от Ленина. В своей классической статье «Еще одно уничтожение социализма», направленной против Струве, Ленин пишет: «Называя «эмпиризмом» признание стоимости за фантом и «метафизикой» стремление... найти закон образования и изменения цен, г. Струве повторяет прием новейших философских реакционеров, которые «метафизикой» считают материализм естествознания вообще, а «эмпиризмом» объявляют ступеньку к религии. Изгнание законов из науки есть на деле лишь протаскивание законов религии»².

¹ Струве, Хозяйство и цена, 1913 г., стр. 91.

² Ленин, Соч., т. XVII, стр. 274.

Новые работы Института экономики Академии наук СССР

Экономическая география СССР, ч. I, учебник для вузов под редакцией гг. С. С. Балзак, В. Ф. Васюткина и Я. Г. Фейгина. Соцэргиз, М. 1940, стр. 407.

Учебник написан авторским коллективом в составе: члена-корреспондента Академии Наук УССР Я. Г. Фейгина, доктора экономических наук Б. Л. Маркуса, проф. М. И. Галицкого, кандидата экономических наук А. С. Либкинда, доцента Т. С. Хачатурова, В. Ф. Васюткина и П. И. Кудленок.

Учебник состоит из двух частей. В первой части дан обзор размещения производительных сил СССР в целом: характеристика природных условий и естественных ресурсов СССР, размещение населения, промышленности, сельского хозяйства и транспорта.

Экономика социалистической промышленности, учебник для вузов, под редакцией докторов экономических наук Е. Л. Грановского и Б. Л. Маркуса. Соцэргиз, М. 1940, стр. 598.

Учебник написан авторским коллективом в составе: Е. Л. Грановского, И. М. Бровера, А. И. Ноткина, Б. М. Сухаревского, А. Д. Курского, Н. С. Власова, Л. Н. Те-

лятникова, Г. Д. Гуларп, Я. Г. Фейгина, А. А. Аракеляна, А. Е. Григорьева и Е. В. Касимовского.

В книге дана краткая характеристика этапов развития промышленности СССР. Все проблемы изложены под углом зрения решения основной экономической задачи СССР. Материал расположен по основным проблемам курса: 1) историческая часть, 2) производственная программа, 3) техническая база, 4) социалистическое обобществление труда, 5) размещение, 6) капитальное строительство и основные фонды, 7) качественные показатели работы промышленности и 8) организация управления и планирования промышленности.

В. М. Слободин, Севообороты и рациональное земледелие. Сельхозгиз, М. 1940, стр. 118.

В книге рассматривается рационализация севооборотов в СССР (в основном — с агротехнической стороны). В ней показаны также некоторые итоги применения правильных севооборотов в социалистическом сельском хозяйстве. Автор дал значительный материал по применению севооборотов и в передовых капиталистических странах.

Опечатки, замеченные в № 3

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
34	10 сверху	15,5 млн.	15,5 млрд.
133	6 снизу	уже	тоже
135—133	—	Дважды помещены таблица 1 и сопровождающий ее абзац	

Цена 4 руб.

40

СОЦЭКГИЗ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ГОД
ИЗДАНИЯ
12-й

О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Отв. редактор **Б. Л. МАРКУС**

1
НОМЕРО
В ГО,

ЖУРНАЛ РАЗРАБАТЫВАЕТ
на основе марксистско-ленинского учения проблемы строительства и укрепления социалистического хозяйства, проблемы политической экономики, проблемы методологии и истории экономических наук и истории народного хозяйства СССР.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН
на научных работников, преподавателей и слушателей высших учебных заведений, партийный и советский актив, работников хозяйственных организаций и т. д.